

БЕНДЖАМИН ДИЗРАЭЛИ

АЛРОЙ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО: ДАН БЕРГ

Предисловие переводчика

Исторический роман “Алрой”, увидевший свет почти два века тому назад, по сей день жив и читаем. Благоклонное время не погасило искру интереса к книге и одарило ее завидным долголетием.

Автор романа Бенджамин Дизраэли (1804 – 1881), вошедший в историю, как крупный политический деятель викторианской Англии и как талантливый и плодовитый писатель, родился в семье сефардских евреев. В отрочестве Бенджамин крестили. Он был воспитан одновременно и в христианском и в еврейском духе.

Блестящей политической карьерой отмечен путь Дизраэли: член парламента, лидер оппозиции, министр финансов и, наконец, дважды премьер-министр Англии.

Не менее, чем политика, литература являлась виновницей славы великого англичанина. В его книгах читатель находит художественную интерпретацию исторических, социальных и политических взглядов автора. Александр Герцен назвал “еврейскими мелодиями Дизраэли” смелое обсуждение последним еврейского вопроса. Такие крупные светила, как Диккенс и Теккерей, сиявшие на английском литературном небосводе одновременно с Дизраэли, не заслонили блеск его звезды. Современному русскоязычному читателю практически не знакомо литературное творчество этого писателя. Почти все переводы на русский язык делались в 19 веке по мере выхода в свет романов. Не известны новые переводы и переиздания старых.

Благодарная Англия увековечила память своего славного сына. Дизраэли удостоился дворянского титула, ордена Подвязки и звания почетного гражданина Лондона. Ему воздвигнуты памятники в Вестминстерском аббатстве и в Гугендене. Пожалуй, неугасающий интерес потомков к наследию исторической личности есть лучшее свидетельство памяти о ней.

Посвященный еврейской теме роман “Алрой” был написан в 1833 году. В основу сюжета из истории Азии 12 века положены сведения о героических деяниях юного еврейского царя-лжемесии Давида Алроя, вознамерившегося вернуть своему народу утраченную с библейских времен славу и воссоздать еврейское государство со столицей в Иерусалиме. Алрой собрал под свои знамена армию единомышленников, завоевал города и страны, но очень скоро потерпел сокрушительное поражение и трагически окончил свой путь.

Романтика, подвиги, приключения, любовь, мистика, размышления и высокие помыслы героев – есть в книге все, что делает ее интересной читателю. И все же главной чертой романа является его идеологическая насыщенность. Дизраэли сталкивает различные взгляды на решение еврейской проблемы. Торжествует, но скоро терпит крах лестная еврейскому духу мессианская мечта разорвать порочный круг бесконечных унижений и силой завоевать для народа, называемого в святых книгах избранным, обещанное ему свыше величие. Вместе

с тем доказывают свою эффективность лишенные вдохновения, но проверенные столетиями прагматический конформизм и смирение под чужой властью.

Особенности воспитания и биографии расщепляют надвое позицию автора. Дизраэли, верный патриот еврейского народа и одновременно рациональный английский политик, сердце свое отдает сладостным фантазиям, а ум – пресной реальности.

Хрупкость успеха и крах Алроя подсказывают читателю мысль о безумии мессианства, безоглядной верой заслоняющего простой факт страшного неравенства сил. Новые поколения слишком похожи на старые, и потому преподнесенный романом поучительный урок делает книгу актуальной и в наши дни. Разумеется, затронутая в романе проблема трактуется универсальнее, нежели чисто еврейская. История знает о гибельных для народов последствиях соблазнительной, но ложно понятой идеи избранности, пусть последняя и не религиозного свойства. И это еще один урок.

В 1912 году был издан перевод романа на русский язык. Книга стала библиографической редкостью и в интернете отсутствует.

В настоящем переводе для удобства чтения авторские примечания встроены в текст. Переводчик стремился сохранить изысканность языка оригинала и передать характерный для романа стиль ритмической прозы.

Дан Берг

Предисловие автора

В 1831 году тропа путешествий привела меня в Иерусалим. Созерцание древних могил царей Израильских воскресило в памяти юношеские размышления об одной необычайной исторической личности, жизнь и борьба которой дарит прекрасный сюжет для колоритного романа. Страницы его познакомят читателя с героем по имени Алрой.

Перед нами Восток. Двенадцатый век. Взглянем на приметы тех мест и времен.

Слабел, разрушался Халифат. Повелители правоверных призывали в помощь себе Сельджукских султанов, которые, словно французские майордомы, становились фактическими правителями империи. В стороне от владений наследников Пророка они основали свои царства, по именам которых и величали себя: султан Багдадский, султан Персидский, султан Сирийский, султан Румский или Малоазиатский.

Армии этих воинственных царьков не блистали ни твердостью дисциплины, ни мудростью водительства, а сами правители являли собой хороший пример худых последствий роскоши и вседозволенности. Все меньше походили они на прежних грозных неодолимых владык, чья власть начиналась от берегов Каспия и простиралась вглубь Востока. И хоть пока еще хватало им сил хранить спокойствие внутри собственных владений, они заметно страшились крепчавшего могущества шахов Хорезма, неуклонно расширявших свои границы, кои все тесней и опасней придвигались к землям султанов.

Что до евреев Востока, то, после разрушения Иерусалима, они поневоле признали верховную власть покорителей, и сплотились вместе, и внутреннюю свою жизнь вели под началом собственных вождей, и считали их потомками царя Давида, и называли Предводителями

изгнания. Из анналов истории мы почерпнем, что то были времена сияющего величия сих еврейских избранников, сила которых едва ли уступала силе царей древней Иудеи. Сколь убывало могущество Халифата, столь прибавлялось влияние Предводителей изгнания. В безвременьи арабского правления они становились важными фигурами в тех краях. Их главная резиденция располагалась в Багдаде, где и оставалась до одиннадцатого века – роковой для Востока эпохи, от бедствий которой не укрыться было даже им самим. История упоминает о них вплоть до двенадцатого века. Герой моего романа пребудет в любимой еврейями обители – в городе Хамадане – месте захоронения Эстер и Мордехая.

Героическая эта история и таинственна и правдива вместе. Древние традиции еврейского духа известные от времен царских могил Иерусалима – вот основание необычайных событий романа.

Гровнер Гейт: июль, 1845.

Глава 1

Великий день Израиля

1.1

Смолкли последние звуки фанфар, и сидевший на белом муле Предводитель изгнания спешил. Столь громко прозвучали возгласы приветствия сопровождавшего кортежа, словно людей в нем было вдвое. И если бы не мельком брошенный презрительный и недобрый взгляд на лица зевак-мусульман, то данника можно было бы принять за триумфатора.

- Слава не миновала пока! – воскликнул почтенный Бостинай, входя в апартаменты своего дома. - Пусть церемония сия уступает великолепному шествию Шебы к Соломону, но слава не миновала пока. Ты все прекрасно устроил, умелый Халев.

Каждый шаг внутри родных стен добавлял спокойствия духа в сердце старика. Страх отступил, и не стало причины бояться проклятий и камней враждебной толпы.

- Этот день станет днем радости и благодарения – продолжил Предводитель изгнания, - твои фанфаристы отличились, верный мой Халев. И пусть трубы уступали Иерихонским, они возвестили, что Господь всемогущий с нами. Вздрогнули проклятые мусульмане! Халев, заметил ли ты слева от меня турка в зеленой одежде? Как побледнел он, видя крепость нашей силы, жезлом Якова зовущейся! О, этот день станет днем радости и благодарения! Щедро наливай людям вино и не скупись на горшки с мясом. Постарайся для них, мой мальчик. Мощью голоса и рьяностью ликования они заслужили награду. Их крик был слабее рева восторженных иудеев, вернувших Ковчег Завета, но крик их был дерзок! Да, слава не миновала пока! Сын мой, щедро наливай людям вино, пусть пьют за погибель Исмаила, чтоб захлебнулся он в хмельном зелье, которого и лизнуть боится!

- Воистину, великий день Израиля! – эхом откликнулся Халев на упоение господина.

- Процессии данников под запретом, и только для меня единственного сделано исключение, только меня сопровождал кортеж, и только в мою честь звучали фанфары, - продолжал

Бостинай. - Я стар, милый Халев, и кровь все медленнее течет в жилах, и вот я думаю... Впрочем, рано пока об этом... Бог отцов наших – вот незаменимое прибежище.

- Верно, мой господин! В былые века народ наш подобен был гонимому Давиду, бегущему пустыней Зиф, а ныне мы словно Богом помазаны в твердыне Эйн Геди!

- Да, слава решительно с нами! – провозгласил Предводитель и, смягчив голос, добавил: “Халев, сын мой, воздай хвалу Господу, за то, что ты молод.”

- Мой господин, живи долго и наслаждайся счастьем грядущих дней!

- Ты ошибочно истолковал мои слова, Халев. Я прожил жизнь, чтоб увидеть времена похуже былых. Не будущее я разумел, советуя тебе благодарить Бога за молодость. Волосы твои не подернуты сединой, и не знал ты прежних подлинно великих дней, когда нам под силу было и плен пленить и изгнание изгнать. Ты молод, и удел твой хорош, ибо нет лучшего, чем лучшего не знать.

- Мой отец жил в Вавилоне, - сказал Халев.

- О, не упоминай Вавилон, не произноси это слово! - с болью воскликнул старик, - горька потеря второго Сиона. Но не сломить наш народ! Разве не сбросили мы тяжкие оковы рабства египетского? А в день подношения дани разве не вытребовал я почетный кортеж, пусть малочисленный? И что ты скажешь о богатстве подношения нашего – о туго набитом драхмами мешке, возлежавшем в блестящем окружении семи тысяч турецких клинков-ятаганов?

- Семь тысяч ятаганов?

- И ни одним меньше!

- Подлинно великий день Израиля!

- О, Халев, верь, мы знали дни большего величия. Когда Предводителем изгнания был старый Давид Алрой, мы тридцать счастливых лет вовсе не платили дань халифу!

- Тридцать лет они не получали дани! Не диво, что теперь с нас три шкуры снимают!

- Это еще что! – продолжал Бустинай, пропустив мимо ушей последнее замечание Халева, - когда халифом был Моктадир, он послал гонца к Предводителю Давиду узнать, почему не заплачен долг, и не доставлены в срок положенные драхмы. Давид мигом оседлал коня и со свитой примчался во дворец. Он сказал халифу, что дань есть плата слабого сильному взамен на защиту, а люди его вот уж десять лет обороняют город, а посему не он, а султан является должником!

- Здорово! – восторженно воскликнул Халев, - разве нынче такому бывать? Скорей ворон белый прилетит или осел на лестницу влезет!

- К месту присловие. Эту правдивую историю я слышал от отца. Он вспоминал, как ребенком, стоя у окна, глядел на победно возвращающуюся из дворца процессию, а люди на улице кричали: “Не дрогнет жезл в руках Якова!”

- То был бесспорно великий день Израиля!

- Да, Халев, много сладких минут осталось в достойном нашем прошлом. Но мы с тобой заболтались, а дело не сделано. Иди к людям, добрый Халев, и одедай их щедро, хоть мы и не так богаты, как цари, в древнем Канаане сражавшиеся. У щедрого богатство не переводится. И ты прав, разумный Халев, сегодня с заходом солнца минует еще один великий день народа Израиля. А сейчас ступай и пригласи племянника моего, Давида Алроя, я хочу говорить с ним.

- Потороплюсь и все в точности исполню, любезный господин. Однако, я и другие удивлены, что юный повелитель, твой племянник, устранился от подношения дани.

- Эй, ты и другие! Удивление держите при себе! Прочь, пустомеля! Принимайся за дело!

“Он и другие удивлены, что мой племянник устранился от подношения дани! Разговоры досужие, но колют. Моего юного родственника предназначение – хранить величие Израиля, то бишь держать жезл Якова твердою рукою, направляемой благоразумием. Сего достоинства пока не вижу в юноше. Таков, как есть, он нас погубит. Я наблюдал за ним от младых его ногтей. В жилах его течет кровь старого Алроя – упрямая порода! В молодости я дружил с его дедом. Тогда и моя голова была полна фантазий, мечтаний и химер. Никогда народу Израиля не приходилось легко, а все же мы благоденствуем. Да, восторг обретения Ковчега Завета возвышенней, чем упоение богатством наших караванов, везущих ткани из Индии и Самарканда. Но и это зрелище ласкает взор. А чопорные правители наши разве могут обойтись без нас? Ох, сладко слышать рабскую лесть надменных владык! Весьма утешительно видеть, как бледнеют лица доблестных воителей, при упоминании имени грозного султана Арслана. Слабые, гнущиеся от ветров судьбы ветви рассеянного моего народа живут, зеленеют, дают побеги. Сие по воле Господа – он приучил нас к гибкости ума. Минуло время удалой силы, настал век осторожного здравомыслия. Им напоим древо преуспевания. Шутки, насмешки, побои даже – сносить будем кротко, с приятностью в лице. Я откровенен, чем и горжусь, ибо откровенность – знак свободы духа. И вот уж драхмы полнят кошню, а с ними сила приходит к Израилю. Так обращаем гонителей в должников, и мстим унижающим нас. О, кажется, племянник идет. Какое сходство с дедом в его молодые годы! Тот же Алрой. Та же хрупкая фигура, то же тонкое, почти девичье лицо, с нежностью которого спорят мятежные страсти в цыплячей груди. Что привело тебя, почтенный?”

- Кажется, ты ждал меня, дядя?

- С чего бы это? Дядья частенько ждут того, чего племянники не доставляют им.

- По крайней мере, я ни в чем не отказываю, ибо у меня ничего нет.

- У тебя есть сокровище, и я вожделею его.

- Ты говоришь об ожерелье, которым украсил меня? Оно принадлежит тебе.

- Благодарю. Я вижу, мой мальчик: рубины горят, изумруды сияют, жемчужины отражают свет тех и других – отборные камни, и они твои. Но другого сокровища я жду от тебя.

- О чем ты, дядя?

- О смирении.

- Сомнительной ценности сокровище. Если долг платится бесчестьем, то нет в уплате добродетели.

- Мы думаем розно, но об одном. Я послал за тобой, желая узнать, отчего сегодня ты не присоединился ко мне, когда я...

- Подносил дань!

- Пусть так. Почему ты “устранился”?

- Потому, что ты подносил дань. Я ничего не плачу.

- Мой мальчик! Грусть и груз прожитых лет не стерли в памяти безрассудства юности. Посему резонно говорю тебе, Давид, ты – безумец. Терпеть унижения – вовсе не пристрастие стариков. Разве в жизни всегда и каждому доступен выбор меж рабством и свободой? Не слишком ли просто? Не велика заслуга быть сумасбродным патриотом среди беззаступных, и при том не мочь подать им помощь. Ты не первый, дом Алроя известен героями такого сорта. И каков итог? Ты и сестра твоя – сироты, а клан ваш разбросан по белу свету. Не лучше ль доставлять дань в сопровождении почетного кортежа, чем под ударами бича и в кандалах? Это я, ты слышишь, Давид, это я собрал наше рассеянное племя, вернул нашу попорченную славу. День сегодняшней ты обзываешь днем позора, а я величаю днем триумфа. После ненастья солнце светит ярче. Но разве нет у нас общей почвы? Пусть знает Исмаил, что Яков твердо держит жезл в руке, и наш народ непобедим. Неужто такая цель не роднит тебя со мною?

- Дядя, прошу тебя, оставим это. Ты – мой славный родич, нам ни к чему раздоры. Склонности сердца мне изменить не дано. Мои предки? Что ж, они хотели многого, добились мало. Помыслы их были чисты, и я таков. Один из наших слывет героем.

- То незабвенный Алрой. Гордись им.

- Но я стыжусь, дядя, стыжусь, стыжусь!

- Его сила не ушла. Я был верен и ему и ей. Я хочу вернуть поднятый им жезл.

- Вернуть кому?

- Истинному владельцу – тебе!

- О, нет! Молю, забудь о праве моем на наследие, от коего я отрекаюсь. Жезл, что ты мудро пронес сквозь годы, я не приму. Слабым моим талантам не доступно вдохновение рутины. Быть рассудительным быстро приедается.

- Ищущий славы бежит труда!

- Труд без славы – удел лакея!

- Ты умен, твой горизонт широк. Ты обязательно поймешь, что приносит счастье мысль о бедах, которые могли прийти и не пришли. Нет лучшего удела, чем честный труд и покой, заслуженный в награду.

- Если мой удел – покой, то потерплю с ним до могилы.

- Ах, Давид! Меня пугает своеволие нрава твоего. Я утешаюсь упованием, что к великим безрассудствам побуждает великий, но слишком юный ум, и потому имеется надежда. Уж очень ты одинок. Возможно, в этом кроется причина. Повторяю, ты умен, и, несомненно, глубоко проникнешь в суть твоего наследия. А я, покуда жив, твой верный помощник и подсказчик. И, главное, уповай на Бога отцов наших, он не оставит милостью своей царственного рода сироту.

- Любезный дядя, довольно об этом. Я не надену корону царя рабов.

- Ты не зрел в суждениях. Мы живем рабами? Наши палаты – рабов жилище? Эти роскошные диваны и ковры не осрамят пышнейший из гаремов. Мои сундуки набиты драхмами. Такова жизнь раба? Богатейшие караваны принадлежат мне, Бостинаю. По-твоему, я – раб? В Багдаде на базаре мое имя известнее имени халифа. Это – рабства знак?

- Дядя, ты трудишься для чужих.

- Все этим заняты. Такова же и пчела. И она свободна и счастлива при том.

- По крайней мере, у нее есть жало...

- Она лишь раз ужалит – и умрет!

- Умрет достойно. Ее смерть слаще ее меда.

- Ты молод, молод. И я когда-то льстился мечтой о будущем геройстве. Теперь, мой мальчик, мечтаю дожить до созерцания твоего довольства. Сотри мину кислую с лица, возрадуемся вместе. Что ни говори, а сегодня у нас большой день. Все наши, а также Исмаил, проклятый сын Агари, уведомлены, что отныне ты – Предводитель изгнания. Сегодня минул твой восемнадцатый год, и, как у нас заведено, сей день – первый день твоего правления. Я приглашу старейшин на торжество, представлю их тебе. А сейчас, до свидания Давид. Укрась физиономию улыбкой. С волнением жду я торжества и твоего торжества на нем.

- До свидания, дядя.

Давид смотрел вслед удалявшейся фигуре Бостиная. Горечь сменила насмешку в глазах. Он с размаху уселся на диван, закрыл лицо руками. Затем вскочил. Как зверь в клетке, долго метался по залу взад и вперед. Устал, облокотился на колонну. Сдавленным голосом заговорил с собой.

“На сердце беспокойно, душа полна печали. Что значит этот мир вокруг меня, и кто я в нем? Тучи черные повисли надо мной. О, Бог всемогущий, смилостивься, рассея тьму!”

“Порой мне кажется, я – сердцевина, средоточие безумия, что царит повсюду. Быть живым – еще не значит жить. Дышать, есть, спать, просыпаться и вновь вступать на бесконечный круг. Так день за днем. Существование, лишённое надежды. Дух угнетенный шепчет: “Смерть лучше этой жизни!” Негодная подсказка!”

“Дьявол, прочь из сердца! Не запятнаю деяньем мерзким царственный древнейший род, который права не имеет во времени растаять, как сон простой. Однако, тревога затопила душу.”

“Фанфары, что трубили наш позор, пусть позовут на бой! Бог всемогущий, молю, оставь мне только две тропы – к победе или к смерти. Вождедею славы царя Давида, а нет – так умереть, как царь Саул.”

“Зачем живу я? Не к громогласным косноязычным трубам я обращаюсь, пусть тихий ясный шепот сердца мне ответит. Не вскормил ли я своим воображеньем опасных призраков, что поселились в голове моей и отравляют мозг ложным понятием о жизни, красоте и славе? Ослепленный, я бреду наощупь и, очнувшись, вижу эти стены дома рабства! Сердце, почему молчишь?”

“Бог моих отцов великих! Позволь сказать Тебе, что вслед поколениям нелучших сынов их, явился тот, кто неколебимо верен Синая заветам и не страшится предстать перед лицом Твоим и исполнить Твои наказания до конца.”

“И если неизменна воля Твоя беречь Израиль, молю, не мешкай ее исполнить. Взгляни, достойно ли очей Твоих существование жалкое избранных? Когда-то смолкли арфы наших предков, оплакивавших на берегах рек Вавилонских утрату горькую Сиона. Много горше нынешние бедствия народа Твоего.”

“Худшее из бедствий – смиренное терпение. На эфемерных ангелов осталось уповать, что сберегут вместо нас Ковчег Завета. К счастью, явился в мир безумец, чья вера чистая с желанием неукротимым вкупе составят силу, готовую свершить мечту. Встречаются болезни, от которых нет средства, кроме безрассудства.”

“О, кажется, я ухватил край нити мыслей, запутанных в клубок. Несовместна мечта о славе с великою печалью. Я должен обозначить путь свой среди множества чужих дорог. Любовь и красота, и красота любви, кокетство и улыбки женщин, и речи мудрые мужей достойных, суэта страстей пустейших, и нега роскоши – утехи не моей судьбы. Я – Алрой, потомок царственного рода. Мечта и цель моя – вершина власти. Царский жезл не предназначен для рабски протянутой руки. Мне не вкусить отрады на приготовленном сегодня празднике самодовольства. Зато я знаю твердо – настало время поворотного деанья!”

“Отцы народа моего! Пусть слишком многим из потомков ваших приятен запах гнили, и мило сердцу злато, что добыто на величие в обмен. Я не таков! Не посрамлю Израиль! И если голове моей корону царя Давида носить не суждено, то головы самой мне не сносить тогда!”

- Не говори так, брат мой!

Давид обернулся. Перед ним стояла сестра его Мирьям. Лицо ее – красоты небесной.

- А, Мирьям! Ты умеешь изгонять из души мрачных призраков и разрешать сомнения? А если нет, то зачем ты здесь?

- Зачем я здесь? Но ведь и ты здесь! Брат, прошу, приходи скорей на торжество, оно наше и твое. В саду у фонтана я срезала лучшие цветы, сплела их, развесила по стенам, как принято у нас в дни радости. Лампы зажжены. За воротами ждут девушки, они поднесут тебе мантию, приличествующую новому твоему положению. Брат, поторопись на праздник – наш и твой.

- Что мне праздновать?

- Да разве не в твою честь дом и сад украшены гирляндами, цветами, лампами, огнями? Раве не является сегодня к нам новый Предводитель? Почти царь!

- Царь без царства.

- Без царства, но не без лучших атрибутов царства – богатства и подданных.

- Подданные? Рабы, братство рабов!

- Кем быть нашему народу – на то воля Бога, а мы поклонимся с трепетом.

- Я не стану кланяться, не буду трепетать.

- Смолкни, Давид! У Бога не в чести те, у кого шея не гнется. Он карает чрезмерно гордых духом.

- Такие покорили Канаан!

- Милый брат! Ты пребываешь в тревоге за всех нас, за судьбу Израиля. Я пришла, чтоб приручить демонов в удрученном сердце. Кем мы были прежде – то чудный сон. Кем станем в будущем – это светлая надежда. А кто мы в настоящем есть? Главное – мы есть. Сейчас я разумею только нас с тобой. Твое мимолетное объятие, твоя редкая улыбка мне дороже благородства крови, пышности садов, роскоши палат.

- Кто там за дверью?

- Халев.

- Будь добра, Мирьям, передай дяде, что скоро я присоединюсь к пиршеству. Но ненадолго мне хочется остаться одному. Нет, постой, сначала вытри слезы.

- Эти слезы не от горя.

- Господь с тобой, Мирьям. Ты – утешение моей жизни. А сейчас, прощай!

Мирьям ушла, оставив брата на произвол неотступных мыслей и сомнений.

“Я избегаю влияния женских чар. Они не добавляют доблести герою. Я не знаю любви. В моем сердце есть место только для Мирьям, сироты и моей сестры. Удивительное сходство меж нами. Когда на праздник Пэсах она шутики ради намотала на голову мой тюрбан, дядя по ошибке назвал ее Давид. Мне кажется, если б сыновья Израиля были столь мужественны, сколь красивы его дочери, мы б по сей день пели наши песни в Сионе.”

“Я твержу себе, что женские прелести не волнуют мою кровь, но иной раз прокрадется догадка, что прислонись доверчиво к моей груди нежная головка, и случись сие вдали от посторонних глаз, ушей и ртов, то, быть может, отступились бы от меня вселенские терзания. Впрочем, пустое! Усомниться – значит утратить силу. Жизнь – это сон, и моему сну безмятежным не бывать.”

За воротами Хамадана, неподалеку от города, незаметно расположился островок ухоженной земли, в центре которого возвышалась старинная гробница – захоронение еврейской царицы Эстер и родича и наставника ее Мордехая. Священное для иудеев, уединенное это место служило верным прибежищем Давиду Алрою. Вот и сейчас, перед заходом солнца, спасаясь от насильной радости праздника, юный Предводитель пришел к могилам древних героев, чтобы утешиться и забыть горечь минувшего дня.

Алрой вступил за ограду, запер ворота. Ни звука вокруг. Тишина – лучшее из утешений, ибо не порождает новых слов. Но вот послышался стук лошадиных копыт, раздался крик.

Алрой повернулся на звук голоса и увидел сластолюбца Алчирока, нового правителя города и брата Сельджукского султана. Господина сопровождал любимый слуга, араб, верный пособник хозяина в свершении гнусных его поступков.

“Эй, пес! – возопил негодующий Алчирок, - ты глух, или глуп, или то и другое вместе? Мне дважды повторять? Открывай ворота!”

"Зачем?" – спросил Алрой.

“Зачем? О, великий Пророк! Мне задают вопросы! Открывай ворота, не то заплатишь головой!”

“Кто ты таков? Не слишком ли грозен? Уж не тот ли ты праздный турок, что пьет вино, нарушая установление Пророка? Ступай прочь, или ответишь перед кади, своим судьей мусульманским!” Сказав это, Алрой отвернулся от всадника.

“Клянусь Пророком, этот жалкий пес насмехается над нами! Нам надо спешить, да и конь нетерпелив. Мустафа, поставь на место негодя, или я зарублю его!”

“Драгоценный иудей, - выступая вперед, заговорил скользкий слуга, - вероятно тебе не известно, что перед тобой стоит наш градоправитель, достойный Алчирок. Его высочество вынужден пересечь напрямик место погребения любимцев твоего чудесного народа, ибо господин поспешает на встречу со святым Сантоном, живущим на другой стороне холма.”

“Если этот человек – его высочество Алчирок, то ты, без сомнения, его славный слуга Мустафа.”

“Я и впрямь его скромный слуга. И что из этого, любезный сердцу юный иудей?”

“А то, что не далее, как вчера, ты нанес обиду сестре моего домочадца. На языке мед, а в сердце яд. Подлость и лесть – кровные родичи. Не стану марать руки об тебя. Долой с глаз моих!”

“О, мой Пророк! Кто же этот пес?” – воскликнул изумленный градоначальник.

“Это молодой Алрой, - прошептал Мустафа, которой поначалу не узнал юношу, - иудеи назначили его своим Предводителем. Он известен своевольным нравом. Нам бы лучше пройти мимо.”

“Молодой Алрой! Запомню. Им тоже нужен господин. Молодой Алрой! Ты прав Мустафа, уберемся отсюда!” - сказал Алчирок и вдел ногу в стремя. Оставляя последнее слово за собой, устрещающе закричал: “Эй, пес! Помни о дани!”

Алрой в ярости бросился к воротам, но горячий конь Алчирика унес хозяина, не оставив надежду на успех возмездия.

Гневным, горячим взглядом Алрой преследовал исчезающую фигуру врага. Тот пропал из виду, и Давид вернулся к могилам. Встряска рассеяла умиротворение, которого искал и уж было нашел новый Предводитель. Достичь покоя не легче, чем власти или военных побед. С растревоженным сердцем он добрел до роши на возвышенной части кладбища.

Молодые сосны окружают мощный кедр. Сверху Алрою хорошо видна зеленая долина. В центре ее расположился мраморный фонтан – вычурное строение, ограниченное витыми колоннами, несущими блистательный купол. Колонны испещрены ивритскими надписями, основания их украшены вырезанными на камне цветочными орнаментами. Заходящее солнце окрасило цветом заката все сущее вокруг. Здесь, на востоке, не столь дворцы, сколь кладбища величественны и пышны.

Час благолепия и красы. Последние лучи скользят по зеленым листьям. Воздух недвижим. Вдруг ветерок зашевелил перья томно дремлющих птичек, напомнил о ночной прохладе. Найдется ли столь непреклонно твердый дух, что не разомлеет в сладкой безмятежности уходящего дня?

Поддавшись упоению, Алрой не заметил, как, обманув запрет души, чуждая слеза скатилась по щеке.

“Кажется, очарование природы захватило меня. И все же сердце мое не здесь, мне чудится Земля Обетованная. Уж это не впервой. Вот, вижу себя в древнем Канаане. Мой караван, как дядюшкин, везет богатые товары. Но я не в пример ему свободен. Красивые, тоскливые мечты! И этот ничтожный Хамадан! И сам я жалок в своем бездействии. Былое изгнание народа моего – величие напротив нынешнего рабства иудеев. Нет среди нас восходящей на трон Эстер. Где хитроумный Мордехай? Так не хватает пронизательного царского наперстника Даниэля! О, Иерусалим! Взглянуть на стены и башни твои хоть раз, и сердце вдохновится, и не назвать подвига, на который оно не подвигнет меня! Вдохновение потому лучший гость, что является на первый зов. А дядя говорил, что Храм разрушен. Как страшно! Ужели нет надежды?”

Внизу раздались нежные голоса. По обычаю востока, на закате солнца девушки в белых одеждах идут по воду и хором поют. Алрой прислушался.

“Когда кирпичи порушены, заместим их камнями тесаными,
А взамен смоковниц вырубленных вырастим кедры могучие!”

“Как хорош припев! И звучит пророчески!”

“Вот снова запели. Чудно вливаются голоса в вечернюю тишь.”

“Ворочу тебе гордость былую, славная дева Израиля!
В хоровод войдешь с тимпанами,
Песням, танцам своим возрадуешься,
Виноградники насадишь в Самарии!”

“Пророка нашего вещие слова. Знаю: дева Израиля – это народ мой, и Бог вернет ему землю и славу его. Как красиво вьется белая змейка меж темно-зеленых кустов! Кувшины в тонких гибких руках. Вот девушки подходят к фонтану, сейчас наполнят сосуды водой. Первая в цепочке и самая стройная – сестра моя Мирьям.”

“Уселись в кружок. На головах венки, гирлянды цветов на плечах. Шалунья набрала полные ладони воды, прозрачными брызгами осыпала подруг. Смех. Поднялись с травы, зачерпнули кувшинами воду. Вот, вновь запели!”

“Виноградные лозы Сивмы!
Плоды их нещадно сгублены,
Крик войны потряс небеса!”

“Отчего вдруг горькие речи слышу? А вижу что? О, ужас! Человек в тюрбане ворвался в девичий круг! Хор нарушен, и песня прервалась. Крики о помощи. Злодей схватил беззащитную! Товарки бросились врассыпную. О, да это Мирьям в руках Алчирока!”

Бури морской раздирающий рев, молний пронзительных ярость, грома жестокого грохот – с какой стихией сравнить бешенства дух, грудь Алроя сдавивший?

Мертвенно бледный, с силой, удесятеренной иступлением, он сломил ствол молодой сосны. Головой рискуя, страшными прыжками ринулся вниз по крутому склону. Настиг похитителя и с диким звериным вскриком ударил того по темени толстым краем ствола. Алчирок рухнул наземь,
Мирьям без чувств упала в объятия брата.

Немой, обессиленный, с опустошенной душой Алрой стоял и держал в руках драгоценную ношу и со страхом глядел в белое застывшее лицо сестры.

Одна из беглянок, самая бедовая, не совладала с любопытством, выбралась из-за кустов и устала на три неподвижных фигуры. Увидала, что чужой повержен, а подруга в объятиях своего, и вконец расхрабрилась и, ободряя затаившихся трусих, запела.

“Поспешайте, Иерусалима дочери,
Отомстил за вас Господь,
Погубитель погублен!”

С замечательной быстротой вернулась смелость к девицам, и вот уж новый хор готов, и звенит песня.

“Поспешали мы, Иерусалима дочери,
Господь отомстил за нас,
Погубитель погублен!”

Одна из девушек ослабила ткань на груди спасенной подруги, другая брызнула ей в лицо прохладной водой. Мирьям открыла глаза, заговорила: “Давид, брат мой?” Он ответил: “Я здесь!” Она сказала: ”Беги, спасайся, Давид! Ты поднял руку на их господина!”

“Уверься, сестрица, он будет милосерден. Лишь только он закон переступил, как тут же я помог ему забыть навеки мое деяние и этим справедливость проявить!”

“Милосердие? Справедливость? Добродетели эти не ведомы нашим тиранам. Брат мой несчастный! Алчирок уготовит тебе лютую смерть. Невыразимо горе мое! Беги, брат, беги!”

“Беги, беги, беги!” – подхватил хор.

“Мирьям, ты несправедлива к достойному Алчи року. Если бы проклятый его народ причинил нам столь же мало зла, сколь успел это сделать сей юный градоправитель, мы могли бы считать себя любимцами судьбы. Взгляни, он беспробудно спит. Я не позволю этой туше разлагаться близ наших чистый вод и средь благоухающих цветов. Я оттащу ее подальше в лес и ночью понаблюдаю пир шакалов.”

“Бред на устах твоих! Алчирок жив, ты не убил его. Из страха он притворился мертвым. Стоит нам уйти, и он встанет с земли. Или он без чувств. Девушки, обкатите его водой!”

“Прочь! Я первым подойду к нему. Вот: он мертв! Мертв Алчирок! Сатрап, что унижал меня. Сейчас я вижу труп. Освободились от гонителя! Я освободил нас всех! А коли правитель сгинул, то и его народу должно следовать за ним! Он мертв, и я – его убийца! Я мужем стал, мужчиной! Я жизнь вкусил – жить и убивать!”

“Горе, какое горе! Небеса, молю, верните рассудок брату! Он меня не слышит. Он и впрямь лишился разума, или мой голос слишком слаб? Девушки-подружки, преклоните колени, сыщите слова проникновенные, исцелите безумного Предводителя вашего!”

Громко зазвучал наставляющий хор, но долог путь поучений.

“Пришла беда – и утешит сестра,
В устах любящих нас – мудрый совет.”

“Голиаф был повержен камнем, я убил Алчирока дубиной. Не оружие, исход сражения важен. Алчирок – мой Голиаф, и недаром я Давид. С нами Господь всемогущий!”

“Господь великий! Храни народ свой от врагов, восстающих с грозным криком или в засаде тихо таящихся!” – прозвучали девичьи голоса.

“Грязный, похотливый Алчирок посмел коснуться сестры! Ах, кабы все его проклятое племя привести сюда, да кабы наш народ набрался удали, да бесчисленно умножил удар мой – и добыли бы свободу! Вернется ли к нам геройства дух, что явил Давид в долине Эйла, сразив Голиафа?”

Пока Алрой вслух мечтал, одна из девушек, стоявшая поодаль, что-то увидела и услышала и подбежала к нему и закричала отчаянно: “Беги, они идут, они идут!”

Мирьям яростно вцепилась в руку брата. “Алрой! Давид! Брат мой любимый! Ведь они приближаются, бессердечные жестокие люди. Схватят тебя, станут мучить, потом убьют. Сестра твоя умоляет тебя. Опомнись! Беги! Спасайся!”

“Без сомненья – счастливые мечты, весьма возможно – тщетные надежды. Я очнулся. Говори, Мирьям, чего ты хочешь?”

“Они идут сюда, свирепые холопы мертвеца. Беги, спасайся, Алрой!”

“И оставить тебя?”

“Слушай внимательно, Давид. Я с подругами вернусь в дядюшкин сад тайной тропой. В стенах его дома мы в безопасности, насколько может быть в безопасности наш уязвимый народ. Бостинаю ведомы повадки милейших его господ, он осмотрителен, умен, и, главное, богат. Нас он защитит, но тебя спасти не сможет, лишь кровь твоя их жажду мести утолит. Но если не найдут тебя, и если подкупить их щедро – я все свои сокровища кладу на это – то память их станет коротка, как жизнь убитого тобою Алчирока. Вот, на ногах едва стою и к обмороку я близка. Но нет, я слабость прочь гоню! С помощью подруг я доберусь до дома. Вместе или спасемся или погибнем! Испытанье на пределе сил докажет благородство царской крови!”

“О, драгоценная моя Мирьям! На что мне услады мести, славы, свободы, самой жизни, если все это упоенье – без тебя? Я остаюсь!”

“Пришла беда – и утешит сестра,
В устах любящих нас – мудрый совет”, – вновь послышалось наставление.

Раздалось лошадиное ржание.

“Они идут!” – в отчаянии выкрикнула Мирьям.

“О, Бог наш! За что испытания эти?
Ведь мы помним Тебя и уставы Твои, и пути свои не кривим!” – заголосили девушки.

“Снова слышится ржание! Лошадь зовет седока. Не бойся, Мирьям, конь врага нам не враг, а в трудный час – друг. Это рысак Алчирока, великолепный конь.”

“Смотрите, смотрите, ветви в лесной чаще ухватили барана за рога!” – закричала одна из девиц, к случаю вспомнив, как Бог послал жертвенное животное Аврааму и в последнюю минуту спас сына его Ицхака от заклания.

“Бог не оставил нас! Быстрее, подружки, приведем коня! Да не дрожите вы так, я сама возьму его под уздцы!” – забыв о близком обмороке, воскликнула Мирьям.

“Стой, сестра! Предоставь это мне. Я сам управлюсь со своенравным, как вихрь, скакуном!”

Алрой остановил Мирьям и привел из рощи рысака. Царственного вида животное надменно потрясает ухоженной гривой. Горящие глаза. Раздувающиеся ноздри выдают чистоту и благородство породы. Масть его – цвет ночного неба, освещенного тысячью звезд. Он бьет сильным копытом, как орел бьет крутым крылом.

Всадник вскочил в седло и твердой умелой рукой взнуздal коня.

“В этом седле я победитель, не беглец! Прощай сестра, прощайте милые девушки и берегите мою драгоценную Мирьям!”

Алрой наклонился к сестре, обнял ее и прошептал: “Скажи нашему доброму дяде Бостинаю, пусть не скупясь тратит золото. Я чувствую, очень скоро оно сильно упадет в цене. Я вернусь, чтобы принудить тиранов наших бесцетными богатствами искупить это горячее бегство и горькое прощание! А сейчас – вперед!”

Глава 2

Каббалист

2.1

Лети вперед, быстрый смелый конь! Спорь с пространством, тори путь непроторенный. Под копытами гудит серый чугун земли, над головою звенит красная медь небес. Мчись вперед добрый верный скакун! Покоряй пустыню, прокладывая тропу непроложенную.

Ты надеешься, благородный конь, соленая равнина приведет тебя к зеленым лесам Йемена, и ноздрей твоих коснется ароматный зефир Аравии? Блажен, кто не в силах отрешиться от своего видения. Не заблуждайся, терпеливый рысак, безжизненная целина не обратится в прохладные рощи Йемена, и ноздри твои не вдохнут благоуханный ветерок Аравии.

Окончился день. Поднялись в небеса звезды. Низко до самой земли спустилась ночь, принесла желанную прохладу. Глядят сверху на землю ночные светила, видят хрупкую фигуру и бледный лик юного Предводителя.

Неутомимый конь все скачет вперед – покуда сердце стучит и ноги крепки. Мили и часы, раскаленная земля и тугой воздух – все уступает азарту и силе.

Ни пищи, ни воды, ни тени не уготовит бескрайнее плато всаднику и коню его. Ни зверя крупного, ни твари мелкой не видать на голой горячей земле. Ни единый шорох не вторгнется в пределы царства тишины. Вот, нарушая обет молчания пустыни, зашуршала крыса в низкорослых кустах. Шевелит белыми усами, несет в желтых зубах молодую змею, скалится – рада добыче. Лишь эти двое за целую ночь скрасили одиночество беглецов.

Наступает утро, мимолетные свежесть и аромат над землей сулят скорый зной. Песок поддается лучам, как воск послушен печати. Справа и слева – плоская твердь, впереди – горная цепь, туда направляет коня Алрой.

Это великие горы Эльбурс. Из-за вершины выползло жестокое солнце. Конь остановился и жалобно заржал, прося воды. Мучимый жаждой, Алрой лишь лаской мог утешить верного скакуна. Тот, должно быть, понял общность беды, заржал веселей.

Прошел еще час-другой, все медленней движется конь – душат жар и нестерпимая жажда. “Скоро достигнем подножия гор, там непременно должна быть вода – колодец или родник”, – сказал Алрой себе и коню. И рысак, казалось бессильный уже, ускорил шаг, как мог, спасая себя и хозяина от гибели в безводном краю. В бедствии жажда и голод хорошие учителя.

Глубоко несчастным чувствовал себя беглец. Не раз подумал уже: “Не лучше ль спешиться, отпустить животное, самому лечь на землю и тихо умереть? Остался бы в Хамадане, и никакие пытки не превзошли бы теперешних мук!” Алрой заметил, что пересекает клочок земли цветом темнее окружающего песка. “Здесь должна быть вода!” – мелькнуло в голове. С трудом остановил коня, тяжело покинул седло. Трясущимися от слабости руками стал разгребать землю. И впрямь вскоре добрался до воды. Разочарование сменило минутную радость – вода солонее морской. Лошадь нагнулась, коснулась языком соленой влаги, заржала горестно.

“Увы, мой верный конь, поторопились радоваться! Я – причина твоих страданий. Я был бы отличным тебе хозяином, но целый мир ополчился против меня. Ах, если б очутиться сейчас у нашего фонтана в Хамадане! Безумная мысль! И Мирьям безумна! А я, разве я не был безумен, мягкосердечно уступив ей?” Изможденный, он облокотился на шею коня и безудержно зарыдал.

Конь вздохнул, как человек, нагнул голову и нежно коснулся губами почерневшей от земли руки. Дав выход чувствам, Алрой приободрился, лошадиная ласка добавила душевных сил. Он набрал в ладони воды, умыл коню морду, вытер пену и заслужил благодарное ржание.

Четвероногий друг подогнул колени, принял к себе на спину ослабевшего седока и двинулся навстречу горам. К вечеру почти достигли цели. У близкого уже подножья гор Алрой разглядел купол. “Под этой крышей нас ждет вожденная вода. Должно хватить сил добраться”, - подумал всадник, и конь побежал.

На закате солнца подъехали к колодцу. Наездник соскользнул с коня, взявшись за узду, повлек его к воде. Но конь – ни с места. Задрожал всем телом. Глаза остекленели. Издал тяжкий стон, упал и умер.

2.2

Ночь, как водится, несет добрые перемены. Усталому – отдохновение, несчастному – утешение, и только отчаявшемуся добавляет отчаяния.

Луна нырнула за облако, но тысячи звезд остались на ночном посту. Могучие горы сурово глядят вниз, и воздух неподвижен и чист. Утомленный ветер не бродит меж ветвей, обернулся мантией листвы и замер. Кажется, ничто под небом не решится оборвать тишину, лишь вода едва слышно журчит. Неподалеку от источника примостился Алрой. “Погружаясь в ночь, я ничего не вижу, ничего не слышу, ничего не люблю...” – подумал Алрой. Быстро уснул.

За черными камнями послышался шорох. Это шакал учуял запах разлагающейся лошадиной плоти. Подкрался, огляделся по сторонам, принюхался. Роскошный пир ждет этой ночью шакалов, лис и куниц. Надо торопиться, покуда крупные звери не пробудились и не отняли добычу.

Шакал лакает лошадиную кровь, из горла его рвется стон утонченного наслаждения. Вот он сдирает мясо с ребра, и вновь слышен плач упоения.

Послышался отдаленный лай. Живо примчались еще шестеро и еще трое сородичей пирующего счастливца. С дерева спрыгнула куница, но шакалы не позволили ей подступиться к источнику восхитительного аромата. И, отверженная, стоит она поодаль, сияет красотой глянцевого шкура, дышит часто, и в глазах – бессильная ярость.

Наполовину насытившийся, отяжелевший шакал оторвал от трупа добрый кусок. Зазевался. Улучив мгновение, куница ринулась вперед, ухватила свою долю и скрылась с ней на дереве.

Ликующий визг куницы разбудил льва в его логове. Вдали возник его могучий, цвета черного дерева, силуэт. Лев зарычал. Шакалы тут же перестали жевать, глотать, разрывать зубами мясо. Повернули головы в сторону всевластного голоса. Лев медленно, степенно приближался. Шакалы отступили. В ущерб царскому достоинству властитель с

любопытством обнюхал разбросанные части труп. Опомнился и с презрением отвернулся. Направился к воде. Шакалы вернулись к своему занятию. Лев заметил человека. Грива грозно поднялась, хвост бешено забился. Зверь нагнулся над спящим юным Предводителем и дико взревел.

2.3

Алрой пробудился. Его взгляд встретил горящие глаза огромного зверя – вождение и изумление смешались в этих глазах. Глубокое забытие без сновидений вернуло силы телу и душе одинокого странника. Мигон он собрался с мыслями, припомнил недавние перипетии и вполне и по достоинству оценил настоящее свое положение. Алрой уставился на льва твердо и бесстрашно. Скрестились надменные взоры царственных соперников. Дух человека сломил инстинкты зверя. Лев отвел глаза, опустил голову, попятился и, храня достоинство, удалился в лес.

2.4

Врывается утро, и новый свет разливается по небу. Отступает ночная тишь. Дахание рассвета, коловращение дня.

Одинокая птичья трель разливается в вышине, одинокая птица поет свой радостный гимн. Легкие, ясные, чистые звуки льются в небе, соперничая с его красотой.

Одинокий юноша вперил взгляд в синеву, видит кружащуюся над головой одинокую птицу. Мерные взмахи темных крыл, тонкий белоснежный хвост, блеск оперения в низких рассветных лучах.

Вдруг птица стала круто снижаться, очертила три круга над головой Предводителя изгнания, выпустила из клюва нежную свежую ветку финиковой пальмы, улетела.

“О, это добрый знак победы иудеев над врагами! Но где посланница судьбы, где драгоценная гостья? Умчалась в пальмовую страну, растворилась в воздухе, исчезла, как сон!”

Знамение заставляет задуматься, испытывает веру, которая есть источник его власти.

2.5

“Бог отцов моих! Как в голодные дни Ты накормил Пророка Илью, так и мне подал пищу!” – воскликнул Алрой. Он размотал тюрбан, опустился на колени и принялся горячо молиться. Затем поел плодов с ветки финиковой пальмы и напился воды. Умиротворенный, уверенный в неколебимой спасительной помощи Бога Израиля, Давид продолжил свой путь.

Вот он взбирается в гору, преодолевая крутой подъем. В два часа пополудни Алрой достигает одной из вершин. Дикая, величественная природа. Суровые скалы, бездонные пропасти, темные теснины. Руслу пересохших потоков прочертили на склонах глубокие следы. То тут, то там мелькают рогатые головы горных козлов, усердно щиплющих скудную зелень. На многие мили вокруг простирается этот угрюмый пейзаж. Вдали каменные

громады неудержимо рвутся вверх, и высочайшие из вершин украшают себя белыми снежными шапками. Это – горная гряда Эльбурс, что тянется южнее южного берега Каспия.

Алрой не чувствовал себя робким чужаком в неприветливой горной пустыне. Передохнув после подъема, решительно двинулся вниз по скрытой тропе. Чернота зияющего ущелья остановила уверенный шаг. Дюжина ярдов отделяла его от противоположной стороны каменной теснины. Нельзя без содрогания глядеть вниз, не видя дна.

Предводитель нагнулся и стал с великим тщанием исследовать землю вокруг. Рука нащупала каменную плиту прямоугольной формы. Он сдвинул ее, и обнажился металлический люк. Тут Алрой достал свой талисман – сердоликовую печатку, покрытую таинственными знаками – и трижды коснулся металла драгоценным камнем. В воздухе раздался и быстро стих низкий гул. Неведомая сила отворила люк, закрывавший неглубокий колодец, в котором по-змеиному пряталась железная цепь, и к дну которого она одним концом была прикована. Алрой взялся за крайнее звено, швырнул цепь, и та легла меж двух камней на противоположной стороне ущелья. Чудесным образом другой ее конец намертво примкнул к камню, как к магниту. Алрой ухватился за гибкую переправу, без страха повис над пропастью и, перебирая руками, преодолел зияющую бездну. Затем он отъединил цепь от камня и бросил ее назад к колодцу. Далее чудеса проследовали в обратном порядке: цепь вернулась в свое поместиле, люк скрыл ее, а на него надвинулся прямоугольный камень. Действо завершилось коротким и низким гулом. Чудеса случаются с теми, кто верит в них.

2.6

Алрой прошагал сквозь базальтовую крытую аркаду – создание фантазии природы. Миновав нерукотворное архитектурное диво, он очутился на открытой площадке. На краю ее, меж камней, бьет фонтан прозрачной ледяной воды. Поток стремится вниз, срывается с обрыва в ущелье, расщепляется на искры прозрачных разноцветных брызг.

Вход в пещеру. Алрой переступил порог и очутился в человеческом жилище. Через отверстие наверху проникает дневной свет. В темном углу горит огонек. Это хозяин, не удовлетворенный вполне одной лишь силою природы, зажег светильник. В центре помещения стоит круглый медный стол. На поверхности его выгравированы таинственные знаки и фигуры. Рядом со столом расположилась покрытая звериной шкурой лавка – бесхитростное ложе сурового жильца. На лавке громоздятся тома книг. Стены урaшены висящими на них щитом, луком, полными стрел колчанами, прочим оружием. Жилище аскета – пустынника и каббалиста.

Перед Алроем выросла фигура человека средних лет, крепкого сложения, высокого роста. В лице строгость, величие в глазах. Черная борода спускается почти до пояса. Красная мантия опоясана кушаком, на котором вышиты желтого цвета знаки, похожие на те, что на медном столе. Голова увенчана тюрбаном.

“Джабастер!” – провозгласил Предводитель изгнания имя хозяина.

“Священный отпрыск царя Давида!” – ответил каббалист, - “Я ждал твоего прихода. О нем я узнал вчера ночью по расположению звезд. Они светились тревогой.”

“Тревогой или триумфом – лишь время определит. Так я думаю, мой великий учитель. Покамест я беглец. За мной гонятся ищейки-мстители, которых я вожу за нос. Я убил исмаильянина!”

Глава 3

Надежда Израиля

3.1

Полночь. Алрой расположился на хозяйском ложе. Спит, и сон его тревожен. Тих и недвижим стоит Джабастер поблизости и пристально вглядывается в лицо гостя.

“Единственная, но подлинная надежда Израиля” – думает каббалист, - “Мой ученик и мой Предводитель! Я не ошибался, я давно уж разглядел в юном сердце притязание на будущие славные дела. Кажется, моя надежда обернулась пророчеством. Он – семя царя Давида, великий отпрыск великого народа. Таинственная магия, чудесное волшебство, сила необъяснимая – есть нечто в его душе, что не дано постичь моей науке. Необъяснимое всегда божественно, а разум ограничен и бесполезен.”

“Я вспоминаю молодость. На родине моей, где несет воды Тигр, я созвал под свое знамя множество беззаветно смелых бойцов. Мы хотели воли нашему народу, хотели вернуть ему величие. Нас было много, очень много дерзких и отважных. Не покривив душой, нельзя сказать, что ума и силы духа Джабастера не доставало для победы. Не я ли поверг халифа Марвана? Не мое ли войско разбило армию сего владыки, окрасив реку кровью бойцов его? В красной воде отражалось красное пламя горящего вражьего лагеря! Какие были дни! Увы, растаяли в воздухе мечты. Извечная судьба фантазий – тлен! Двадцать лет сурового отшельничества – вот заслуженная кара, исчерпывающая вину самонадеянности. Гордость расчищает для зависти место, куда властолюбие приводит ее. Я пренебрег тем, что не обладаю магической силой, которая для главенства над народом требуется и которой благословен спящий на этом ложе. Имя этой силе – царская кровь.”

“Кем стал я? Бегльцом, жалким изгнанником вне закона. Судьба играет моей жизнью, и оборвать ее безнаказанно может любой колодник. А ведь я думал, я – мессия! Что осталось мне? Каббала – последнее прибежище беззаветной веры.”

“В огне сожги свои книги, Джабастер, в огне расплавь свой медный стол. Высокую науку свою забудь, каббалист, высоких звезд письменна не читай впредь. Давеча я стоял у края пропасти, что широким кругом опоясывает мое жилище. В одной руке я держал талисман с записью запретного для уст человеческих имени Бога, в другой – свиток с перечислением божественных достоинств моего вечного народа. Я размышлял о мастерстве своем, о его вершинах. Я вызывал духов, общался с великими усопшими былых веков, и мне знаком небесный их язык. Я думал о том, что наука моя служит святым и высоким целям, и только им. Это утешает удрученную душу. Чем удрученную? Израиль – древнее, избранное Богом племя, унижено, повергнуто, к рабству едва не сведено. На границе бездны я боролся с искушением ринуться в нее и навеки покончить с наукой своею и жизнью самой.”

“Но тут я бросил взгляд на оттиснутую на свитке шестиконечную звезду Давида. Казалось, она не отражает свет луны, а излучает свой. Над ней струился и трепетал воздушный нимб

прозрачного серебра. Туман неправедных мыслей пронзил метеор догадки: опасность грозит потомку царя Давида. И вот появился этот мальчик, который совершил...”

“Ковчег, ковчег! Я вижу ковчег!”

“Это спящий говорит. Сказанные во сне слова станут пророческими!”

“Спасение принесет лишь потомок дома Давидова”, - вновь произнес Алрой.

“Истинная правда. Жизни моей путь слишком явно это подтвердил.”

“Он успокоился, ровно задышал. Я выйду, поищу на небе звезду, что правит судьбой святого дома царского.”

3.2

Ясная ночь. Вход в пещеру затоплен лунным светом. Черные камни. На одном из них у холодного источника сидит Джабастер. Сжимает в руке талисман, вперил взгляд в небеса.

Раздался крик. Из пещеры вихрем, словно безумный, вылетел Алрой. Каббалист в тревоге кинулся навстречу юноше, успокаивая, обнял за плечи.

“Джабастер, Джабастер!”

“Я тут, мой мальчик!”

“Я слышал, Бог говорил!”

“Бог наш защитник. Уйми волнение, сын Давида, и не тревожься.”

“Мой учитель, я, кажется, спал?”

“Верно. Тебя измучила дорога, опьянили воспоминания и рассказ о содеянном. Вконец обессилив, ты упал на мое ложе и уснул. Боюсь, однако, сон не принес покоя.”

“Я не ищу покоя! Это пагубное слово я выбросил из головы. Я – помазанник Бога!”

“Подойди к источнику. Глоток холодной воды остудит безнужную горячность.”

“Вернуть завет, вернуть ковчег его, вернуть святой город!”

“Дух Божеский в тебя вселился, Давид, сын Давида. Прошу, открой мне сердце! Ведь я левит, потомок древних служителей Храма. Мне ведомо имя Бога, которое произносить запрещено.”

“Тогда труби в свою трубу, собирай людей, зови их в Храм. Сказано: “Когда кирпичи порушены, заместим их камнями тесаными.” Где твой славный хор, учитель?”

“Лишь для твоего избранного уха он зазвучит...”

“Где я? Ты сказал “источник”. Это не наш источник, чужой фонтан. Не считай меня безумным. Я знаю тебя, я знаю всех. Ты не Мирьям, ты Джабастер, а я – Алрой. Ты сказал “источник”, разбередил мою память.”

Алрой продолжал путаную речь. “Бог Израиля! Вот, я коленопреклоненный пред Тобой. Этот святой отшельник – единственный в безлюдной пустыне, кто слышит меня сейчас. Я жду Твоего веления. Я человек и слаб в сравнении с Тобой, всемогущим. Но я молод и полон сил. В моей отваге не сомневайся! Не утали жажду свободы и величия в сердце народа Твоего! Вся суть моя – духовна, есть лишь одна земная, но бескорыстная мольба: охраняй Мирьям!”

“Вновь он о сестре! Угомонись, сын мой!”

“Учитель, ты, несомненно, помнишь меня своим учеником в суровой сей пещере. Ты не забыл размеренных счастливых дней и ночей, которыми мы самозабвенно продирались сквозь дебри твоей науки тайной. До мельчайших капель я вбирал в себя пьянящий напиток каббалы и алкал его с тем вождением, какое из любви проистекает!”

“Ах, Алрой! Кабы привычны были к влаге глаза мои, я пролил бы слезу о невозвратности тех чудных дней!”

“Мы сживали на этих камнях, умиротворенно всматриваясь в звезды...”

“Верно, верно мой мальчик.”

“Ты меня ни в чем не упрекал, разве что полушутя, разве что за молчаливость?”

Каббалист не ответил. Задумался. “Что он подразумевает? Впрочем, не важно. Кажется, он успокоился. Лунный свет придает величие его чертам. Быть может, даже юный Соломон, на трон взошедши, не выглядел прекраснее.”

“Я никогда не лгал тебе, Джабастер!”

“Я знаю, это так.”

“Лишь правда на моих устах. Спокойствия и здравомыслия в моей душе сейчас не меньше, чем в часы ночные прошлых наших бдений над тайною наукой.”

“Надеюсь.”

“Так слушай и верь, Джабастер. Повторяю, я – помазанник Бога!”

“Расскажи все по порядку, мой мальчик.”

“Я спал тревожно, одолеваем снами. Сперва мелькали неотчетливые образы, расплывчатые фигуры, обрывки видений. Потом зародилось чувство крепкое, что суждено мне жить в светлые времена, когда переменится судьба народа нашего. Мне привиделась гора высотой до неба. Раздался могучий гром. Он сжал мне душу своею мощью. Не с чем сравнить его. Трубачу не под силу произвести подобное. Гора качнулась, вершиной сдвинув звезды с их привычных мест. Я тяжело дышал, должно быть, побледнел. В обрамлении черноты, на небе засияла картина – рать небывалая, бойцов без счета, дружина от горизонта до горизонта.”

“Велика была царя Саула армия, с филистимлянами сражавшаяся, огромное войско собралось под началом Йоава, полководца царя Давида. Но скромны полки древних героев наших против безмерного воинства на небесной картине, меня ослепившей. Ряды золотых колесниц, богатыри верхом на конях богатырских, прямые шеренги пеших солдат. Мечи и копья, луки и стрелы, щиты и шлемы, плащи и знамена. Кадильницы курят сладкий дым неминуемой победы, арфы и киноры играют гимн скорой заре.”

“Ликуй, ликуй, Израиль!” – я слышу голоса, - “Вот спаситель идет! Твоя мечта, твоя надежда! Ликуй, Израиль! Мессия идет!”

“С дальнего края бесконечного строя в центр небесного зрелища въехала роскошная колесница. Ей правит воин в блестящих доспехах – военачальник огромной рати. Он остановил коней, протянул мне руку. Я взглянул в горделивое лицо, и, верь мне Джабастер, я не лгу, я узнал себя!”

“Продолжай, продолжай, сын мой!”

“Я проснулся. Верней сказать, очнулся. Небесное великолепие исчезло. Я сижу на твоём ложе. Стены пещеры вокруг. Но не успел я раздосадоваться исчезновением прекрасного видения, как сквозь отверстие наверху услышал тихий голос: “Алрой!” Я молчу, оцепенел, сердце сжалось. Вновь прозвучало: “Алрой!” Я понял. Это – Он. Восторг захлестнул меня. “Я здесь, мой Бог! Волю твою и миссию свою готов исполнить!” Но нет ответа. Страх благоговейный охватил меня. Я кинулся к тебе, учитель!”

“О, мой мальчик! То был голос, что прежде возникал в святая святых, из-за занавеса ковчега завета. Много-много лет голос сей никто не слышал, и вот, он прозвучал вновь! Он звал тебя, Алрой! Счастливый, добрый знак. Ужели близко возрожденье Храма!? Давид, сын Давида! Сердце переполняется восторгом! Скорей молиться, молиться!”

3.3

Рассвело. Джабастер окончил молитву. Вновь уселся на камень, размышляет. Алрой остался в пещере, продолжая взывать к Господу.

Каббалист с тревогой поглядывает в сторону юного набожного друга, снова возвращается к раздумьям.

“Пришло время рассказать ученику о прежней жизни моей и борьбе. Слава пополам с позором. Ничего не скрывать и не наводить глянec. Доверять в надежде на ответную верность.”

“Поведаю, как в долине родного Тигра я звал соплеменников восстать против рабской доли. Опасливые старейшины отравляли благоразумием сердца людей. Хоть и были победы, но тщетно пытался я вдохновением своего человеческого духа свершить то, что под силу лишь наделенному Божественным предназначением.” При этой мысли Джабастер невольно бросил взгляд в сторону пещеры, где молился Алрой. Ревность к удостоенному милостью – она от любви к этой милости. “Бог отцов моих! Я каюсь в былой гордыне. И я молю, прости и не лишай меня посильной доли в войне за славу и в ней самой!”

“Итак, народу пожалован освободитель. Последнему уготованы великие испытания. Бог верен обещанию, но Бог выбирает время исполнения и исполнителя, с которого много

взыщет. Отвага и смирение, непримиримость и великотерпение, вера и свободомыслие – должны быть возложены к высшему престолу. И тогда потребуются стойкость и кротость в ожидании благословения Господа.”

“Написано в книгах нашего тайного учения, что потомок царский, коему судьба стать мессией, спасет народ свой не прежде, чем сам без всякой помощи добудет скипетр древнего царя Соломона. Ибо без скипетра спасителю не обрести могущества, не получить власти над угнетавшими народ его.”

“Совладеет ли с такой задачей хрупкий юноша, скорее мальчик, неискушенный, с легко ранимым сердцем? Не знает он, что мир враждебен и жесток, а всякий шаг в нем опасен и рискован. Как много надо испытать, чтобы умело обходить капканы и западни, расставляемые отчаянием, соблазнами и безрассудством! Народ Израиля! Сей отрок – твоя надежда! Кто скажет мне, кто даст ответ, отчего не я, с моей неистовою верой, с истинной отвагой, с великим жизни знанием, со зрелостью ума, – отчего не я благословен на роль освободителя? С годами память о прошлых неудачах все более горчит.”

“Изгнать не в силах, я на засовы запрю несправедные мысли. А ведь и впрямь, Давида Алроя тезка и великий предок, юный, безбородый, одним лишь камнем покончил с закованным в броню гигантом и спас народ наш!”

“Подлинная дружба отвергает зависть. Алрой призван стать мессией, и призван свыше. С ним Бог, и если он с Богом – мы все спасемся.”

3.4

Предводитель изгнания приготовился к походу за скипетром Соломона.

Храня молчание, Джабастер и Алрой подошли к краю обрыва, отделявшего и защищавшего от внешнего мира уединенное жилище каббалиста. Здесь учителю и ученику предстояло проститься, возможно, навсегда.

“Пришла горькая минута расставания, Алрой. Наши с тобой сердца духовностью ограждены от нежных чувств, но трудно в этот миг сдерживать волнение. Помни наставления мои. Пуще всего храни сердоликовую печатку – талисман, что прежде от меня получил. Смерть предпочтительнее жизни без него. К цели приведут твердость и праведность. Не порочь память достойных предков, бойся Бога.”

“Не сомневайся во мне, учитель. Прежде я не казался тебе гожим для свершения великих дел. Верь, я другой. Даже горечь разлуки с тобой не вытеснит из груди решимость духа. С того часа, как я услышал призывный небесный голос, я сделался силен, чудовищно силен, сильнее, чем в мгновение, когда убил исмаильянина. Я смерти не боюсь, Господь мне будет помогать. Твои молитвы, Джабастер...”

“Стоп, стоп! Времени в обрез. Сейчас взгляни на это кольцо с редчайшим изумрудом. Этот дар я получил от брата. Не удивляйся, у меня есть брат. Или был. Пути наши разошлись давно. Мы с ним различных взглядов. Он видел жизни цель в стяжании благ земных и в этом изрядно преуспел. Разлука разжигает страсть, разность убеждений не убивает любовь. Сей роскошный самоцвет – знак ее. Возьми себе кольцо. Кто знает, что ждет тебя? Придется

туго, разыщешь брата, если жив, и он поможет. Драгоценность окажется полезной. Главное же, уповай на Бога праотцов наших – Авраама, Ицхака и Якова.”

Они обнялись.

“Мы мешкаем, Алрой! Тебе пора в путь. Бери кинжал и этот кошелек. Все сгодится. На берегу Иордана я это добыл. Ах, если б можно было мне равнять с тобою шаг! Лучше вместе умереть, чем расставаться! Зачем стыдимся чувств? Вот, слезы на глазах. Я, железный Джабастер, плачу. Ты – тоже. Обнимемся в последний раз. Не станем вслух прощаться. Пусть каждый про себя подумает на свой манер.”

Глава 4

Алрой в плену у разбойников

4.1

Старинное предание сообщает нам две важные вещи о скипетре царя Соломона. Во-первых, этот символ царской власти хранится в одной из необнаруженных доселе гробниц древних еврейских монархов. И во-вторых, лишь их потомку дано разыскать гробницу и завладеть скипетром. Имея при себе каббалистический талисман, который поведет к искомой цели, Алрой пустился в дальний путь в святой город Иерусалим. Заметим, что в те далекие века не только среди иудеев, но и среди христиан распространена была страсть к подобным паломничествам.

Предводителю изгнания предстояло пересечь пустынное пространство, бесконечно большое, в сравнении с тем, что он преодолел, бежав из Хамадана. Следуя вдоль караванного пути, Алрой прибудет в Багдад. Из столицы халифов до Иерусалима путешествие обещает быть сравнительно нетрудным, однако, слишком много опасностей подстерегает одинокого путника, пока он достигнет Багдада. Но ведомый великой мечтой и поощряемый Божественным призванием не отступит.

На Алрое грубой материи черная одежда, какую носят курды. На кушаке, что повязан вокруг пояса, укреплен кинжал. Белый тюрбан на бритой голове отражает солнце. Простая обувь спасает ступни ног от огня песка. За спиной мешок с провизией – сушеное мясо, жареные зерна, мех с водой. Опираясь на посох, вчерашний баловень судьбы, а ныне ее невольник, привыкший к роскоши, не знавший отказа в прихотях, Алрой упрямо поглащает милую за милей бескрайней пустыни Персии. Довольствующийся немногим – дух его открыт для многого.

Ночью и утром он шел, днем отдыхал. Удачный день – и найдет тенистый клочок земли под пальмой рядом с прохладным источником. А нет удачи – и расположится на песке, соорудив из своей одежды укрытие от солнца. Простота есть и знак благородства, и притязание на величие.

Три недели минули, как Алрой покинул пещеру каббалиста. И не единого человека не встретил. А пейзаж стал меняться: земля уж не так суха, и растительность щедрее зеленеет, и в воздухе плывет аромат растений. Случайная птица нарушила одиночество пилигрима. Им по пути, но, кажется, птица куда как вольнее.

Вот встретила пальмовая роща. Высокие прямые стволы. Зеленые макушки огромными кистями рук подпирают синеву. Листья переговариваются, лениво покачиваясь на ветру. Внизу блестит трава. Серебряный поток звенит, вьется в лабиринте кочек и камней, и непонятно, где берет начало. Голуби не умолкают. Сотни легких бабочек кружатся тут и там, от куста к кусту несут на крыльях своих солнца свет. Оазис!

4.2

Пальмовая роща два дня служила Алрою прибежищем для отдохновения от изнурительной дороги. Вдоволь вкушал фиников, чистой водой утолял жажду. Если б сознавал вполне, как много сил потрачено, должно быть пожелал продлить идиллию, но вечное счастье губительно. Думы о предстоящем звали к новым испытаниям, и безмятежности нет места в сердце.

Предводитель продолжал путь и вскоре к изумлению своему увидел далеко-далеко впереди очертания городских стен и башен. Перед ним предстал один из полуразрушенных городов, канувшей в небытие древней империи Силусид. Ободренный, Алрой добавил шагу. Утомился, сделал привал под куполом гробницы некоего мусульманского святого. К заходу солнца подошел к городским воротам. Стражников места пусты, кавалькады не въезжают и не выезжают, не видно жителей, верблюды не пасутся. Безлюдье и запустение.

Приближалась ночь, но магнит новизны сильнее осторожности, и Алрой пересек линию ворот.

Взгляду Давида открылся огромный город, и облик строений необычен и нов для него. Если столь величественны и пышны развалины, как великолепен город был в век расцвета! Перспектива уменьшает летящие вдаль стройные ряды колонн. Не все они целы, но это не нарушает красоты, лишь добавляет таинственности. Площади вокруг храмов щедро украшены мозаикой, не угас блеск позолоты. Гранитные обелиски покрыты знаками и надписями. Триумфальные арки надменны, хоть фризы их полустерты. Бани, купальни, фонтаны замерли без воды. Вот изящный акведук, вот порфиновый столб. Разбитая статуя забытого героя лежит на постаменте. Восхищенный, Алрой созерцает великолепие древности. Люди умирают, города пустеют, а красота живет и творит себе все новых почитателей. Великое и поколениям не разрушить.

С изумлением взирал Алрой на окружавшую его картину разрушения, вечности и красоты. Глаз не насыщался, и удивление росло. Пыл любопытства охладился опаской неизвестности, но зрелище затягивало. Куда ни глянь – кругом чудеса, и нет им конца. Эхо собственных шагов в предночной тишине наполняло сердце тревогой и трепетом. Алрой размышлял: "Вот я, юный иудей, Предводитель изгнания, люблю красотою мертвых творений чужих древних монархов. Империи и династии, метрополии и провинции, народы и воинства – возникают и расцветают, гибнут и исчезают. Лишь народа Израиля сторонится время. Я, потомок древнего царя, жив, дышу, замышляю великое. И блестит золотом мой Иерусалим. Слово, дело, герой. Вечный народ вернется к величию!"

Но над пафосом и фантазией смеются простота и реальность. Раздался крик. Алрой обернулся. Разбойники-курды схватили и связали его.

Подгоняя пленника, разбойники поспешили вдоль главной городской улицы. Дойдя до ее конца, они свернули к ионическому храму. Пейзаж становился все менее привлекательным. Сохранившиеся постройки попадались реже, преобладали развалины. Картины великолепия сменялись видом разорения.

Ярок и короток закат на востоке. Слабеет, розовеет багровый цвет. Почернели дальние башни, но различимы на небосводе, не слились с ним. Бледная пока луна похожа на маленькое облако, колеблется его призрачный свет.

Лиходеи со своей живой добычей обогнули храм и направились к большому овальному зданию, изрядно побитому веками. От крыши до фундамента стену его украшала широкая трещина.

За стеной находился большой амфитеатр, лунный свет увеличивал его размеры. Внизу в центре расположилась группа людей. В стороне стояли лошади и верблюды. Люди были заняты пиршеством. Они сидели на циновках и коврах, пили и ели. Лица жестоки, веселы и красны от света и жара горящего костра. Головы повязаны платками, просторная одежда, много оружия.

“Лазутчик!” – провозгласил один из пленителей Алроя, вытолкнув последнего на середину большого ковра, где сидел атаман банды.

“Повесить его!” – небрежно бросил владыка, не глядя в сторону жертвы.

“Это вино великолепно, или я не истинный мусульманин, о могущественный Шерира!” – вполне юмористически заметил один из авторитетов в разбойничей иерархии, обращаясь к атаману - “Однако, мы были бы несправедливо жестоки, столь поспешно применяя крайнюю меру. Подвергнем его пыткам, глядишь, и узнаем что-нибудь полезное.”

“На твое усмотрение, Кислох,” – ответил Шерира. “Эй, ты откуда взялся? Молчит. Ясно: лазутчик. Петли ему не избежать!” – добавил атаман.

Разбойники развязали пленника, намереваясь сделать веревке иное употребление. Тут вмешался один из пронизательных соратников Шериры.

“Лазутчики не молчат, отвечают. Этот больше походит на переряженного торговца.”

“В таком случае при нем должны быть драгоценности. Спрятаны в одежде, скажем. Надо обыскать его,” – выступил с новым планом Кислох.

“Так обыщите его!” – нетерпеливо выкрикнул Шерира, - “Делайте что хотите, только подайте-ка мне еще бутылку! Это греческое вино – лучший из трофеев. Эй, там, не спите! Разожгите посильнее огонь! А ты, Кислох, противник жестокости, не вешай его, а зажарь!” – расхохотавшись, закончил Шерира.

Разбойники приготовились обыскивать Алроя. Тот заголосил: “О, друзья мои! Да, да, друзья! Отчего нам не быть друзьями? Пощадите меня! Я молод, беден и ни в чем не повинен! Я не лазутчик и не торговец. Я пилигрим!”

“Пилигрим, пилигрим,” – передразнил Шерира, - “все лазутчики – пилигримы!”

“Он говорит слишком складно, чтоб говорить правду,” – подал очередную мысль Кислох.

“Говоруны, как правило, – лжецы!” – провозгласил Шерира.

“Потому-то Кислох самый красноречивый среди нас!” – заметил один из разбойников.

“Рискованная шутка. Веселье доведет от вина до кинжала!” – парировал Кислох.

“Кончайте свару! Общайте вы его наконец?” – вмешался Шерира.

Разбойники схватили Алроя, стали обыскивать.

“Атаман! У него на груди спрятана драгоценная вещица!”

“Ты был прав, Кислох!” – примирительно похвалил шутник.

“Давайте-ка это сюда!” – крикнул Шерира.

Мгновенно вспомнил Алрой напутствие Джабастера: “Лучше смерть, чем жизнь без талисмана.” Мысль эта придала пленнику силу и решимость обреченного. Он вырвался из цепких рук, выхватил из костра горящую головню и, угрожающе размахивая ей, встал в оборонительную позицию.

“Он храбрый малый. За это заплатит жизнью.” – спокойно заметил Шерира.

“Командир!” – с дерзостью отчаяния закричал Алрой, - “Слушай меня внимательно! Я пилигрим, я беден, как нищий. Вещь эта – не украшение, а мой священный талисман, для тебя пустая безделица, для меня она – дороже жизни. Но о моей жизни не заботься, бойся за свою. Кто приблизится ко мне – умрет. Добром прошу – отпусти!”

“Убить его,” – сказал Шерира.

“Кинжалом заколоть!” – уточнил Кислох.

“Давай сюда украшение!” – гаркнул один из шайки, не решаясь подойти к Алрою.

“Бог Давида защитит меня!” – в исступлении закричал Алрой.

“О, да он иудей!” – воскликнул Шерира, взволновавшись настолько, что даже встал с ковра, - “пощадим его, ведь и моя мать была еврейкой!”

Бандиты, приготовившиеся исполнить предыдущий вердикт атамана, опустили оружие, попятились назад. Алрой по-прежнему пребывал в боевой готовности.

“Доблестный пилигрим,” – непривычно мягким голосом заговорил Шерира, подвигась к своему пленнику, - “ты держишь путь в святой город?”

“В город предков!”

“Смелое предприятие. Откуда следуешь?”

“Из Хамадана.”

“Изнурительный путь. Тебе нужен отдых. Как тебя зовут?”

“Давид.”

“Ты среди друзей, Давид. Ты в безопасности. Располагайся, отдыхай. Я вижу, ты колеблешься. Тебе нечего бояться. Вечно живая в моем сердце память о матери – порука тому.” Тут Шерира достал кинжал из ножен, наколол им руку и, окровавленную, протянул ее Алрою. Тот, зная, как поступить, коснулся губами свежей раны.

“Я дал клятву, и она принята,” – сказал атаман разбойников, удовлетворенный жестом Алроя, - “Я никогда не изменю тому, в чьих жилах течет моя кровь.” Сказавши это, Шерира взял Алроя за руку, усадил на свой ковер.

4.4

“Ешь, Давид,” – сказал Шерира.

“Я буду есть хлеб,” – ответил Алрой.

“Неужто за три недели в пустыне ты так пресытился свежим мясом, что откажешься от молодой газели? Сегодня утром я убил ее своим копьем. Нежный вкус, халиф позавидует.”

“Не сомневаюсь, но прошу хлеба.”

“Бери то, что тебе по нраву, хоть и странно это – предпочесть простой хлеб великолепнейшему мясу.”

“Благодарю, добрый Шерира. Касательно мяса у евреев особые законы.”

“Я что-то слышал об этом от матери – она еврейка. Отец курд. Я в выигрыше всегда, кто бы ни был у всевышнего в фаворе.”

“Бог один, а Магомет – его пророк,” – провозгласил Кислох, - “пью за твое здоровье, иудей!”

“Присоединяюсь,” – заявил другой разбойник, - “Мой отец был гебром, из Эфиопии. Все свое состояние он пожертвовал для дела веры. Результат – его сын гол, как сокол.”

“А я – индеец, и верю в золотую фигуру божества, что пребывает в храме в Дели,” – сказал темнокожий разбойник, обладатель быстрых и блестящих глаз.

“У меня нет веры,” – признался черный негр, сверкая белозубой улыбкой, - “но если б я поверил, то непременно в твоего бога,” – добавил он, обращаясь к индийцу.

“Я всегда хотел быть иудеем, моя мать была хорошей женщиной,” – глубокомысленно произнес Шерира.

“Евреи богаты,” – заметил кто-то.

“Прибудешь в Иерусалим и там увидишь христиан,” – сказал Шерира Алрою.

“Христиане – неверные, проклятые гяуры. Мы все против них,” – заявил Кислох.

“С их белыми лицами!” – сказал негр.

“С их голубыми глазами!” – добавил индеец.

“Чего хорошего можно ждать от людей, живущих в странах, где не светит солнце!” – заключил сын выходца из Эфиопии.

4.5

Алрой проснулся после полуночи. Бравые разбойники безмятежно спали. Луна в небе. От костра остались тлеющие головешки. Тяжелые тени висели над амфитеатром. Алрой осторожно переступал через тела спящих. Он не арестант, но можно ли полагаться на заверения в дружбе этих людей вне закона? Захотят – и друга превратят в раба, или, что не лучше, возьмут к себе в ученики. А как же цель высокая? Нет, оставаться здесь нельзя. Алрой бесшумно влез на стену, спустился с другой стороны, обогнул ионический храм, служивший ему маяком, прошел по главной улице и, проделав путь в обратном порядке, вышел из городских ворот.

Смутный страх преследования гнал беглеца вперед и вперед, заставлял забыть об отдыхе, еде, питье. А пустыня становилась все горячее. Исчез пропитанный ароматом растений освежающий ветерок. Природа замерла. Тревожно и тихо, предвестие худого. Воздух вновь пришел в движение. Горячий ветер обжигает щеки. Жажда. Песчаные холмы кружатся перед глазами. Тяжело дашать, тупая боль в мозгу, язык распух. Силы убывают, жар лишает воли. Уныние сменилось отчаянием, конец которого – смирение с судьбой. Напрасно озирается беглец – помощь не придет. Серое, мутное небо поглотило горизонт и с ним надежду на спасение. И тут явилось чудо. Откуда ни возьмись, поток прохлады – воды и воздуха – в усладу превратил страдание. То милосердная пустыня послала жертве своей спасительный мираж.

Удушливый горячий ветер – жители тех мест его зовут “симум” – взвихрил от земли до неба тучи песка. Свистящее дыхание симума убивает живое. Алрой теряет силы, и с ними мужество и воля покидают его. Он гибнет. Он не дойдет, не отыщет, не завоюет, не спасет, не воцарит. Если не спастись от смерти, то хоть умереть со славой, но и слава ускользает... Здесь, в начале своего пути он примет смерть. Он опустил на колени. Все, что ему осталось сделать – успеть попрощаться с мечтой и с жизнью.

“О, жизнь моя! Пока виднелась впереди – горька казалась, дошел до конца и плачу о том, что сладость твою не угадал. Теперь прощай! Мирьям, сестра, и ты прощай! Не видать мне более ни красоты твоей, ни заботы, ни доброты. Прощай, наставник мой Джабастер. Учеником, не успев науку превзойти, покидаю мир. Прощайте дядя, дом, Хамадан. Прощай, дикая природа, ты берешь жизнь мою. Слава? Я не вкусил тебя. Святая земля? Я не достиг тебя. Иерусалим? Я не удостоился видеть тебя. Прощайте!” В смертный свой час человек одинок.

Обессиленный, Алрой окончил высокопарную речь. Летящий песок в бурый цвет окрасил воздух. Не стало ни неба, ни солнца, ни света, ни тьмы. Стихия необузданной пустыни вручила ей свою жертву.

Глава 5

Господин Хонайн спасает Алроя

5.1

“Близок пустыни конец! Увидим долину цветущую, реку полноводную, берега зеленые. Насладимся красой и прохладой. Чем мы хуже халифа? Алла-илла, Алла-у. Алла-илла, Алла-у!”

“Благословен пребывший у могилы Пророка. Счастлив разбогатевший на далеких рынках. Доволен разжившийся самоцветами востока и шелками Самарканда. Алла-илла, Алла-у. Алла-илла, Алла-у!”

“Тебе, благородный купец, рады в святой мечети и на шумном базаре. Примешь награду за почетный свой труд. Алла-илла, Алла-у. Алла-илла, Алла-у!”

“Верблюд запнулся, Абдалла. Глянь-ка, что там на дороге.”

“Клянусь гробом Магомета, это мертвец! Несчастный. Нельзя паломнику идти пешком. Набожность без разумения есть глупость. Пришпорь верблюда, прочь от трупа!”

“Впрочем, погоди. Пророк заповедал нам милосердие. Последуем его завету. Обследуй тело, нет ли жизни в нем?”

Из Мекки в Багдад возвращался караван. Один дневной переход оставалось преодолеть ему, чтобы достичь реки Евфрат. Радостный хор путников приветствовал родную щедрую землю. Тысячи нагруженных товарами верблюдов тянулись бесконечной вереницей. Животные двигались группами, каждую возглавлял особенно крупный верблюд, он шел первым, звеня колокольцами. Путники вооружены до зубов. Впереди каравана выступала Сельджукская кавалерия, курдская охрана замыкала шествие.

Абдалла – любимый слуга почтенного купца Али. Выполняя приказ господина, он слез с верблюда и принялся разглядывать неподвижное тело Алроя.

“Курд, судя по одеянию!” – провозгласил Абдалла, - “и чего ему тут надо?” – добавил с усмешкой.

“Лицом на курда не похож. Возможно, пилигрим с гор,” – заметил Али.

“А может, это неверный, проклятый гяур. Кто бы ни был – он метв!” – возразил Абдалла.

“Он жив, он дышит, одежда на нем шевелится!”

“Это ветер.”

“Я слышал, он вздохнул.”

Несколько пеших путников обступили тело.

“Я врач,” – заявил подошедший армянин, - “Проверю пульс. Слабый, но есть. Сердце бьется.”

“О, Бог всемогущий!” – воскликнул Али.

“А Магомет – его Пророк на земле,” – вставил слово Абдалла, - “а ты не поклоняешься ему, неверный армянин!” – добавил.

“Я врач. И хоть не верю в вашего Пророка, Бог даровал мне талант исцелять вас, верноподданных, а умелый лекарь тысячу воинов стоит. Достопочтенный Али, эта жертва пустыни может выжить.” – сказал армянин.

“Достойно награжу тебя, врач, если вылечишь юношу. Он понравился мне. Хочу, чтоб он подавал мне комнатные туфли в моем диване в Багдаде.”

“Дай мне верблюда, и я спасу ему жизнь.”

“У нас нет!” – вмешался слуга.

“Пойдешь пешком, Абдалла,” – сказал Али.

“Правоверный пойдет пешком чтоб спасти жизнь курда? Господин подавальщик комнатных туфель ответит за это, вкусит сладости ударов палочных!” – пробормотал Абдалла.

Армянин пустил Алрою кровь. Предводитель изгнания открыл глаза.

“Бог милостив к терпящему бедствие.” – сказал Али.

“Лучше б погибель на него послал!” – вновь пробормотал Абдалла.

Армянин достал сосуд с сердечным настоем, влил жидкость в горло Алрою. Кровь потекла быстрее.

“Юноша будет жить, почтенный купец,” – сказал врач.

“Слава Пророку нашему!” – воскликнул Али.

“Клянусь гробом Магомета, это еврей!” – вскричал Абдалла.

“Пес!” – отозвался Али.

“Фу!” - сказал слуга-негр и отошел с брезгливостью в лице.

“Он умрет!” – провозгласил врач-христианин и не стал перевязывать рану.

“И будет проклят!” – крикнул Абдалла, вновь взбираясь на верблюда.

Собравшиеся вокруг Алроя разошлись, продолжили путь. Подъехал всадник курд. Остановил коня, заметив истекающего кровью.

“Какой это негодяй ранил одного из наших?”

Курд спрыгнул с коня, снял рубаху, оторвал полосу ткани, сделал повязку и остановил кровь. Оттащил несчастного, уложил на повозку.

Караван миновал пустыню, вступил на землю плодородной долины. Люди ликуют – окончен долгий путь. Солдаты охраны радостно потрясают копьями, стучат ятаганами по щитам. Месяцы испытаний позади, вот он, благословенный Евфрат!

Широки и свежи, спокойны и мощны чистые воды Евфрата. Свежий ветерок рождается на груди его, несет прохладу и летит дальше и творит чудеса. Больной исцеляется, падший духом оживает, а здоровый и молодой брызжет ликованием и рад силе своей, и концу пути, и родной земле. Любят родину не за то, что хороша, а за то, что своя.

Караван остановился. Разбит лагерь. Сложены в кипы тюки с товарами. Верблюды опустили на землю, отдыхают. Кони расседланы, носятся по пастбищу, ржут, рады траве. Правоверные разостлали циновки и ковры, обратились в сторону Мекки, преклонили колени и творят молитву – искренны в своей благодарности Богу. Покончив с изливанием чувств, принялись варить кофе и готовить вечернюю трапезу. Воины давай состязаться в метании копий, а персы тут большие мастера. Жители ближних деревень спешат с дарами земли навстречу пирующим купцам, надеясь из самозабвенной радости их извлечь добрый барыш. Бойкие на язык рассказчики не умолкают всю ночь и убаживают слушателей сказками и небылицами. А прекрасные девушки танцуют и сводят с ума правоверных. Радуют душу не вещи вокруг нас, а то, как глядим на них.

5.2

Огромен базар в Багдаде, а с возвращением каравана из дальних краев он становится воистину велик. Базар в Багдаде не просто купля, продажа и обмен, это – зрелище, спектакль, карнавал. Здесь товары со всего мира, и весь мир здесь. Платки Кашмира, шелка Сирии, слоновая кость и золото Африки, сокровища Египта, благовония Персии, пряности Аравии. Породистые лошади и сильные рабы, отороченные соболем плащи и подбитые горностаем мантии, военные доспехи и оружие, редкие звери и птицы, обезьяны с серебряными ошейниками, белые газели, попугаи, павлины, борзые собаки. Все страны, все исповедания, все языки тут. Вот турок, пышный и важный. Вот изящный, изысканный араб. Вот еврей в неизменной шапке, как всегда озабочен. Вот армянин-христианин, одетый в черное, спокоен и безмятежен. Вот персы, бойкие и шумные. Вот степенный черкес, и кольчуга на нем. Вот грузины, а с ними спорят купцы из Синары, что на Ниле.

Вроде бы нечем удивить базар багдадский, а все же можно встретить и там явление редкое. Необычная процессия движется вдоль бесконечных улиц-прилавок. Возглавляют ее двое слуг – мальчики в яркой красной одежде. У одного в руках бархатная сумка, другой несет скрепленный металлическими застежками фолиант в богатом переплете. Замыкают шествие четверо вооруженных стражников. Между слугами и охраной, восседая на белоснежном муле, едет роскошно одетый знатный господин. На вид средних лет, по-мужски красив. Темные большие глаза, орлиный нос, высокий лоб, некрупный рот, полные красные губы, белые ровные зубы, черная борода, кудри, усы. Казалось, природа красивого зверя потеснила человеческое в этом лице. Но пронизательный взгляд его умных глаз заставлял думать иначе. На голове наездника алый тюрбан, на теле шитая серебром рубаха белого дамасского шелка, золотые нити щедро вплетены в турецкий шарф, бриллианты и рубины сверкают на рукояти и ножнах кинжала, самоцветные кольца на пальцах, жемчужины в ушах.

“Кто этот господин?” – шепотом спросил покупатель из Египта у купца, чей товар он разглядывал.

“Это сам Хонайн!” – ответил купец.

“И кто же он? Сын халифа?” – продолжил египтянин.

“Бери выше, это врач халифа!”

Белый мул остановился против прилавка, у которого велась беседа. Мальчики-слуги встали по обе стороны от хозяина, стражники сдерживали толпу любопытных.

“Почтенный купец,” – заговорил господин Хонайн голосом сладким, как звук флейты, и улыбался при этом почтительно и снисходительно одновременно, - “привез ли ты вещи, которые я желал?”

“Бог велик, а Магомет Пророк его на земле”, - сказал купец (а это был Али), - “Мне удалось добыть желаемое тобой. В Алеппо, у проклятого гяура я сторговал эти греческие манускрипты, мой господин.”

“Отлично!” – воскликнул Хонайн, - “и какова их стоимость?”

“Неверный потребовал с меня пятьсот драхм!” – выпалил Али.

“Ибрагим, проследи, чтобы купец получил тысячу”, - распорядился Хонайн.

“Премного благодарен, господин Хонайн!” – взвизгнул Али.

Врач халифа свысока кивнул в ответ.

“Продолжим путь, мальчики, в чем задержка? Ибрагим, позаботься, чтобы дорога была свободна. Что за волнение там?”

Толпа гудела. Чьи-то руки вытолкнули вперед юношу. Он выглядел изможденным, но упрямо сопротивлялся своим утеснителям.

“Кади, кади, волоките его к кади, пусть кади вершит суд!” – вопил один из толпы, ни кто иной, как Абдалла.

“Благородный господин!” – вскричал юноша, которому удалось высвободиться из жадных до правосудия рук, - “Я невиновен и оскорблен! Молю о помощи!” Он ухватился за полу одежды Хонайна.

“К кади его, к кади!” – продолжал свое Абдалла, - “Этот вор украл у меня кольцо, свадебный подарок верной моей супруги Фатимы!”

Юноша цепко держался за край платья Хонайна – так потерпевший кораблекрушение не выпускает из рук спасительный обломок мачты. Он обессилил от борьбы и с надеждой и мольбой смотрел в глаза вельможи.

“Тихо!” – провозгласил Хонайн, - “Толпа – не судья. Я разберу это дело.”

“Слушайте все, слушайте господина Хонайна!” – раздались голоса в толпе.

“Говори, крикун, в чем состоит твоя жалоба?” – обратился Хонайн к Абдалле.

“О, господин Хонайн! Я слуга твоего покорного слуги Али. Угождая ему, я усердствую порой и для тебя. Этот воришка, нищий, украл кольцо, пока я дремал, сидя в кофейне, и это могут доказать мои свидетели. Изумруд в кольце дорог сказочно, но для меня он бесценен, как дар Фатимы, и ни за какие сокровища я не уступлю кольца. Три честных человека подтвердят, как этот нищий, подавая мне кофе и, заметив, что я сплю, стянул кольцо с пальца моего и надел на свой. Битье палками по пяткам заставит его вернуть покражу.”

“Абдалла не только верный мой слуга, он побывал со мной в Мекке, совершил хадж, он хаджи!” – добавил весу словам Абдаллы хозяин его Али.

“Твоя очередь говорить, юноша.” – сказал Хонайн.

“Он плут, лжет, как все лакеи лгут!”

“Прошу быть кратким.” – прервал Хонайн.

“Негодяй, это меня ты называешь лакеем?” – возопил Абдалла, - “О, господин Хонайн! Я хаджи, я совершил паломничество в Мекку. Клянусь гробом Магомета, этот вор – еврей!”

Врач халифа слегка побледнел, закусил губу. Он готов был раскаяться в неосмотрительности: вступить за иудея при всем честном народе! Но отступить поздно, и юношу жалко. И он спросил, откуда у того кольцо.

“Я получил кольцо от учителя, как знак благословенья на паломничество, которое еще не завершил. Есть некто в мире, кому готов отдать его, но человека этого пока не встретил. Нет у меня иного свидетеля, кроме правды. Я одинок и без друзей, но я не нищий и никогда не стану им. Немыслимые тяготы пути исчерпали силы и пошатнули дух. Я искал в кофейне угол, скрытый от глаз, чтобы забыться, возможно, умереть. А тут этот лакей – новая каверза судьбы. Не дано рабскому его уму понять, что для меня кольцо дороже жизни самой!”

“Покажи украшение.”

Юноша протянул Хонайну кольцо. Тот взял, ощутил биение пульса в дрожащей руке.

“О, моя Фатима!” – заголосил Абдалла.

“Позвать сюда ювелира!” – приказал вельможа.

Ожидая ювелира, Хонайн внимательно разглядывал красивый предмет, пытаясь разгадать секрет его значимости для юноши.

Подошел ювелир, поклонился Хонайну.

“Оцени эту вещь”, - тихо промолвил Хонайн.

Мастер взял кольцо, придирчиво рассмотрел его на свет, ощупал пальцами, попробовал языком, повертел так и сяк и, наконец, изрек: “Не меньше тысячи драхм цена ему.”

“Готов ли ты уступить мне эту вещь за такую цену?” – спросил Хонайн Абдаллу.

“О, да!” – сорвался с уст Абдаллы мгновенный ответ прежде, чем он успел подумать, и глаза его загорелись.

“А ты, незадачливый паломник, если тяжба решится в твою пользу, возьмешь за кольцо двойную цену?”

“Мой господин, я говорю чистую правду. Я не могу расстаться с кольцом. Даже за дворец халифа!”

“Итак, на сей раз справедливость торжествует!” – ликуя, воскликнул Хонайн, - “Юноша, вещь принадлежит тебе. А ты, жадный лгун и негодяй”, - продолжил вельможа, повернувшись к Абдалле, - “Получишь то, что прочил оклеветанному тобой. Ибрагим, побеспокойся, чтобы пятьсот палочных ударов по пяткам достались ему сполна. Ты же больше не одинок”, - вновь обратился Хонайн к юноше, - “И у тебя есть друзья. Следуй за мной в мой дворец.”

5.3

Большой сводчатый зал впечатлял совершенством архитектурных пропорций и форм. Потолок, украшенный лепниной и тысячей серебряных звезд, покоился на изумительно стройных колоннах, отделанных белым и зеленым мрамором. Тех же тонов орнаменты мозаики расцвечивали пол. В центре зала из порфировой чаши бил фонтан. Среди великолепия этого богатства стоял изящный диван, принявший в мягчайшую свою глубину тело восседавшего на нем хозяина.

Хонайн оторвался от долгого чтения, отложил в сторону фолиант. Хлопнул в ладоши. Вошел нубийский раб, сложил руки на груди, согнулся в поклоне.

“Аналшар, как чувствует себя наш гость-иудей?”

“Жара нет больше, господин. Мы дали ему снадобье. Он очень долго спит, слаб, но поправляется.”

“Пусть пробуждается, я жду его.”

Поклонившись, нубиец вышел.

“Симпатия – странная вещь, и разум мой объяснения ей не находит”, - рассуждает сам с собой Хонайн, и лицо его глубокомысленно, - “хоть и простое, чувство это не минует и меня, человека просвещенного, врача халифа.” Он продолжает размышлять о другом. “Дух учености в нем, красноречив, и перо бойкое. Но слишком схоластичен, а это мне не по нутру. Опыт учит большему, чем догма, он же убеждает в правоте сей мысли, а также в том, что и сам не совершенен. Есть многое, что доселе не ведомо уму, хоть кажется порой, что просто это – заглянуть за занавес природы.” Послышались шаги. “Вот идет мой пациент. Он бледен. В глазах его страсть и дума вместе. Симпатия – вещь странная.”

“Юный чужеземец, ты здоров?”

“Вполне, мой господин. Благодарю тебя за доброту, но лишь словами могу подкрепить слова признательности. Однако, благодарность из уст сироты зачтется.”

“Ты сирота?”

“У меня нет родителей, кроме Бога отцов моих.”

“И Бог этот...”

“Бог Израиля.”

“Так я и думал. Мы допускаем, что Он есть творец, и что наш долг – поклоняться Ему.”

“Он наверху, мы, люди, внизу копошимся, но веры преисполнены.”

“В вере – сила.”

“Согласен. Добавлю: сила торжествует.”

“Звучит пророчески.”

“Пророчествами пренебрегают, но время открывает их боговдохновенность.”

“Ты молод и оптимистичен.”

“Таким же был мой великий предок, сразивший Голиафа в долине Эйла. Впрочем, едва ли это интересно мусульманину.”

“Я читал об этом и понимаю тебя вполне. Что до моей веры, так скажу: я поклоняюсь истине и желаю побольше единомышленников. С опозданием спрошу имя моего юного гостя.”

“Меня зовут Давид.”

“На изумруде, что в твоём кольце, есть надпись. Иврит, я полагаю.”

“Вот кольцо.”

“Прекрасный камень, и буквы означают...”

“Означают: “Один из двух ушел” – памятка братской любви.

“Твой брат?”

“У меня никогда не было брата.”

“Давид, прошу, исполни мой каприз, сыщи в доме вещь, ценностью равную сему кольцу.”

“Это излишне, благородный господин. Самоцвет не велик в цене, но даже если бы он был достоин украсить голову халифа, то и тогда явился бы слишком ничтожной расплатой за доброту твою. В нем надежды больше, чем достояния. Кажется невероятным, но даже тебе, спасшему меня, я не вправе предлагать его, ибо всякую минуту может явиться тот, кто заявит на кольцо свои законные права.”

“И кто же этот человек?”

“Брат вручившего мне кольцо.”

“Брат Джабастера?”

“Это ты?”

“Да. Я тот самый один из двух, что ушел.”

“Велик Бог Израиля! Бери кольцо! Однако, что я вижу? Брат Джабастера – вельможа и мусульманин? О, молю тебя, скажи, что ты не принял их недостойное исповедание и не стал вероотступником! И я благослаблю этот час!”

“Успокойся, юноша. Я сказался атеистом. Беседу на темы отвлеченные, о вере, скажем, отложим. Есть дела насущные. Что случилось с моим братом? Он жив, он счастлив?”

“Он верой жив и благочестьем счастлив.”

“Неисправимый мечтатель! Его взгляды разнились с моими, что не мешало мне любить его. А ты? Ведь ты не тот, кем хочешь казаться. Не таясь, расскажи мне все. У Джабастера не будет друг простак. В облике твоём приметы славы. Доверяй мне.”

“Я – Алрой.”

“Что? Предводитель изгнания?”

“Да, это я.”

“Ты убил Алчирока?”

“О, как быстры слухи!”

“Моя симпатия имела основания. Я сразу полюбил тебя. Что ты ищешь в нашем краю? За твою голову назначена награда. Знаешь об этом?”

“Впервые слышу. Я не встревожен. Посланничество Бога меня хранит.”

“В чем состоит оно?”

“Освободить Его народ!”

“Ученик Джабастера и жертва его химер. Я должен тебя спасти. Для начала: твое имя никому в городе не положено знать. А сейчас выйдем на террасу, насладимся закатом и свежим ветром.”

“Который час, Давид?”

“Скоро полночь. Любопытно, прочитал ли твой брат по звездам о нашей счастливой встрече?”

“Звезды догадливы, своим движением и расположением напишут то, что людям прочесть желаемо.”

“Желания наши спускаются с небес, где обитают звезды.”

“Из кирпичей желаний мы сами мостим путь нашей жизни, но почему-то называем его судьбой.”

“О новом пути и о судьбе мне был голос, что прежде возникал в святая святых, раздавался из-за занавеса ковчега завета.”

“Чрезмерная фантазия размягчает веру.”

“Моя вера, как скала тверда!”

“Со скалы, не ровен час, сорвешься вниз...”

“Ты саддукей? Ты думаешь не Бог, но сам человек собою правит?”

“Я человек, который знает людей.”

“Ты учен, но иначе, нежели Джабастер.”

“С Джабастером мы различны и вместе с тем едины, как ночь и день – неразделимые части суток.”

“И твоя часть...”

“Истина.”

“Это – свет.”

“Когда слишком ярок, он чреват ослеплением и темнотой в глазах.”

“Двух этих вещей мы все должны остерегаться.”

“Ты молод.”

“Молодость порок?”

“Наоборот. Однако, нельзя срывать плод, покуда дерево в цвету.”

“Какой плод?”

“Знание.”

“Я учился.”

“Чему?”

“Тайным вещам.”

“Почему ты называешь их тайными?”

“Они даны нам Богом.”

“Таковы все вещи в мире. Все тайные они?”

“Те, что воплощают Его волю.”

“Так думает Джабастер, но ни один из прихожан мечети не согласится с ним.”

“Все же ты мусульманин?”

“Нет.”

“Кто же?”

“Сказал уже: я – человек.”

“Однако, кому ты поклоняешься?”

“Что такое поклонение?”

“Это то, чем творение обязано творцу.”

“Кто он, творец?”

“Наш Бог.”

“Бог Израиля?”

“Да.”

“Крошечный народ, что курит фемииам сам себе!”

“Мы – избранный народ!”

“Избранный для осмеяния, презрения, беславия. Кого прельстит избранничество?”

“Которым мы, увы, не прониклись и пренебрегли.”

“Почему?”

“Тебе известны анналы священного племени нашего.”

“Да, известны. Как и у всех племен: кровь и зло.”

“Я вижу другое: былые победы, скорое спасение и будущая слава.”

“Добраться до берега спасения – моря крови переплыть. Бедный мессия!”

“Ты и вправду брат Джабастера?”

“Так говорила наша мать, святая женщина.”

“Господин Хонайн, ты богат, силен, умен. Ты восхваляем и купаешься в довольстве. К чести твоей замечу, что, став вероотступником, веру не сменил. Ты в согласии с миром, и им любим. Теперь вообрази иное бытие. Достойного лишь терпят. Насмешки и проклятья за спиной. Брезгают, как прокаженным. Как ни хорош – хорош не будешь. Самодовольство и золото не замещают чести. Пустота и обреченность впереди. Возможно ль примирить в душе реальность эту с сознанием избранничества и превосходства? Нет и нет! Господин Хонайн, объяснил ли я свой порыв к борьбе, свободе и величию?”

“Почтенный, прошу прощения за ошибку. Я думал, ты ученик Джабастера, но вижу, амбиции твои простираются куда как дальше!”

“Я – Предводитель, и оковы – не к лицу мне!”

“А теперь, Алрой, слушай меня”, - сказал Хонайн, тепло обняв юношу за плечи, - “Я друг и рачитель твой. Выручил из беды, от болезни исцелил, окружил заботой, дал безопасность и крышу над головой. Чувства не во власти человека, и краткость нашего знакомства не помешала мне полюбить тебя. Ты должен доверять мне, как я – тебе. Ты знаешь мою тайну: я иудей, один из сынов презираемого, отверженного, гонимого народа, над коим ты Предводитель. Прекрасно быть свободным, не меняя кожу. Но эфемерности я достижимость предпочел. Я сам себе явился мессией. Спроси Джабастера, сколь тяжок был путь борьбы моей, которая лишь юному под силу. Годы я жил один в Константинополе, среди греков, учился врачевать. Переселился потом в Багдад, весьма искусным лекарем ставши, а такой – почти всегда незаменим. Надел тюрбан, и вот, я – господин Хонайн! Мой мальчик, будь благоразумен, не отвергай совет и опыт друга. Я представлю тебя, как сына от некоей красавицы-гречанки. Время и весь мир – перед тобой. Наслажденья жизни – война, любовь, богатство – выбирай, иль все бери. С моей помощью, с твоим умом и честолюбьем ты станешь главным визирем. Да что там визирем! В смутную годину нашу ты собственное сумеешь царство обрести, что счастьем и богатством расцветет не в пример Земле Обетованной. Я был там – бесплодность и безлюдье, пустыня, недостойная тебя!”

Окончив говорить, Хонайн стал вглядываться в освещенное луной лицо Давида, желая понять действие своего монолога.

“Я знаю свои корни, и мне нет дела до других миров. Благодарю тебя, господин Хонайн. Ты ошибаешься во мне, но все же благодарю!”

“Ты выбираешь гибель?”

“Я выбираю славу!”

“Неужто ты надеешься ее достичь?”

“Да разве твердо веря, можно не достичь?”

“Ослепленный, безумие ты считаешь верой!”

“Приземленный, безумием ты нарекаешь веру!”

“Взгляд в прошлое не находит оснований думать, что будущее станет лучше.”

“Кто в будущую жизнь не верит, тот не живет и в этой.”

“Довольно! Джабастер, мой ученый брат, поставил перед тобой невыполнимую задачу: добыть Соломона скипетр. Каково!? Год, не меньше, вычеркнуть из жизни. Обидная потеря, хоть молодость не знает цену времени. Разочарование образумит. Вернешься в Багдад и примешь мою помощь. А сейчас, Давид, пройдем-ка в дом и выпьем кофе.”

5.5

Алрой сидел в беседке в саду, размышлял. Почувствовал прикосновение чьей-то руки. То был Хонайн.

“Иди за мной”, - сказал брат Джабастера.

Предводитель изгнания встрепенулся, встал, молча последовал за Хонайном. Они вошли в дом, пересекли зал, прошли вдоль галереи, ведущей к берегу Тигра. Покачиваясь на волнах, их ожидала крытая лодка.

Хонайн вручил Алрою бархатную сумку. Без приказаний гребец принялся трудиться. Молчание. Таинственность, которая всегда увлекает. Легкое судно скользило по воде. До Алроя доносился шум с реки и с берегов. Миновали оживленный центр Багдада. Звуки постепенно стихли, слышны были лишь удары о воду собственных весел.

Лодка причалила. Пассажиры поднялись на берег.

Опушку прибрежной кипарисовой рощи занимает невысокое, но простирающееся далеко и широко огромное причудливой формы здание. Башни, увенчанные куполами. Изящные узоры на стенах. Вид необычайный. Город остался позади. Ни человека, ни жилья, ни лодки вокруг. На другом берегу виднеются сады за высокими оградами. Тишина.

Не нарушая молчания, Хонайн знаком попросил спутника сопровождать его. Вот низкие ворота. Хонайн постучался. Встречая гостей, привратник-нубиец согнулся в почтительном поклоне. Хонайн и Алрой шли темным переходом под многочисленными арками. Перед ними возникла дверь, отделанная черепаховым панцирем и перламутром. Тут Хонайн обратился к Алрою: “Что бы ты дальше ни увидел и ни услышал – молчи, если тебе дороги твоя, да и моя жизнь!”

Дверь отворилась и они вступили в роскошный мраморный зал. Пол его чередовал красные и голубые тона. Таких же цветов колонны подпирали украшенный барельефом круглый пурпурный с золотом потолок. В центре зала на высоту пятьдесят футов бил фонтан. Вокруг него на лазуритовом основании были разостланы ковры, а на них сидели нубийские воины-евнухи в алых одеждах. Рукоятки их боевых секир белели слоновой костью, а лезвия сияли голубизной.

Увидев Хонайна, командир сей необычной гвардии поднялся навстречу гостю и приветствовал его, прижимая руку сначала ко лбу, затем ко рту и, наконец, к груди. Хонайн о чем-то пошептался с главным евнухом, тот вернулся на свое место, а врач халифа сделал знак Алрою, и они беспрепятственно миновали зал.

Ханайн и Алрой очутились в розовом саду. Каждый куст был опоясан со всех сторон потоком воды и потому казался цветущим островком. Мерное журчание и сладкий аромат смешивались в воздухе, и нелегко было сопротивляться усыпительной силе этой причудливой смеси.

Сад оканчивался воротами. Створы их высотой тридцать футов поражали глаз зелеными с красным разводами яшмы. Умелая рука мастера превратила природный рисунок камня в симметричное изображение двух огромных извивающихся змей, смотрящих перед собой холодными каменными глазами.

Врач халифа достал кинжал из-за пояса и трижды ударил рукоятью по голове одной из змей. Скрипя, тяжелые ворота отворились, и гости увидели перед собой великана абиссинца, мощной рукой державшего на привязи рычащего льва.

“Тихо, Харун!” – крикнул Хонайн, и зверь смолк и покорно припал к земле. “Дорогой Маргарон, я кое-что припас для тебя”, – сказал Хонайн великану. Дары размягчают всех. Принимая приношение, абиссинец благодарно улыбнулся, обнажив клыки, величиной и белизной превосходившие львиные. Словами он не мог выразить признательность, ибо был нем.

Миновав яшмовые ворота, Хонайн и Алрой пересекли еще несколько комнат. Предводитель изгнания дивился сказочной роскоши: высокие окна с цветными стеклами, шелковые гобелены, гигантские ковры, необъятной величины диваны. Больше других чудес поразил фонтан, основание которого украшали фигуры животных. Тигр из золота, глаза его – горящие рубины, а полосы – черный опал. Окруженный разными лесными обитателями, серебряный леопард тянул вперед тонкую шею. Сверкающие алмазами и самоцветами обезьяны застыли в курьезных позах.

Струи воды окружали золотое дерево с золотыми ветвями, на которых сидели пернатые самых разнообразных цветов, какие только могут доставить драгоценные камни востока. Где-то наверху некий скрытый от глаз механизм производил сладкие звуки, подражавшие пению птиц.

Алрой чуть было не издал возглас изумления. Мигом повернулся к нему Хонайн и многозначительно приложил палец к губам. За чудесным фонтаном – снова сад.

Цветущие террасы, темные кипарисы, аллеи акаций, сверкающий летний дворец вдалеке – картина вечного рая! Хонайн и Алрой шли по направлению к дворцу. Вдруг воздух взорвался громким звуком труб. Из кипарисовой рощи показалась живописная процессия. Наши герои поспешили ретироваться в сторону от дороги. Впереди следовали четыре сотни человек, и каждого упрядала охотничья собака на поводке. Затем шли еще сто охотников, и у всякого – сокол, а на головах птиц надеты капюшоны. Потом двигались шестеро верховых, и, наконец, одинокий всадник, и у коня его белеет пятно на лбу. Человек этот был средних лет, красив собой и преисполнен величия. Охотничье снаряжение и доспехи его сияли золотом и бриллиантами. Замыкала шествие гвардия нубийских евнухов – алые одежды и секиры при них.

“Это – халиф!” – торжественно прошептал Хонайн и вновь приложил палец к губам, желая предупредить любой звук из уст юного спутника. “Так вот каков он, Повелитель правоверных, и каковы его владения!” – подумал Предводитель изгнания. Неизвестность всегда представляется величественной.

Пройдя зеленый луг и кедровую аллею, Хонайн и его спутник очутились возле летнего дворца. Вновь белый и зеленый мрамор. Бесконечное число роз вокруг. Жалюзи на окнах. Летящие вверх ступени. Первым поднялся старший, Давид последовал за ним. Тут, сделав страшные глаза, Хонайн прошептал: “Напоминаю, что ты глух и нем. Я буду говорить, а ты молчи. Молчание скрепляет речи. И добавлю, ты – скопец!” Алрой с трудом сдержал улыбку. Врач и Предводитель вступили внутрь здания. Два охранника-евнуха и две женщины в чадрах встретили их в приемном зале и повели в покои дворца. И опять Алрой дивился совершенству форм, восхищался изысканностью аксессуаров, изумлялся изобретательности роскоши. “Боюсь, чрезмерные изысканность и роскошь эгоистичных правителей предвещают гибель стране”, - размышлял Давид. Наконец добрались до комнаты, где на живописном диване сидела юная дама. На коленях ее покоился фолиант – персидские стихи. В руке она держала золотую цепь, другой конец которой неволил прекрасную белую газель.

Оторвавшись от романтических строк, почитательница поэзии одобрительным взглядом встретила вошедших мужчин. Она была совсем молода, как Алрой. Длинные светло-коричневые волосы, закрывая по бокам высокий белый лоб, спадали на плечи. Большие глаза светились голубизной. Она улыбнулась, и умильные ямочки возникли на нежно-розовых щеках. Юное лицо воплощало чудную красоту, которую не умаляли насмешливость и снисходительность взгляда. Платье на ней красного шелка, из широких рукавов выглядывали тонкие девичьи руки. Стягивавший талию пояс был отягощен кинжалом – знаком принадлежности к царскому роду.

Хонайн выступил вперед, поклонился. Алрой оставался на заднем плане.

“Я слышал, этим утром некая недобрая сила склонила головку лучшей в мире розы”, - с обворожительной улыбкой произнес Хонайн.

“То был южный суховой, недруг цветов. Ветер сменил направление, и лучшая в мире роза воспрыла”, - прозвучал ответ сквозь улыбку не менее обворожительную.

Врач проверил пульс пациентки.

“Изменчивый”, - заметил он.

“Как я сама. Это твой новый раб?”

“Недавнее приобретение и очень удачное. Он отлично выглядит, к тому же нем и глух и обладает достоинством абсолютной безобидности”, - сказал Хонайн. “Во всех отношениях”, - добавил многозначительно.

“Как жаль! Неужто рок давит над одаренными красотой – быть бесполезными? Как я, например!”

“Слухи нашептывают нам иное”, – сказал врач.

“А именно?”

“Юный царь Хорезма...”

“Этот варвар отвращает меня!”

“Он герой!”

“Ты видал сего героя?”

“Да.”

“Он хорош собой?”

“Он ангельски красив.”

“А полна ли казна его?”

“Да ведь он неизменный победитель, покоритель и усмиритель. Все золото мира его!”

“Золото? Я устала от роскоши. Построила этот дворец, чтоб скрыться от нее.”

“Бедности знаков в нем не нашел я...” – заметил Хонайн, возвращая лицу обворожительную улыбку.

“Имевшая несчастье родиться принцессой забывает здесь о своей злой судьбе”, - с непритворным вздохом ответила царственная особа.

“Воистину несчастье...” – поддакнул Хонайн.

“Однако, жребий этот способен защищать!” – возразила принцесса то ли гостю, то ли себе самой.

“Защищать кого?”

“Наш слабый пол.”

“Согласен.”

“Если б только я была мужчиной!”

“На свете было бы героем больше!”

“Ах, какую круговерть я завихрила бы вокруг себя!”

“Не сомневаюсь.”

“Ты принес мне книги?” – спросила принцесса, крутой переменой темы подтверждая склонность к завихрению круговертей.

“Они у моего раба.”

“Я сгораю от нетерпения!”

Хонайн взял из рук Алроя бархатную сумку, достал из нее тома героических романов – добычу купца Али.

“Поэзия утомила меня”, - сказала принцесса, бросила укоризненный взгляд на фолиант с персидскими стихами и нежно погладила рукой корешки полученных от Хонайна книг. Затем отложила в сторону романы. “Я мечтаю поглядеть на мир!” – добавила.

“Путешествия утомляют не меньше стихов”, - заметил Хонайн и подумал, что по морям плавают не ради одного лишь удовольствия, но из страсти похвалиться.

“Кстати! Я думаю, простые люди, в отличие от таких, как я, никогда не утомляются.”

“Разве что от труда. А от скуки – заботы помогают.”

“Что такое забота?” – спросила принцесса.

“Это – Бог, невидимый, но всемогущий. Художник, он покрывает желтизной румянец щек, а чернь волос окрашивает в белый цвет. Как вор, крадет улыбку с уст, и, как злодей, из сердца гонит радость.”

“Бог не таков. Это рукотворный идол. Я – истинная мусульманка и презираю идолов! Лучше расскажи, Хонайн, какие новости принес с собой?”

“Юный царь Хорезма...”

“Ах, опять этот варвар! Ты в найме у него, Хонайн? Слышать не хочу о нем! Сбежать из одной тюрьмы ради заточения в другой? Ежели я и выйду замуж, то сохраню свободу.”

“Вещь невозможная.”

“Моя мать была вольной птицей, куда трон и корона не поработили ее. Мой путь от начала и до конца повторит лучшую часть ее пути. Ты знаешь мою мать?”

“Хонайн, безусловно, знал и посему немую паузу в ответ почел за благо.

“Она была дочерью разбойника и соучастницей подвигов отца. Вот радость жизни!” – продолжила принцесса, - “И я разбойница по крови. Хонайн, ты астролог, предскажи мне будущее.”

“Когда-то я предсказал твое рождение, и звезду твою назвал кометой.”

“Я хочу событий, беспорядка, огня и блеска! Впрочем, нет, не кометой, а звездой желаю быть. Звездой свободной и прекрасной плыть по небу. Ах, Хонайн! Гляди-ка, я не удержала газель, она ест мои розы!”

Алрой бросился вперед, ухватил лакомку и вернул ее хозяйке. Хонайн встревожился, но напрасно. Принцесса одарила мнимого раба благосклонным взглядом.

“Какие чудные глаза у бедного зверька!” – воскликнула принцесса!

“У газели?” – уточнил Хонайн.

“У твоего раба! Он покраснел. Не будь он глух, как нем, я бы подумала, он слышал меня!”

“Он смущен собственной смелостью, оттого, что скромн”, - вновь встревожившись, возразил Хонайн.

“Мне нравится скромность. Она заслуживает похвалы. Как по-твоему, я скромна?”

“Разумеется.”

“И заслуживаю похвалы?”

“Весьма.”

“Я презираю заслуживающих похвалу. Тупицы!”

“Пожалуй.”

“Скучнейшая компания.”

“Верно.”

“Ни живинки, ни стоящего скандала не дождаться.”

“Ни того ни другого.”

“Я взяла себе за правило держать только рабов уродов.”

“Разумное правило.”

“Хонайн, когда станешь возражать мне? Ведь ты отлично знаешь, мои рабы – самые красивые рабы в мире!”

“Все это знают.”

“Дорогой Хонайн, по твоим словам, правота коих для меня несомненна, последнее приобретение твое воистину удачно. И вот я подумала...”

“О, я отлично понимаю! Нет для меня большей чести, чем потрафить прекрасной принцессе, сделав мое приобретение ее достоянием. Да вот, заковыка – никак не уладить дело с одним важным черкесом...”

“Оставь это мне!”

“Превосходно! Наберемся терпения, и пусть дела вершатся по порядку. Зато, когда царь Хорезма прибудет в Багдад, принцесса сумеет предложить ему чудесный дар.”

“Я рада. Надеюсь, царь молод и красив не менее, чем воинственен. Ответь мне: он умен, изыскан, обладает вкусом?”

“Этих достоинств у тебя довольно на двоих.”

“Хорошо бы он пошел войной на греков!” – сказала принцесса, воображая себя уже в ином качестве.

“За что немилость грекам?”

“Э-э-э... во первых, они гяуры неверные. Ну, а во-вторых, ежели его побьют, мне выпадет удача стать пленницей!”

“Удача!”

“Увидеть Константинополь и выйти замуж за императора!”

“Выйти за императора!”

“Будь уверен, император влюбится в меня!”

“Не сомневаюсь.”

“А потом... а потом покорю Париж!”

“О, Париж!”

“Ты был в Париже?”

“Да.”

“Я слыхала, мужчины там необычайно галантны и покорны, а женщины делают, что вздумается им!”

“Ты всегда делала и будешь делать, что вздумается тебе. Даже в Париже, хоть деспотии там нет и в помине”, - сказал Хонайн, вставая.

“Ты уходишь?”

“Мой визит не должен затягиваться.”

“Прощай, Хонайн”, - с грустью проговорила принцесса, - “Единственный, кто в Багдаде наделен умом, и тот покидает меня. Жалок жребий мой: чувствовать вещи и понимать их, но власти над ними не иметь. Стихи и цветы, птицы и газели – всю эту красоту неволи променяю на час свободы! Хонайн, я сочинила кое-какие вирши. Отдай их лучшему писцу в городе. Пусть перепишет серебряными буквами на фиолетовых с золотым ободком листах.” Принцесса сделала знак Алрою, тот подошел, поклонился. “Черноглазый, возьми эти четки взамен заслуженной тобою похвалы за скромность и смелость!” – сказала она на прощание и протянула Алрою подарок. “В молчащем подозревают больше, чем он скрывает...” - добавила, бросив на юношу лукавый взгляд.

Гости удалились. Без слов дошли до берега, сели в лодку, отплыли. Солнце садилось. С минаретов неслись тягучие голоса муэдзинов, созывавших правоверных на молитву. Багдад великолепен в этот час. Дворцы, дома, площади, улицы, сады. Люди кишат повсюду. На реке – суда всех мастей. Чем пленяет город? Красотою? Силой? Роскошью? Всем этим вместе? Смущено сердце Алроя.

“Восхитительное зрелище!” – простодушно воскликнул Предводитель изгнания.

“Отличается от Хамадана!” – удовлетворенно заметил врач халифа.

“Сегодня я был свидетелем чудес!” – сказал Алрой.

“Мир – перед тобой!” – провозгласил Хонайн.

Взволнованный, юноша молчал. Затем, поколебавшись, спросил: “Кто эта госпожа?”

“Принцесса Ширин, любимая дочь халифа. Ее мать происходит из гяуров, грузинка.”

“Как лестна нашему самолюбию благосклонность великих мира сего!” – подумал Алрой.

5.6

Фигура простертого на диване Алроя белеет в лунном свете. Лицо закрыто ладонями, он неподвижен, но не спит.

Встал, принялся расхаживать по залу, невидящим взглядом упираясь в мраморные узоры на полу. Подошел к окну, подставил разгоряченное лицо прохладному ночному ветру.

Час простоял в оцепенении юный Предводитель изгнания. Встрепенулся наконец, взял с порфирного стола четки, прижал к губам.

“Я встретил ту, о которой мечтал! О ней вздохи и слезы юности моей! Чтоб не видать мрачный мир вокруг, я закрывал глаза, и дивный образ являлся с мечтой.”

“О, Ширин! Здесь, один на один с самим собою я смело говорю о страсти своей. Бездонна она, и жребий мой – дорога к вершине, величия путь. Ты ворвалась в чудный сон, краса бесценная! Неужто две реки наших судеб не сольются в одну?”

“Однако, не тронулся ли я умом!? Узник за решеткой, воображающий, что ангел любви раскрыл ему кандалы! Дочь халифа – и еврей!”

“Прочь слабость! Мне нужен скипетр отцов!”

“Талисман, вдохновения порыв, чудеса – на службе у меня. Теперь мне сердце надобно ее! Клянусь, я зовою этот город! Или умру.”

“Опустошает жизнь власть предвзятых мнений и молвы. Не человек, но суд толпы имеет силу в мире. Вот, скажем, я, Алрой – истинный герой, велик умом, душою, красотой. Я – царской крови и мне престол назначен Богом. Столь любим своими, а здесь Алрой – никто!”

“Люди эти чужды мне, и я не для них. Иные последуют за мной, и стану им божеством. Так говорит мне сердце. Множит силы вера в себя.”

“Из кирпичей желаний мы сами мостим путь нашей жизни, но почему-то называем его судьбой. Слова Хонайна это. Он прав, умный саддукей. Вглубь веков уходит цепь предков моих. Ни один не захотел, не смог ли, принять даруемое священной кровью бремя величия.

Но я – звено крепчайшейковки в той цепи, и в досталь наделен силой и страстью, чтоб царский скипетр добыть и удержать его навеки.”

“Нет сомнения в триумфе. Он станет частью бытия. Ожидание славы от моих деяний естественно, как ожидание плодов от дерева в цвету. Ширин? Все просто! Могучий и мудрый Соломон взял в жены дочь фараона и дал пример. Вот выбор мой!”

“Земля и небо сговорились, чтоб осчастливить меня. Стократ оплаканная и проклятая мною юность – то нижняя ступень на лестнице триумфа. Лишь нынче осознал вполне: ведь я счастливчик! Как мысль сия сладка мне!”

“О, время! Лети быстрее, ты знаешь почему молю тебя об этом!”

“Я, кажется, увлекся, расхвастался чрезмерно. Забыл: существует юный царь Хорезма, воин и победитель. Жаль, что он и Алчирок не одно лицо. Вспомнил о нем, и душа, как пронзенная стрелой птица, с жалким криком теряет высоту. Самоуверенный, я ринулся вперед. Не обжечь бы крылья! Джабастер остерегал. Юный царь Хорезма и Алрой. Просить Багдад сравнить нас? Скажут мне – достоин комнатные туфли подавать царю. Извечная непримиримость реальности с мечтой. Впрочем, сужденья недругов о нас не ближе к истине, чем собственное хвастовство.”

“А голос свыше, что был мне в пещере у Джабастера? А талисман, что греет душу? Уединение и углубленность – веры незыблемой друзья. Шум, легковесность города – ее враги.”

Давид обхватил голову руками, погрузился в размышления. Встал порывисто, уселся у стола, взял дощечку, стал писать.

“Хонайн, этой ночью мысли мои беспорядочно метались, как гонимый царь Давид метался по пустыне Зиф. Господу было угодно возратить меня на дельную тропу, чтобы продолжить назначенное Им. Я злоупотребил приятной бесцельностью багдадского житья. Не ищи меня напрасно. Прими благодарность мою.”

Глава 6

Ученый раввин Зимри

6.1

Обжигающее солнце, раскаленное небо, цепляющиеся друг за друга черные горы, манящие ущелья, пропасти без дна.

Громады камня и небесного огня, пространства воздуха и пустоты. Природа грандиозна, застыла в величии своем, здесь человек – песчинка или муравей. Вот точка движется. Едва заметная, вверх стремится. Крошечная человеческая фигурка карабкается по каменной тропе. Чем крупнее большое, тем мельче мелкое.

Пилигрим достиг вершины. Плато, усеянное серыми камнями. Не видно ни травинки, ни птицы, ни насекомого. Нет жизни здесь. Ни одна гора вокруг не хмурит сверху свой мрачный

лик. “Здесь пусто. Вершина для одного, для того, кто достоин.” – подумал пилигрим, и улыбка довольства мелькнула на усталом лице.

Человек расположился на привал. Трапеза кратка и проста: бобы, дикий мед, вода. Он торопился к цели. Стал спускаться. Оливковые деревья вдоль тропы. Ниже – роща, тень, прохлада. Вот миновал он плодоносный склон, и вдалеке вид города открылся перед ним.

Средь запустенья, безлюдья, диких гор и леса, как дряхлый, одинокий, никому не страшный рыцарь, ошетинился башнями полузабытый древний город.

На высоких каменных стенах чернеют пятна бойниц для лучников. Ворота с подъемными мостами и подвижными железными решетками. По гребню стен мерно расхаживают закованные в латы стражники. Над высокой башней вьется белый флаг с красным крестом. Такого дива прежде не знал наш пилигрим.

Предводитель изгнания видел пред собой былую столицу отцов. Грусть состязалась с радостью. Забвение для великого – вторая смерть. Но обогащают утраты.

6.2

Предстань сие волнующее зрелище – город Иерусалим – перед очами Алроя в начале паломничества, и столь велико было бы ликование, что ошастливленная душа не удержала бы крик восторга, а сердце юное и горячее выпорхнуло бы из груди и взвилось птицей в небеса. Но время и опыт, муки и боль уняли безмерный пыл. Давид смотрел на город царя Давида, торожество с печалью пополам, и видел не чуда дар, но воздаянье по заслугам. Могучие воины-христиане охраняли город. Армии мусульман угрожали ему. Две половины мира сошлись здесь, каждая желает безраздельно владеть Иерусалимом. Половину мира прошел Алрой, чтобы Иерусалим спасти. Как и прежде, неколебима вера его, но испытал уже, что жизнь и люди злее, чем полагал, покидая Хамадан. Уверенный в себе, но все же полный благоговения, Алрой спустился в долину Иосафата, древнего могучего царя Иудеи, напился из источника Силуан, подошел к городской стене, пересек черту ворот и вступил в святой город.

Он спросил стражника, где еврейский квартал, ответа не удостоился. Мимо проходил бедно одетый старик, сделал знак Алрою.

“Что тебе угодно?” – спросил юноша.

“Ты хотел знать, где еврейский квартал. Ты, верно, чужеземец, если думаешь, что франк ответит еврею. Радуйся, что он не обругал и не побил тебя.”

“Обругать меня, побить? Этот жалкий пес...”

“Тихо, Бога ради, тихо!” – испуганно проговорил старик, - “Или ты ссудил деньгами командира стражи, что так смел? Запомни: в Иерусалиме евреи говорят шепотом!”

“Не важно. Не смелость голоса спасет нас. Где наш квартал?”

“Неслыханное дело. Как у франка повадки у тебя. Я спас твою голову от ласки железной рыцарской перчаткой, а ты...”

“Притель, я устал с дороги. Где наш квартал?”

“Кто тебе там нужен?”

“Главный раввин.”

“У тебя письмо к нему?”

“Тебе-то что?”

“Тихо, тихо. Ты, юноша, не знаешь, что за город Иерусалим. Ты неосмотрителен. Откуда ты?”

“Из Багдада.”

“Иерусалим – это не Багдад. Турок жесток, но христианин – настоящий дьявол.”

“Где наш квартал?”

“Тихо! Тебе нужен главный раввин?”

“Да, да!”

“Раби Зимри?”

“Пусть так. Мне все равно.”

“Ему все равно! Как непочтительно!”

“Старик, ты праздный болтун! Покажи наш квартал и получишь плату, или убирайся!”

“Убирайся, ты говоришь? Иудей ли ты? Возвращайся в Багдад, Иерусалим не для тебя!”

“Твоя седая борода – твое спасение, старый дурак! Продай свой язык, не то он тебя продаст. Я паломник, проделал тяжкий путь, устал и голоден, а ты пустословием потчешь меня!”

“Пустословием! Иудей не говорит так с иудеем.”

“Веди меня к раби Зимри, или как его там зовут!”

“Или как его там зовут! У нас все знают раби Зимри, главного раввина Иерусалима. Люди говорят, немалой учености он.”

“Жалкий пустомеля! Я трачу время зря с тобой, выживший из ума старик!”

“Болтун! Пустомеля! Выживший из ума старик! Кто ты таков?”

“Твоей головой не постичь. Веди меня к главному раввину!”

“Идти не далеко. Я и есть Зимри.”

“Ты – Зимри? Ученый раввин?”

“Да, это так.”

“О, почтенный Зимри, давай начнем сначала, не поминая старого. Когда великий скрывается под личиной простака, он неизбежно слышит дерзость. Такое случается с халифом, случилось и с тобой. Я рад знакомству с мудрецом. Пусть я молод и не лучшим образом воспитан, но в ближайшую субботу я принесу в твою синагогу много-много драхм. Добрый Зимри, я – твой гость.”

“Низкий на все отвечает грубостью, достойный никогда не груб. Уважаемый юноша, ты, кажется, становишься лучше. Тебе повезло, что я оказался поблизости. Как тебя зовут?”

“Давид.”

“Прекрасное имя. Да, тебе повезло, что я оказался поблизости. Еврей заговорил с франком, к тому же со стражником! Раби Маймон со мной согласится – большая удача, что все обошлось для тебя!”

“Судьба благоволит мне.”

“Несомненно. Идем, это тут, близко. Нас, иудеев, в Иерусалиме мало, но мы верим – лучшие времена впереди.”

“Я тоже верю. Это твоя дверь?”

“Что, бедность? Иерусалим не Багдад. Бедно живем, но ты – желанный гость.”

6.3

“Последним, кто видел гробницы царей Израильских, был царь Пиргандикус”, - уверенно заявил раби Маймон.

“Когда он жил?” – спросил Алрой.

“О нем упомянуто в Талмуде, а времена не названы”, - сказал раби Зимри.

“Это было давно?” – вновь спросил Алрой.

“После изгнания”, - ответил раби Маймон.

“Я не уверен. После изгнания – и царь?” – заметил раби Зимри.

“Он был потомком царя Давида?” – спросил Алрой.

“Без сомнения. Он был одним из величайших царей.” – сказал раби Маймон.

“В далеких уголках Африки он пребывал. Должно быть, и поныне страна та существует.” – сказал раби Зимри.

“Верно, существует. Царский скипетр всегда с нашим народом. И разъезжал царь на белом слоне.” – добавил раби Маймон.

“И слон разодет был в попону с золотым шитьем”, - присовокупил раби Зимри.

“А царь видел древние гробницы?” – спросил Алрой.

“Разумеется. Об этом писано в Талмуде.” – сказал раби Маймон.

“Как их найти?” – опять спросил Алрой.

“Навряд ли это возможно”, ответил раби Зимри, - “Алеви, один из знатоков, утверждает, что гробницы эти затеряны в долине среди Ливанских гор.”

“Умнейший Аббарбанель из Вавилона”, - добавил раби Маймон, - “привел сто двадцать оснований того, что земля поглотила их, когда был разрушен Храм.”

“Аббарбанель чрезвычайно убедителен”, - поддержал раби Зимри.

“Однако, премудрый раби Акива разобрал все сто двадцать оснований Аббарбанеля и заключил ему вопреки, что гробницы были взяты на небеса”, - возразил раби Маймон.

“И с кем же истина?” – спросил раби Зимри.

“Ни с тем и не с другим!” – торжествующе произнес раби Маймон.

“Однако, сто двадцать оснований – вещь серьезная!” – возразил раби Зимри.

“Проницательный Аарон Мендола из Гренады ясно показал, что искать гробницы нужно в Испании, на самом юге”, - заявил раби Маймон.

“О, всякое слово Мендолы почтения достойно”, - согласился раби Зимри.

“Раби Илель из Самарии стоит двух Мендол!” – с азартом заявил раби Маймон.

“Раби Илель – знаток высшей пробы. И что же он думает?” – спросил раби Зимри.

“Он доказывает, что существуют две гробницы, но ни одна из них не подлинная”, - ответил раби Маймон.

“Какая изумительная ученость!” – воскликнул раби Зимри.

“И как обнадеживает...” – уныло произнес Алрой.

“Это все высокие материи,” – сказал раби Маймон, и в его мутных старческих глазах блеснул лукавый огонек, - “твой юный гость, раби Зимри, непременно должен одолеть трактат “Осуществление невозможного”, сочиненный мудрым раби Шими из Дамаска.”

“Да, это воистину глубокий труд”, - сказал раби Зимри.

“Прочитав его впервые, я столь сильно впечатлился, что три ночи подряд не мог уснуть,” – воодушевился раби Маймон, - “представить только, - двенадцать тысяч пятьсот тридцать семь извлечений из Пятикнижия и не единого лишнего слова сверх того!”

“Да, когда-то жили великаны, мы – карлики против них”, - вздохнул раби Зимри.

“Потрясает первая глава: читай хоть справа налево, хоть наоборот, - выходит одно!” – воскликнул раби Маймон.

“Вот и говорю я: ушла слава! Нынешнее поколение на такое не сподобится!” – заметил раби Зимри.

“А первая буква всякой строки – то каббалистический знак царя иудейского!” – подбавил хворосту в огонь раби Маймон.

“Ушла, ушла слава! А все же верю: мы вновь отстроим Храм! – провозгласил раби Зимри.

“Это наша общая вера”, - промолвил раби Маймон, - “и о трактате “Осуществление невозможного” добавлю, что...”

“Почтенный раби!”, – сказал вошедший ученик раби Зимри, - “нам пора!”

“О, мудрый раби Маймон!” – воскликнул раби Зимри, - “Я готов слушать тебя дни и ночи напролет, но я должен сейчас идти в синагогу. Пойдем, Давид, люди собрались и ждут нас.”

Зимри и Алрой вышли из дома и узкой горбатой улицей направились в сторону синагоги.

“Раби Маймон весьма огорчен тем, что не может присоединиться к нам”, - сказал раби Зимри, - “в Багдаде ты, несомненно, слышал об этом мудром раввине.”

Алрой молча кивнул.

“Он достойно несет груз многих лет. Веришь ли, он – мой учитель!”

“Ученик, достоин учителя.”

“Ты стал любезен. К празднику Пэсах раби Маймону исполнится сто десять.”

“О, какие лета!”

“Когда пробьет его час, ярчайший светильник угаснет для Израиля. Ты хотел знать о гробницах, и я привел тебя к раби Маймону, ибо кто разъяснит лучше? Голова его вмещает тысячелетиями накопленные знания!”

“Боюсь, нет в них новизны, и под его водительством я, не в пример царю Пиргандикусу, не удостоюсь созерцания древних гробниц.”

“К слову о Пиргандикусе. Я думаю, что раби Маймон ошибается, называя его царем. Ведь не было у нас царей после изгнания. Возможно, он происходил из рода царского. Об ошибке его лучше молчать, чтоб не печалить старика. Сто десять – бремя не из легких!”

“Бремя лет с мудростью в соединении”, - промолвил Алрой и подумал, что без притворства, как без одежды – не обойтись.

“Ты в Иерусалиме меньше недели, а как переменялся! Я разумею – к лучшему. Пора побывать в нашей синагоге. Ни ливанских кедров, ни слоновой кости не увидишь, но все же

какой ни есть, а это храм наш. Здесь нам налево, к старому кладбищу. Уверен, в Багдаде синагоги побогаче. Тут ступени вниз. Бедность не лишена достоинств – не привлекаем к себе внимания, да и не хотим того.”

6.4

Вот и добрались до цели. В те стародавние времена, на востоке, евреи, если не имели лучшего, избирали местом для синагоги заброшенное кладбище. В помещениях с низкими сводчатыми потолками, где когда-то покоились кости умерших, сейчас сидели две-три сотни мужчин, и молились, и слушали своих мудрецов, и обращались к Богу. Масляные лампы коптели в нишах, с трудом разрывая полумрак. Постепенно глаза Алроя привыкли к тусклому свету, начали различать лица вокруг и древние знаки на листах книг. В единственной нарядной комнате хранился ковчег, что сберегал Святое писание.

Головы молящихся покрыты талитами, тела раскачиваются. Их лица сосредоточены и вдохновенны. Тысячелетие Израиль в изгнании. Жалкие остатки народа прозябают в бывшей столице, но дух избранничества неистребим. Ни душевные пытки разочарований, ни боль телесных мук, ничто не колеблет преданность Богу, избравшему и обещавшему. Бесконечно долго медлит спаситель, и бесконечно велика вера в приход его. Окончилась молитва, расправились лица, люди приготовились слушать своего наставника Зимри. Ученый раввин, взявши Талмуд и вспомагаясь откровениями мудрецов, имена коих давеча звучали в беседе с Маймоном, принялся поучать, просвещать, просветлять паству.

“Мы знаем из книг”, - начал раби Зимри, - “Бог твердил и повторял нам, чтобы не смели мы иметь иных богов, кроме Него. А известно ли вам, что сказал Авраам Нимроду, который склонял его обожествлять огонь? Авраам спросил, почему огонь, ведь вода сильнее огня!? И почему не тучи, ведь они владеют водой!? И почему не ветер, коли он собирает тучи!? И, наконец, почему не Бог, создавший ветер?”

Восхищенный шепот послышался со всех сторон.

“Элиэзер!” – воскликнул Зимри, - “Написано, когда Адам спал, Бог взял у него ребро. Выходит, Бог – похититель?”

Вопрос сбил с толку ученика по имени Элиэзер, и он растерянно потупил взгляд. Люди встревожились, недоумевая.

“У кого-нибудь готов ответ?” – спросил Зимри.

Вперед выступил незнакомый собранию, закутанный в красную мантию темнолиций паломник из Африки. “Раби!” – сказал он, - “Этой ночью злоумышленники проникли в мой дом, украли молодой росток с землей на корнях, но золотую вазу, в которой сидел росток, не тронули.”

“Здорово сказано! Отличный ответ!” – одобрительно загудела толпа, радуясь меткому иносказанию.

“Ученый Зимри”, - продолжил африканец, - “В одной из наших книг есть история об иерусалимском юноше, который был безумно, но, увы, безответно влюблен в молодую красавицу. Великая страсть порой лишала беднягу дара речи. Увидит несчастный свою желанную и немо глядит на нее молящим взглядом. Один страдает, а другая смеется. Как-то

раз, не находя себе места, вышел юноша за городские ворота и побрел куда глаза глядят вглубь пустыни. К вечеру спохватился, что далеко ушел, повернул назад, а ворота уж закрыты на ночь. Он спустился в долину Иосафата, вступил в гробницу Авшалома, сына царя Давида, и, усталый, уснул. Наутро, вернувшись в город и завидев предмет своей страсти, широко заулыбался. “Не обманывают ли меня глаза? Я вижу улыбку на твоём лице, о, вечно печальный юноша!” – изумленно воскликнула красавица. И так ответил влюбленный: “Вчера, как всегда безутешен, я вышел в пустыню и бродил весь день, и опоздал к закрытию ворот, и уснул в гробнице Авшалома, и приснился мне необычайный сон. И вот, чудесным образом изменился мой нрав, и мне хорошо и весело и хочется смеяться!” Неодолимой силы желание узнать, что привиделось юноше, завладело девицей. “Скорее расскажи свой сон!” – нетерпеливо воскликнула она. “О, это никак нельзя!” – ответил юноша, – “ибо почтение к деве останавливает меня, и лишь законной жене можно рассказать его!” Снедаемая любопытством, красавица выпалила: “Я согласна, только расскажи сон!” И они поженились и с тех пор смеются оба. Я думаю, ученый Зимри, тебе, большому знатоку Писания, не составит труда истолковать эту притчу, сочиненную мудрецом.” – закончил африканский паломник.

“Боюсь, сие превосходит мое разумение”, – сказал главный раввин.

Молчал ученик Элиэзер, молчали и другие.

“Вот толкование”, – сказал темнолицый, – “Влюбленный юноша – это наш народ, дева – это утраченный нами Сион, а чудесная сила гробницы Авшалома указывает нам, что спасение придет из дома царя Давида.” Тут африканец подошел к Алрою и доверительно положил ему руку на плечо. “Понял ли ты меня? Я обращаюсь к тебе, ибо заметил твой интерес.”

От неожиданного прикосновения Предводитель изгнания вздрогнул. Он впился глазами в закутанного в красную ткань человека. Лица не разглядеть – волосы низко спадают на лоб, рот и нос закрыты мантией. Лишь глаза сверкают, как молнии сквозь тучи.

“Мой интерес – единственная причина, побудившая тебя обратиться ко мне?” – спросил Алрой.

“Кто ж откроет все причины?” – ухмыльнулся в ответ африканец.

“Я и не просил об этом. Мне и намека довольно.”

“Мудрый Зимри, сей юноша – твой ученик? Я поздравляю тебя!” Сказав это, темнолицый покинул синагогу. Люди стали расходиться. Велико было желание Алроя кинуться вслед за незнакомцем и говорить с ним наедине, но долг почтения к главному раввину удерживал Предводителя, покуда Зимри ни освободил его. Когда же, наконец, Алрой вышел наружу, африканца след простыл, и никто из горожан не видал его.

6.5

Зазвучала сигнальная труба – вот-вот закроется на ночь город Иерусалим. Алрой вышел из Сионских ворот, они замкнулись за его спиной. Солнце садилось. Последние его лучи скользили по вершине Масличной горы, а долина Иосафата уж погрузилась в тень.

Алрой принялся бродить по склонам, разглядывая сверху исчезающий в вечерних сумерках Иерусалим. Растаял город внизу, и звезды пленили Алроя взор. Он подошел к источнику

Силуан. Неширокий поток серебряной нитью вился и блестел в ночном свете. Предводитель изгнания спустился к гробницам у подножия Масличной горы, вошел в одну из них. Проследовал узким корридормом в квадратный зал. У стены зала – пустой гранитный саркофаг, и крышка его разбита. Алрой лег у основания саркофага и, утомленный, уснул.

Недолго был сон. Алрою почудилось, что его разбудили голоса в глубине гробницы. Тьма не вполне владела залом. Скучный лунный свет пробивался сквозь ажурную решетку под потолком, очерчивал контуры саркофага, лепных украшений на стенах. Глаза юноши открыты, он слушает тишину. И вдруг...

“Брат, брат, ночь с нами говорит...”

Другой голос отозвался.

“Брат, брат, ты прав.”

“Я женщину слышу.”

“Вор искусный крадется.”

“То стражника дело.”

“Убийцы шаги.”

“Ночи радостный шорох.”

“Брат, брат, давай по свету бродить!”

“Мы видели мир. Останемся здесь слушать лай собак – музыку гробниц.”

“Лучше выйдем наружу. Звезд на небе хочу. Час наш короток, пусть будет счастливым!”

“Куда нам смотреть? На землю, на небо?”

“Поголяй со мной, позабавь меня!”

“И мне мертвых царство наскучило.”

“Давай, навестим Соломона!”

“В его новой столице?”

“Это будет чудесно!”

“Но где она, где?”

“То великая тайна. Лишь духам известна она.”

“Кто сказал тебе?”

“Никто. Я подслушал, как шептал об этом мужской дух Африт духу женскому Гоул, соблазняя его.”

“Чудная парочка! Мы духовнее их!”

“Она по-своему красива. Глазки блестят, щечки кровь с молоком!”

“Воздыхатель, расскажи, что слышал!”

“Он – Соломона охранником был, сбежал со службы, распутница же выведала у него секрет.”

“Так говори скорее, милый братец, где новая соломонова столица!”

“Я лучше покажу.”

“Нет, говори, молю!”

“Будь по-твоему. В подземелье, в мрачной пещере Джентезмы, есть река недосыгаемая. По ней нужно плыть, плыть, плыть до конца.”

“Неужто?”

“Чу! Я слышу шорох из мира живых!”

“Что это?”

“Дыханье человека!”

“Гнусно! Хуже утренней зари! Прочь отсюда. Исчезаем!”

Алрой потрясен неожиданной удачей. Лишь к ожидающим их являются призраки.

6.6

Горная гряда тянется от Масличной горы до реки Иордан. Там, под землей, в величайшей пещере Джентезмы, есть огромная ниша, фантастичные формы которой сотворены в незапамятные времена общими силами мастерства и стихий. Могучие базальтовые столбы несут свод. Он щедро украшен причудливыми симметричными узорами. Начало художеству положила природа, резец в руках мастера довершил деяние красоты. На столбах изображены причудливые неземные чудовища и таинственные знаки.

Полночь. Круглая луна, привязанная лучами звезд к бархатному небу, висит над долиной. Черные горы вокруг. Человек стоит у входа в пещеру.

Это Алрой. Он преисполнен решимости. Он слышал духов в гробнице. Он раскроет тайну Джентезмы. Он взял в руки кремень и огниво, высек огонь, зажег факел и вступил под каменные своды.

Чем дальше Алрой продвигался вперед по подземелью, тем теснее сдвигались стены. Вспорхнула стая летучих мышей, факел погас. Алрой встал на колени, вернул светильнику огонь и увидел, что пол под ногами искусно мощен гладким камнем.

Вот вступил он в галерею. Потому как шел он все прямо, не сворачивая, не поднимаясь и не спускаясь, ночной свет от входа в пещеру достигал этих стен. На них виднелись знаки и рисунки.

Вперед и вперед ступал Предводитель изгнания. Все явственней становился шум падающей воды. Он нарастал, превращался в грохот. То гремел настоящий водопад. Брызги погасили факел. Сырой, он вновь не поддавался огню. Страх заполз в сердце человека.

Страх потеснил надежду. Вот и отчаяние тут как тут. Что делать теперь? Вдруг яркий свет вдалеке приковал взгляд Алроя.

Багрово-красное облако несло на него, сияло, росло. Остановилось вблизи. Исторгло из недр своих светящуюся звезду, отступило во мрак, исчезло. Звезда же застыла на месте, пролила трепещущий свет на бурлящую пенную воду.

Свет изгнал страх. Перемена вокруг вернула решимость сердцу. Алрой подошел к воде. Увидел лодку. В ней недвижимо и безгласно сидело чудовище, словно изображение одного из них сошло с базальтового столба.

Давид Алрой, помятуя великую свою миссию и долг пред Богом Израиля, без колебаний спустился в лодку. Сомнение – враг удачи. Решившись отрезать дорогу назад, человек открывает такие пути, каких, сомневаясь и колеблясь, не увидел бы вовек.

6.7

Чудовище в лодке походило на Африта, напоминая уродливым видом своим волчьего угря. Страшилище задвигало веслами, водопад остался позади, судно скользило по гладкой воде.

Река влилась в озеро с гористыми берегами. Алрой украдкой разглядывал чудовище, с любопытством и не без ужаса в душе. Африт же не замечал попугчика. Лодка причалила. Алрой ступил на берег.

Вверх тянулась аллея, по бокам которой восседали гранитные львы. Легким шагом Алрой миновал длинный ряд застывших каменных стражей и, наконец, достиг вершины.

К величайшему изумлению Предводителя изгнания, пейзаж, возникший перед восхищенным его взором, являл собой не что иное, как окрестности Иерусалима, а в центре – сама столица. Нет, невозможно ошибиться! Вот долина Иосафата, вот русло Кедрона, вот источник Силуан, вот Масличная гора! О, прекрасный Сион! Как, однако, не схож этот вид с той картиной запустения, что предстала давеча перед впервые увидевшим родину Давидом! Изумрудно сияют сады и виноградники. Дворцы, террасы, беседки среди зелени. Городские стены белого мрамора. Зубцы их отделаны золотом. Колонны и фасады домов украшены ливанским кедром, слоновой костью и редкими самоцветами, расписаны искусными орнаментами. Пальмовые и маслинные деревья радуют глаз.

Как лучший алмаз в диадеме блестит, так сверкает величием Храм на горе. Сколь прекрасен он, неземной, на земле стоящий! Всякому, зрящему творение сие, сердце подскажет – не человеком задумано диво дивное, священная Бога обитель.

“О, Бог отцов моих!” – воскликнул Алрой, - “Кто я? Жалкий изгнанник, и вот, великого зрелища удостоен! Чем жил я? Мечтами и снами. Изошренными полагал фантазии свои. Ошибался! Великолепия этого, что глаз мой воочию видит, представить не мог. О, бесподобный Храм! Сердце счастливое рвется наружу!” Алрой закрыл лицо руками, не в силах радость сдержать, зарыдал.

Иссякла вода в фонтане чувств. Стихли рыдания. Алрой отнял ладони от лица. И – чудеса нескончаемые! – пропал великий город, исчез Храм, лишь долина, луной освещенная, видна впереди.

Стряхнув потрясение, движимый верой в неминуюмость высшего счастья, Предводитель изгнания направился к новому горизонту, пересек долину и очутился возле дворцовых ворот в сто футов вышиной. На воротах изображены те же знаки, что на сердоликовой печатке – талисмане, полученном когда-то от Джабастера. Печатку, что помогла беглецу из Хамадана перебраться через пропасть, Алрой приложил к воротам.

Со страшным грохотом, будто землетрясением рожденным, отворились створы. Предводитель изгнания вступил под высокие своды, к которым подвешены были сиявшие ослепительным светом металлические шары. В лучах искусственных солнц сверкали множество золотых тронов, и на них восседали цари Израильские. Разом заметили они вошедшего, разом встали на ноги, подняли короны над головами, трижды крикнули хором: “Привет тебе, Алрой! Слава тебе, собрат! Царский венец ожидает тебя!”

Дрожь пробежала по телу Алроя. Спасительная колонна помогла не упасть. Мертвенно бледный, он зажмурил глаза. “Есть ли возможного мера? Не превзошел ли я меру эту, не ступил ли за реальности грань?” - промелькнуло в голове Предводителя. Наконец, открыл глаза. Цари сидели. Недвижимы, словно бестелесны, безучастны к Алрою. Он все стоял, опершись на колонну. “Видение или явь? Не знаю. Спокойствие возвращается ко мне. Сделаю еще несколько шагов.”

Алрой подошел к двум стоящим в стороне друг против друга тронам. Один из них обнимал благородного вида фигуру выше среднего роста. Руки сложены на груди, глаза опущены, ступни ног упираются в лежащие на полу сломанный меч и разбитый скипетр. Голова не увенчана короной.

На другом троне сидел старик. Длинная седая борода недвижимо вилась в воздухе. Лишь одежды царя белее ее. Неописуемо красив гордый лик. Годы не углубили морщин на лице, но оставили на нем благородства печать и величия черты. Глаза добры и глядят вдохновенно, мечтательно даже, словно обладатель сих прекрасных очей внемлет чудесным звукам, которые своими же пальцами извлекает из сладкозвучных струн золотой арфы.

Вдалеке возвышался постамент. На вершине его стоял яшмовый трон, на нем восседал монарх, самый царственный из всех царей во дворце. Как женщина прекрасен он, и как Бог велик. Счастливейший из людей, закалившийся в горниле наслаждений. На голове сияет диадема, в одной руке – печать, в другой – скипетр.

Алрой приблизился к постаменту. Сердце гулко застучало, предвестие великого свершения сдавило его. Алрой молча молился в тишине. Не смея поднять глаза, взошел на нижнюю

ступень пьедестала, на вторую, на третью. Трепеща, на дрожащих ногах, он достиг подножия трона.

Предводитель изгнания стоял лицом к лицу с монархом. Дерзнул взглянуть ему в глаза, желая привлечь царский взгляд. Тот, казалось, не видел Алроя. Царь глядел перед собой, мудрый взор пронзал пространство и время, проникал в тайны душ и вещей.

Пилигрим у цели. Вот мгновение, судьба которого – стать вечностью. Бледен и трепетен, Алрой в мыслях своих изрек запретное для уст и ушей имя Бога. Подумал: “Народ мой, предназначение мое, Бог мой!” Дух героя взмыл в высокой бесстрашной душе. Алрой сделал последний шаг, взял скипетр из монаршей руки, сжал его в своей. Века надежды и миг свершения.

Тут пелена застлала глаза Алроя, и память изменила ему.

6.8

Минуты ли прошли, часы ли, и вернулось сознание к Алрою. Он открыл глаза. Вход в пещеру Джентезмы. Звезды побледнели. Природа готовится встретить рассвет. Рука тяжела, сжимает скипетр. Алрой попытался встать. Человек пришел на помощь ему. Алрой обернулся – на него смотрел Джабастер!

Глава 7

Покорение сельджуков

7.1

“Дядя, страх сквозит в твоих шагах.”

“И в мыслях тоже.”

“Все еще может быть хорошо.”

“Мирьям, наши лучшие времена миновали безвозвратно. Скорбя, предрекаю беды, милая девочка. Не о себе горюю. Я стар. Годы огрубляют сердце, и бесстрашие дается без натуги. Я дважды был богат – золотом и знанием, что обрел его трудом. Разом все утрачено. Но нет, не о себе тужу. О вас, родные, кручина. И о народе своем плачу. Рассеян, беззащитен. Не своя, других боль у меня болит. Общая печаль меня не обошла. Утешаюсь мыслью этой и самой печалью.”

“Не плачь о нас, дорогой дядя. Давай лучше будем молиться Богу, чтоб не оставил свой народ.”

“Мы не умели ценить благое, зато умели сетовать. Мы горевали о пустяках и потеряли все. Никто не сокрушается, что третьего глаза не имеет, но безутешен, лишившись одного из двух. Наши предания о славном прошлом – наша отравка. Мы проклинали изгнание и получили тюрьму. Здесь, в сырой душной келье, встретим смерть.”

“Кажется, вчера я на руках его носил. Несмышленное и слабое дитя. А нынче страсть и сила его разлились столь широко, что невзначай и дом наш смыли. Юности кипенье чем приметно? Созиданьем или разрушеньем?”

“Ах, дядя, наша верность друг другу нерушима в жизни, теперь, быть может, в смерти. Ради сего союза достойного молю тебя, не молви слова худого о Давиде!”

“Хвалить его прикажешь?”

“Ничего не говори. Его поступок следствием имел печаль, но причиной – благородство сердца. Будь ты на месте брата, пощадил бы Алчирока?”

“Нет, разумеется! Поступил бы, как Давид. Смельчак, он выполнил свой долг. Но согласись, Мирьям, и я не так уж плох, и за своих радею по мере сил. Его гонители меня зовут скупцом, и это ложь. Казна моя всегда открыта для вспомоществования нашим. Но скромно признаю, моим делам не сравниться с деянием постройки Храма...”

“О, дядя, все возможное ты делал, и притом с великой мудростью. Теперь же, в наш черный день, восславим Бога, что не забыл нас, и будем в искренней молитве просить Его о милосердии в грядущем.”

“Боюсь, не много осталось нам грядущей жизни. Шкурой собственной впитаем справедливость судей-теснителю – от угроз до пыток. И все же легче тяготы сносить, чем позабыть утраченное. Молчишь, Мирьям?”

“Я обращаюсь к Богу.”

“Что за шум? Чья фигура в окне маячит? Тюремщик наш? О, нет, это Халеб! Верный друг, ты пришел! Ты подвергаешь себя опасности!”

“Я прибыл с новостью счастливой на устах!”

“Ты сияешь! Возможно ли? Говори, скорее говори!”

“Алрой пленил гарем нашего властителя! Это случилось, когда Хасан, его женщины и гвардия охраны держали путь из Багдада в Хамадан. Твой доблестный племянник сделал великодушное предложение владыке – обменять заложниц на тебя, Мирьям и всех прочих домочадцев. Хасан ответил, что не торгом, а мечом вернет свободу своим женам. Через посредника было решено меж ними, что пленным с обеих сторон не будет причинен ущерб. Ты и Мирьям вернетесь в ваш дом. Слышите трубы? Это созывают мусульман к главной мечети. Объявлен сбор войска. Хасан поклялся заполучить Алроя живым или мертвым.”

“Он одолел гвардию Хасана! Непостижимо! Он воистину велик! Милый, добрый мальчик. Верное, отважное сердце. Халеб, да ведь это наш Давид! Повторяясь, скажу: кажется, вчера я на руках его носил. Несмышленное и слабое дитя. И вот поди ж ты, подвигом себя и нас прославил! Коль я стоял у колыбели, то, несомненно, причастен к становлению духа героизма. Он любит нас, помнит, выручает. Халеб, где Мирьям? Ах, она лежит без чувств! Халеб, воды холодной! Брызни в лицо бедняжке! Мы возвращаемся домой! Когда везут гарем, все в страхе потупляют взор, а храбрый мальчик в пух и прах разбил охрану и завладел им! Невероятно!”

7.2

“Мы вернулись в родные стены, Халеб! Жизнь полна чудес. Я помолодел. Я дома, но я в тюрьме. Ты говоришь, Халеб, воинство собирается? Беда. Да разве выстоит он? Пусть погибнет, только не плен, только не пытки! Нас всех ждет смерть. Это верно, Халеб, что он прибил к разбойникам?”

“Вестник сообщил, что Давид вступил в связь с разбойниками, когда бежал из Хамадана. Говорят, их атаман – из иудеев.”

“Это хорошо. Значит, он может есть с атаманом одну пищу. Не хотел бы я, чтоб он ел нечистое с исмаильтянами.”

“Господин! Наши стекаются к нему со всех сторон. Я слышал, Джабастер, великий каббалист, спустился с гор и с десятитысячной армией присоединился к нему!”

“Неукротимый Джабастер! Это дает надежду. Я его отлично знаю. Он слишком умен, чтобы вступить в невыигрышное дело. Он смел, многоопытен и изощрен. Его бывшие подвиги заставят трепетать врагов. Однако, каков Давид наш! Какую кашу заварил! Разбил охрану лучшую, потом пленил гарем, теперь взял самого Джабастера в союзники! Алрой неизбежно победит!”

“Посланец утверждал, что Алрой захватил гарем с целью всего лишь освободить своих семейных.”

“Мальчик всегда любил меня, и я в нем души не чаял. Джабастер с ним – какова удача! В Багдаде тысячи последуют за каббалистом. Надеюсь, юный Давид оценит мудрость Джабастера советов.”

“Господин! Предводитель изгнания не нуждается в подсказках. В руках Давида скипетр царя Соломона, который он самолично добыл в ему одному известном месте.”

“Скипетр Соломона! Возможно ли!? Нам выпало жить в век чудес. Дитя, а держит царский скипетр в руках! Сам Джабастер с ним! Верно: Бог поразит врагов наших!”

7.3

“Милая Рахель, боюсь, я причинила тебе беспокойство. Бируна, дорогая, благодарю тебя за усердие. Мне лучше. Новости потрясли меня.”

“Да, госпожа. Кто бы мог подумать, что твой братец на самого владыку замахнется?” – сказала Рахель.

“Мне всегда казалось, что он – тишайший в мире человек, хоть и убил Алчирока”, – добавила Бируна.

“Бывало, из него и слова не выжмешь”, - заметила Рахель.

“Всегда один, всегда унылый”, - присовокупила Бируна.

“Заговорит с ним кто, а он глаза опустит”, - сказала Лея.

“Или покраснеет”, - добавила Имра.

“А я всегда знала, что Давида ждет слава, ведь у него такие красивые глаза!” – промолвила очаровательная Батшева.

“Надеюсь, он победит Хасана”, - сказала Рахель.

“И я тоже надеюсь”, - поддержала Бируна.

“Захватил гарем! Любопытно, что он делает с пленницами?” – задалась вопросом Лея.

“Наверное, и заговорить с ними не решается!” – предположила Имра.

“Боюсь, ты ошибаешься”, - вступилась Батшева.

“Слушайте!” – воскликнула Мирьям.

“Это Хасан отправляется в поход”, - сказала Батшева, - “хоть бы не возвращался никогда!”

Громыханье барабанов, верещанье труб, топотня копыт. Стоя у окон, Мирьям и подруги ее глядят в промежутки меж шторами на выступающее войско. Совместны вполне благородство и любопытство. Видеть или умереть. Всадники-щеголи в шелковых тюрбанах, вооруженные с головы до ног, сверкают амуницией, гордо покачиваются в седлах, собрались в путь – воевать Алроя, погубить надежду Израиля. На вороном арабском скакуне гордо восседает бесподобный Хасан. Вот проезжает он мимо зашторенных окон своих давешних пленников. Знает, глядят на него тайком девичьи глаза. То ли победу скорую предвкушая, то ли для острастки, то ли великолепием ослепить замыслив, достает саблю из ножен, размахивает ею над головой и гарцует красавец Хасан.

“Он красивее Алчирока!” - сказала Рахель.

“Какой роскошный тюрбан!” – добавила Бируна.

“Сабля его горит на солнце!” – воскликнула Лея.

“Сглазьте, сглазьте его, девушки!” – вскричала Батшева.

“Подружки, не лучше ль о Давиде нашем говорить?” – заключила Мирьям.

7.4

Заброшенный город теперь уж не являл собой той привлекательной картины, которая предстала перед Алроем, когда тот впервые увидел его и любовался изящными башнями, дворцами, улицами.

За городскими воротами разбиты палаточные лагеря, какие приняты у курдов и туркмен. На главной улице царит оживление. Одни трудятся над починкой военной амунициы, другие едят и пьют, третьи ищут себе занятие. Полуразрушенные постройки превращены в стойла

для лошадей. Верблюды вертят головами и безучастно взирают на поваленные обелиски, на разбитые статуи, на расписные колонны. Веселье, суматоха и кавардак бесшабашной жизни.

Два месяца минуло с тех пор, как Алрой и Джабастер разыскали Шериру в его убежище и объявили ему о великих своих планах. Огрубевшее сердце разбойника, впрочем, сына еврейской матери, размягчилось и откликнулось на благородный зов двух патриотов. Братва его не заставила себя долго упрашивать и сразу согласилась воевать на стороне иудеев, ибо кроме любезного ее сердцу восторга отчаянных приключений, ее ждала богатая добыча, а то и царские милости. Рычаг своекорыстия поднимает людей. Новоявленный мессия разослал гонцов во все стороны – сообщить собратьям по изгнанию, что вот, он, спаситель, явился, и извечная мечта иудеев сбылась. Народ этот, гордый и жестоковыйный, всегда готовый к бунту, с ликованием встретил обещание свободы. Потомок Давида и ниспровергатель Алчирика, Алрой двойною силою пробудил доверие в душах соплеменников. Цвет юношества стекался со всех городов Халифата к владельцу скипетра царя Соломона.

Поначалу сельджукский султан не усмотрел большой опасности в брожении среди иудеев и удовлетворился тем, что назначил награду за голову убийцы брата. Но вот дошло до него прискорбное известие о том, что караваны исмаильтян ограблены и притом именем Бога Авраама, Ицхака и Якова. Тогда он направил указ Хасану, новому правителю Хамадана, скорейшим образом покончить с этими то ли разбойниками, то ли бунтовщиками, а Давида Алроя живым или мертвым доставить в столицу.

Борцы за свободу беспеременно имели сведения о настроении и намерениях врага. Помогали им в этом менее отчаянные, но неизменно сочувствующие соплеменники. Алрою принесли весть о заточении в тюрьму дяди, сетры и домочадцев. Вскоре он узнал, что из Багдада в Персию отправляется под охраной гарем.

Столь внезапно, столь дерзко Алрой атаковал охрану гарема, что сбитые с толку гвардейцы позволили смельчаку увести у них из под носа вверенное им живое сокровище. Наградой за геройство было освобождение семьи. Другим следствием подвига явилась поспешная отправка карательного войска. Взбешенный утратой дорогих сердцу и казне жен, Хасан, не дожидаясь помощи соседей и лично возглавив двухтысячную кавалерию сельджуков, ринулся вдогонку за безумцем и его добычей, одержимый нетерпением мести и любви.

В амфитеатре заседал совет. Алрой, впервые очутившийся в этом месте в качестве пленника Шериры, теперь восседал во главе совета. По правую руку от него находился Джабастер, по левую – Шерира. Четвертым заседателем было новое лицо – юноша, годами моложе Алроя, тонкий и стройный, как пальма, сильный, как молодой лев. Поодаль расположились с полсотни бойцов.

“Сколько у нас людей, Авнер?” – спросил Алрой юношу.

“Триста вооруженных всадников и пехотинцев две тысячи. Пехота вооружена слабо.”

“Бог пошлет им недостающее, пока пусть изготавливают копья”, - сказал Джабастер.

“Надеемся на Бога”, - пробурчал Шерира, глядя себе под ноги.

Вдруг крик пронесся над амфитеатром. То возвестил о своем прибытии вернувшийся разведчик. Сидевший на ковре Алрой мгновенно вскочил на ноги. Перед ним предстало бледное, истомленное, покрытое потом и дорожной пылью лицо. Верный, бесстрашный посланец вернулся. Напрасно стражи пытались сдержать толпу. Своими ушами хотели

бойцы слышать вестника речь. Люди вплотную подступили к арене, взобрались на колонны, вскарабкались на арки, запрудили все ряды сверху донизу. Словно вернулось зрелище древности – переполненный амфитеатр, и Алрой с товарищами, как гладиаторы на арене. Но не азарт и любопытство, а неуверенность и страх висят в воздухе. Тревога неизвестности переносит в настоящее мнимые беды будущего.

“Говори!” – крикнул Алрой вестнику, - “Я к худшему готов! Мне ли людей бояться? Меня если карает кто, то сам Бог!”

Заговорил посланец. “Передай вождю Израиля”, - сказал мне Хасан, - “Я мечом, а не торгом верну гарем свой, и не будет пощады бунтовщикам. Но со стариками и женщинами я не воюю и зла им не чиню. Призываю тебя, Алрой, не содеять худого женам моим, а я отпустил на свободу твоих родных, и они вновь дома. Добрый пример, как и злой, по кругу вернется к подавшему его.”

Великое облегчение на минуту расслабило душу Алроя. Осознав, что худшего не случилось, он вновь овладел собой. Спросил посланца о движении врага.

“Рассекая пустыню, без усталости и без сна, я мчался к тебе, Алрой. Верные люди, и их много, давали мне свежих лошадей. Враг наступает. Очень скоро Хасан будет здесь. С покорения Канаана не бился Израиль с такой огромной силой. Господь с нами!”

Люди слышали вестника. Глядели друг другу в глаза. Сжимали друг другу руки.

“День испытания грядет!” – промолвил немолодой иудей, бывший двадцать лет назад бойцом Джабастера.

“Счастье умереть за веру!” – возгласил восторженный юный соратник Авнера.

“Боюсь, мы крепко влипли!” – прошептал курд Кислох индийцу Калидасу, - “Какая дурь! Могли же продолжать разбойничать и грабить тихо-мирно!”

“И стали иудеями!” – досадливо промолвил гебр.

“Глянь-ка на Шериру!” – заметил негр, - “готов расцеловать скипетр их!”

“Шерира? Жаль, что не повесил Алроя, впервые встретив!” – заключил Кислох.

“Счастливые избранные!” – громко, как только мог, выкрикнул Алрой, обращаясь к воинам, - “Бог удостоил вас моего водительства! Завтра вечером выступаем на Хамадан!”

Оглушительными были возгласы одобрения.

Тут Джабастер встал и, взявши книгу, молвил слово. “Слушайте люди! Древний царь ашшурский Санхерив задумал покорить Иерусалим. Господь устами пророка Исаяи сказал, что спасет город ради Себя и ради Давида, раба Своего.”

“И еще сказано, что вышел ангел Господень, и поразил в стане Санхерива сто восемьдесят пять тысяч воинов. И встали утром жители города и увидели, что враг – все трупы мертвые.”

“Сегодня перед рассветом я наблюдал за ходом звезд на небе. Я каббалист и умею читать их письма. И вот, звезда Давида и с нею еще семь звезд выстроили линии, начертанием

повторяющие первые буквы строк из пророчества Исаяи, о котором я говорил вам. Отсюда бесспорно следует, что судьба Хасана повторит судьбу Санхерива!”

Нет доводов убедительней тех, до которых додумался сам.

Тут заголосил хор небесный: “Верьте люди, верьте всегда, верьте всем сердцем! Бог – спаситель наш!”

На самом верхнем ярусе амфитеатра возникла женская фигура. Хор смолк. Все смолкло. Все недвижимо. Взгляды устремлены в точку наверху. Всякий со своей надеждой глядит на пророчицу Эстер.

Образ ее страшен и прекрасен. Лик бел, волосы черны, до пояса спадают. Весь амфитеатр и каждый воин в нем отражаются в огромных ее глазах. Лунный свет очерчивает стройный стан. Внизу тысячи пар глаз и ушей напряглись и ждут.

“Они идут, они идут! Дойдут ли? О народ Якова, Богом названный Израиль, забудь страх! Я слышу их барабанный бой, их труб гуденье. Но воля Господа опережает их полки. Всех богатств страны Офир не достанет им, чтоб купить победу!”

“Они идут, они идут! Дойдут ли? Я вижу блеск их сабель, я слышу топот их коней. Но воля Господа опережает их полки. Встряхнуть покрепче оливковое дерево пред сбором урожая, и что останется на ветвях? Жалкая горсть плодов! То же ждет и их орду!”

“Они идут, они идут! Дойдут ли? Воля Господа опережает их полки. Хамадан – ваша первая добыча. Удостоится победы, кто убежден в ней! Опустошенье явит горькая Вавилона судьба. Дикие звери поселятся в домах, ночами станут совы-сипухи кричать, а днями страусы нечистые по улицам бродить, и ведьмы запляшут у костров. Волки обоснуются во дворцах, змеи обживутся в каналах. Иссохнут луга, обесплодятся поля и сады. Вот ваших гонителей кары! Израилю же Бог вернет, что обещал и берег. Пойте, небеса! Торжествуй, земля! Пляшите, горы!”

Она окончила вдохновенную речь. Легкой поступью, грациозно перепрыгивая с яруса на ярус, стала спускаться вниз. Наконец, достигла арены. Запыхавшись от долгого спуска, поспешила к Алрою. Всех изумив, упала на колени, обняла за ноги Предводителя изгнания, волосами своими стерла пыль с его сандалий.

Крики восторга взвились над амфитеатром. Волна безраздельной веры захлестнула, закружила, поглотила сердца. Люди готовы потерять жизнь в надежде обрести лучшую. Мессия держал скипетр высоко над головой. И народ славил спасителя, и полагал сельджуков поверженными, и мнил себя свободным в возрожденном сияющем царстве.

7.5

Утомленная пятидневным маршем, армия Хасана расположилась на постой. Молодой воевода раскинул свой роскошный шатер в том самом чудном оазисе, что прежде дал приют бежавшему из Хамадана Алрою. В миле от походного жилища Хасана разбили лагерь его бойцы. Не только в отдыхе, но и в донесениях о силе и перемещениях противника нуждался Хасан.

Гонцы были отряжены и вскоре вернулись, а с ними ограбленный разбойниками купец – почтенный правоверный мусульманин. Пострадавшего немедленно препроводили к Хасану.

“Побывал в разбойничьем логове?” – спросил купца новый властитель Хамадана.

“К несчастью, да”, - ответил купец.

“Это далеко отсюда?”

“День пути.”

“Тебя освободили?”

“Вчерашним утром.”

“Каковы их силы?”

Купец замялся.

“У них есть заложники?” – спросил Хасан, испытующе глядя на торговца.

“О, святой Пророк наш! Горе мне, несчастному!” – возопил купец, и зарыдал, и принялся заламывать себе руки, - “Я, верноподданный халифа, дал клятву преступникам! Я, правоверный мусульманин, обязался помогать иудеям! О, господин мой, сделай милость, прикажи меня повесить! По заслугам мне такая смерть, я слишком задержался на этом свете!”

“Что все это значит? Говори, друг, и ничего не бойся!”

“Я верноподданный халифа, я правоверный мусульманин, я лишился десяти тысяч драхм!”

“Мне жаль тебя. И я ограблен. Признаем, однако, что своя утрата, свербит острее, чем чужая.”

“Будь проклят час, когда я попался на приманку этих псов! Скажи, господин, грешно ли нарушать клятву, данную еврею?”

“В этом нет греха! Любой мулла подтвердит. Я понял все. Грабители тебя освободили в обмен на обязательство не выдавать их. Лишь глупец доверяет обещанию, добытому угрозой, а умный дает слово, чтобы нарушить его. Говори все, что знаешь. Где они, сколько их, каковы их намерения?”

“Как верноподданный халифа, я должен служить ему, а обязанность истого мусульманина есть чинить ущерб неверным. Но, долг исполняя, себя обижать – грех. О, благородный господин! Негодяи обобрали меня до нитки. Отняли товаров на десять тысяч драхм! Включая доход от несостоявшейся продажи. Ах, каких замечательных платков лишился Хамадан!”

“К делу, к делу, друг! Что скажешь о разбойниках?”

“А я и толкую о деле. В платках все дело. Ибо, когда я говорю тебе о тех роскошных платках и непомерной тяжести моей утраты, ты должен уяснить, что главарь бандитов...”

“Алрой?”

“Возможно. Не знаю, как кличут этого проходимца-еврея. Он говорит мне: “Купец, ты чем-то опечален.” Я отвечаю: “Есть отчего. Я твой пленник и тобой ограблен на десять тысяч драхм!” А он мне: “Этот хлам ты ценишь в десять тысяч? И половины много за него. Старый плут!” Я не полез в карман за словом: “Попробовал бы ты, босяк, назвать меня плутом в Багдаде!” Тогда он говорит: “Ты попал в переделку, но можешь выкарабкаться без потерь. Ты не плут, ты честный малый, и умный, и, главное, ты прововерный мусульманин...” Я перебил: “Ты прав во всем, но в толк не возьму, чем моя вера мусульманская может быть полезна иудею? Разве что, как сказано в Коране, архангел Гавриил...” Я вижу, ты выражаешь нетерпение, мой господин?”

“Торговец, говори о деле!” – воскликнул Хасан.

“Я говорю о деле, а ты меня сбиваешь. Буду краток. Атаман разбойничий знает о твоём наступлении, дрожит от страха и хоть и старается виду не подавать, но меня не проведешь. Он отпустил меня, вручив написанное им собственноручно распоряжение некоему Бостинаю заплатить мне пять тысяч драхм при условии, что я обязуюсь сойтись с тобой и, да простит меня Пророк, солгать тебе!”

“Солгать?”

“Солгать! Но этим еврейским псам не дано понять, что истинно верующий не лжет. Итак, благородный Хасан, если, как ты говоришь, данное еврею слово не обязывает правоверного, и если ты заверишь меня, что я получу пять тысяч драхм, то услышишь всю правду.”

“О пяти тысячах не беспокойся, добрый человек. Обещаю.”

“Обещания даются по расчету, а выполнение их соразмерно опасениям”, – подумал купец и сказал: “Так, значит, деньги будут?”

“Слово чести. А теперь говори все, как есть.”

“Хорошо. Знай же, что силы противника малы, а сам он смертельно боится боя. Один из главарей, по имени Джабастер, с семьями лиходеями отступил вглубь пустыни. Тот, которого ты зовешь Алроем, ранен и вынужден скрываться среди развалин с сотней человек. Они прячутся по гробницам и склепам. При них женщины заложницы и награбленное добро. Алрой дал мне свободу, заручившись моим словом, которое я, как прововерный мусульманин, не нарушу, и мне вменяется устрашить тебя небылицей о его огромном войске, идущем в Хамадан. И если обмануть иудея все же грех, то ты в ответе за него, как и за пять тысяч драхм, что, впрочем, есть лишь половина положенного мне.”

“Где распоряжение Бостинаю?”

“Вот оно. Тут написано, что если правитель Хамадана Хасан, поверит рассказанному мною вымыслу, испугается, не станет воевать с Алроем и вернется в Хамадан, то подателю сего, то есть мне, Бостинаю должен выплатить пять тысяч драхм.”

“Старый Бостинаю лишится головы.”

“Я рад. Однако, будь я на твоём месте, я бы позволил ему сначала расплатиться со мной!”

“Почтенный купец! Не хочешь ли ты вновь повстречаться с Алроем?”

“Боже сохрани!”

“Вместе со мной.”

“Это другое дело.”

“Будешь нашим проводником. Плату получишь вдвое.”

“Это лишь возвратит утраченное мной. Нельзя терять времени. Схватим Алроя! Отомстим иудеям, правоверного ограбившим!”

“Оглы!” – позвал Хасан одного из командиров, - “Вели седлать коней. Лагерь не сворачивать. Купец, до захода солнца прибудем в стойбище бандитов?”

“И даже часом раньше, если отправимся немедленно!”

“Бить в барабаны! По коням!”

7.6

Сельджуки остановились у стен заброшенного города. Хасан выслал разведчиков. Те доложили о царящем запустении. Тогда Хасан расставил гвардейцев вокруг стен снаружи, дабы они не позволили никому сбежать из города, а сам с бойцами вступил на пустынные улицы.

Находит грубая душа объект почтения, и пример его помогает ей осветить темные свои уголки. Сказочное очарование места возымело несомненное действие на пришельцев. Не узнать было кавалерию сельджуков. Необузданные всадники и резвые их кони под уздой на сей раз были тихи и почтительны к древностям вокруг. Ни барабанного боя, ни проклятий, ни шуток не слышать. Ни мелькающих в воздухе сабель, ни пируэтов верховой езды не видеть. Лишь приглушенный пылью веков топот копыт тревожил тишину.

Закат. Небо темнеет. Звезды восходят над крышами.

“Нам сюда, мой господин!” – сказал купец-проводник, обращаясь к Хасану. Тот стоял в окружении своих командиров, во главе войска, заполнившего улицы. В уходящем закатном свете чернели прекрасные кони, на головах всадников белели тюрбаны, украшенные красными перьями, сверкали боевые доспехи. Нарядное сельджукское воинство добавило новые черты к красе древнего города. Свойство красоты – веками впитывать себе подобное, и, обновляясь, изумлять новых почитателей.

“Нам сюда, мой господин!” – повторил торговец и указал в сторону улицы, ведущей к амфитеатру.

“Стой!” – раздался вдруг громкий пронзительный окрик. Всадники остановили лошадей.

“Кто это?” – крикнул в ответ Хасан.

“Я!” – ответил голос. Женская фигура возвышалась на крыше здания, руки воздеты кверху.

“Кто ты?” – испуганно спросил Хасан.

“Я твой злой гений, сельджук!”

Хасан побледнел. Щеки приобрели цвет слоновой кости – точь в точь рукоять его секиры. Он застыл на месте. И женский образ оставался недвижим. В глазах сельджуков родился страх.

“Женщина, колдунья или богиня!” – вымолвил наконец Хасан, - “что тебе надобно здесь?”

“Трепещи, сельджук, Писание Бога презревший! Или забыл, как Канаанский воевода Сисра вздумал Иудею покорить, а доблестный Барак разбил его орду? Безумец! Ты покусился на народ, что под защитой звезд небесных!”

“Колдунья иудейская!” – воскликнул Хасан.

“Пусть так. Коль я колдунья иудейская, то заклинание мое падет на головы сельджуков, и горе вам!”

“Проснись, пророчица Дебора! Запевай песнь свою, окрыляй Барака-полководца, сына Авинаоама! И возликует народ Израиля!”

Вконец почернело небо. Не ночь, но тучи стрел, копий и камней виной тому. Летят отовсюду, поражают сельджуков правоверных и верных их коней. Ужас в сердцах. Мертвые падают на землю, живые топчут упавших. Смятение, хаос, бегство. Воинственные крики и призывы к спасению.

“Измена! Нас предали!” – вскричал Хасан и метнул копьё в сторону проводника, но тот ускользнул в темноту.

“Оглы, назад в пустыню!” – прозвучала команда.

Гвардия за стенами города встревожилась долгим отсутствием вестей. Когда же донеслись обрывки боевых вскриков, сомнения ушли – в городе бой, спешить на подмогу! Стремясь соединиться, силы внутри и вне городских стен рвались к одному и тому же месту – к воротам. Пробившись к ним, тающая на глазах армия Хасана обнаружила, что они заперты, забаррикадированы, охраняемы противником, и путь гвардейцам прегражден. Момент для водворения порядка упущен. Сельджуки рассеялись среди улиц, дворов и переулков. Гонимый волей к жизни, Хасан с тремя десятками бойцов ринулся к пустырю. Отступая, правитель Хамадана крушил на пути, что мог. Два разных чувства совместились в душе сего солдата – готовность приговор судьбы принять и надежда, что мелькнет счастье и спасет его.

В этот тяжкий для сельджуков час, словно по волшебству, вместе и разом, со всех сторон обрушились на бегущего врага доблестные бойцы Алроя. Из-за колонн и обелисков, из щелей и укрытий, из развалин и склепов выростали вооруженные кое-как, но непобедимой яростью геройства одержимые люди. Мстить за тысячу лет неотмщенных, вернуть величие народу вечному, царствовать среди народов вечно! Мечи красны сельджукской кровью, и нет спасения никому. К стене прислонятся – копьё пронзит, за стеной схоронятся – каменный дождь настигнет. Барабаны, трубы, тарелки медные. Все звенит, гремит и грохочет, все –

подспорье мятежникам. Жестокость воинства превосходит жестокость воинов, ибо в стае забывается страх.

“Взобраться бы на стену и бежать в пустыню - единственное спасение наше, Ибрагим!” – крикнул Хасан одному из оставшихся в живых товарищей, - “хоть бы с Алроем повстречаться!”

В направлении пустыря несколько еврейских всадников гнали впереди себя трех сельджуков. “Никому никакой пощады, Авнер! Они все подобны Амалеку, врагу иудеев извечному!” – кричал Алрой, размахивая окровавленной саблей.

“Один готов, другой за ним, а вот и третий! Сабля моя потрудилась на славу!” – возликовал Авнер.

“Твоя лошадь истекает кровью, Авнер. Где Джабастер?”

“У городских ворот. Рука рубить устала. Господь дал их нам на растерзание. Добраться бы до главаря!”

“Обернись, злодей кровавый! Я пред тобой!” – прокричал Хасан.

“В сторону, Авнер! Он мой!”

“Предводитель, ты и так довольно положил врагов!”

“Ты не меньше преуспел. А этот – только для меня! Подойди, турок!”

“Ты Алрой?”

“Он самый”.

“Ты пролил кровь Алчирока?”

“Имел честь!”

“Бунтовщик и убийца!”

“Как тебе угодно. Беспочуйся о себе!”

Иудей метнул копье в сельджука. Острие скользнуло о нагрудную броню, вонзилось в землю. Всадник пошатнулся в седле, кинулся на врага со всею быстротой и силой. Их сабли скрестились, и оружие мусульманина сломалось пополам.

“Негодяй, кто продал мне клинок! Лгал, что лишь халифа сабля крепче!”

“Ты прав. А сейчас – прав я!” – вскрикнул Алрой и зарубил сельджука. Вскочил в седло вороного коня, что недавнему врагу принадлежал, и поскакал туда, где не окончен бой.

Ночь торжествовала. Крики, шум – все стихло. Мятежники не оставляли мусульман в живых. Спрятавшихся отыскивали и убивали. Последовательна и неумолима одержимость веры. Не знает пощады жестокий восток.

Горели факелы. Пока приготавливалась трапеза, победители распевали гимны и благодарили Бога.

Вот выступила вперед пророчица Эстер. Бьет в медные тарелки, танцует пред мессией Израиля. А тот стоит усталый, сабля опущена, с ним Джабастер, Авнер, Шерира. Сейчас кто усомнится в божественности миссии Алроя и в величии содеянного им? Казалось, немая пустыня подхватила песнь торжества, вторя победителям.

7.7

Чем гуще тревога, тем неповоротливее время. Туман неизвестности окутал еврейский квартал Хамадана. Уж в который раз почтенный Бостиной вопрошает седобородых старейшин – победа или гибель, падение или величие? Мирьям погружена в молитвы – лишь спасения брату просит, не думает о высоком. И простая мысль может наполнить сердце до краев.

Две недели, как властитель Хамадана ушел побеждать и карать. Две недели нет вестей. И вот часовой на вышке возгласил, что видит вдалеке военный строй. Жители облепили городские стены. Ликование и предвкушение среди мусульман, холод и трепет в сердцах иудеев.

“Бог един!” – торжественно провозгласил командир охраны.

“И Мухаммед – Пророк Его!” – подхватил часовой.

“Завтра обрежем носы еврейским псам!”

“Утрачен скипетр!” – в отчаянии воскликнул Бостиной.

Удрученная, бессильная, приниженная Мирьям кинулась вон из дома, нашла в саду кучу пепла, обсыпала себя. “Господи, не оставь Давида!” – шептала.

Медленно и торжественно шествовали муллы к городской стене – излить потоки благословений на голову Хасана-победителя. Муэдзины проворно взобрались на минареты, чтобы тягучими голосами напомнить жителям Хамадана и всему свету, как велик Аллах.

“Хотел бы я знать, жив ли Алрой?” – спросил командир охраны.

“Если жив, его посадят на кол!” – заявил стражник.

“А если мертв, труп его отдадут на съедение собакам!” – добавил командир.

“Бостиная ждет петля.”

“И его племянницу – тоже.”

“Увидим. Говорят, Хасану нравятся черные глаза.”

“Надеюсь, истинный мусульманин не коснется иудейки!” – взволнованно произнес черный евнух.

“Они приближаются. Какую пыль подняли, однако!” – воскликнул командир.

“Я вижу Хасана!” – крикнул стражник.

“Я узнаю его черного коня!” – подхватил черный евнух.

“Любопытно, сколько драхм стоит Бостинай?” – задался вопросом командир стражи.

“Несчетно!” – ответил стражник.

“Надеюсь, добро свое он честно приобрел”, - вновь выразил надежду евнух.

“Проверим”, - сказал командир, - “Как бы там ни было, тысячу, которую я должен старому Моисею, я не верну. Теперь мы свободны от долгов евреям.”

“Разумеется”, - подтвердил евнух.

Всадники совсем близко. Авангард достиг городской стены.

“О, Боже, кто это гарцует впереди?” – спросил командир охраны, несколько смущенный.

“Никогда прежде не видел его”, - ответил стражник, - “Одежда наша, сельджукская, не иначе, кто-то из Багдада.”

Зазвучали трубы.

“Кто командир охраны?” – крикнул воин внизу.

“Я!”

“Открыть ворота царю Израиля!” – прозвучал приказ.

“Кому?” – спросил изумленный командир.

“Царю Давиду. Богу было угодно отдать нам на истребление армию Хасана. Мы не оставили в живых ни самого Хасана, ни командиров, ни солдат сельджукских. Я – Джабастер, посланец владыки нашего. Этот меч – мандат мой! Немедленно прикажи открыть ворота, и мы преподнесем вам, мусульманам, подлинного милосердия урок. А заупрямитесь, то, как говорит наш царь, “ворвемся силой, всех поубиваем без разбора, включая стариков и сосунков.”

“Немедленно позвать сюда почтенного господина Бостинай!” – взвизгнул испуганный командир охраны, - “Он вступится за нас!”

“И не забыть достойную госпожу Мирьям, она так милосердна!” – присовокупил стражник.

“Я возглавлю процессию!” – вызвался выполнить приказ черный евнух, - “Кто, как не я, знает к женщине подход!”

С нерастраченными благословениями и с неподобающей статусу богохульной поспешностью возвращались муллы в святилище знаний и истинной веры. Муэдзины на минаретах не исторгли из раскрытых от удивления ртов положенные Аллаху славословия. Обожающие

иудеев мусульмане толпами рвались к дому Бостиная и Мирьям, вызывали их преданными голосами, и каждый желал первым поцеловать края одежды господина и госпожи.

Широко распахнулись ворота. Джабастер и его воинство вошли в город, заступили в караул. На площади перед большой мечетью собрались правоверные горожане, чтобы празднично и достойно встретить победителей. Огни на минаретах раздвигали ночные тени, освещали спешно развешанные на городских стенах ковры, гобелены, гирлянды цветов. Громкой ликующей музыкой приправили правоверные Хамадана идиллию счастливой встречи с армией иудеев. Горожане и воины приветствовали друг друга радостными возгласами. Появился знакомый всем вороной конь, достойно неся в седле своего седока. Люди упали ниц, кричали: ”Долгой жизни тебе, долгого царствования тебе, Алрой!”

Вот идет депутация самых почтенных горожан. Во главе ее старик и скромная девица с опущенными долу глазами. Милости и защиты победителей приготовились просить. Всадник спрыгнул с коня, обнял девицу, вскричал: “Мирьям! Сестра! Сейчас, наконец, сознаю мой триумф!”

7.8

“Пей!” – сказал курд Кислох индийцу Калидасу, - “и не забывай, приятель, что мы больше не мусульмане!”

“Чтобы вполне вкусить букет вина, пить его надо из золотой посуды”, - сказал гебр, чей отец был выходцем из Эфиопии, - “эту безделушку я раздобыл на базаре”, - продолжил он и показал всем изящный золотой кубок, отделанный драгоценными камнями.

“Я думал, мародерство запрещено”, - усмехнулся негр.

“Верно. Но взять вещь в долг мы можем себе позволить.” – парировал гебр.

“Что до меня, я человек умеренных страстей”, - изрек индиец, - “Даже турка, пса поганого, не обижу. Хозяина, у которого я на постое, я всего лишь обратил в слугу, не перерезав ему горло. Удовлетворился его гаремом, баней, лошадьми и прочими безделицами”.

“С кем мы повелись, однако? Он ведь настоящий мессия!” – с благоговейным страхом произнес Кислох.

“Я прежде не шибко верил в силу скипетра Соломона-царя, покуда своими глазами ни увидал, как его величество снес голову с плеч доблестного сельджука”, - сказал Калидас.

“Он – мессия. Нет места сомнению”, - подтвердил гебр.

“Сомневаться в этом – значит вообще ни во что не верить”, - заметил индиец.

“Забавно”, - усмехнулся негр, - “я веры не имел вообще, теперь же единым махом удостоился наилучшей!”

“Большая удача!” - сказал гебр, - “Чем позабавим себя сегодня вечером?”

“Можно пойти в кофейню и силой вливать вино в турецкие глотки”, - придумал индиец Калидас.

“А что, если поджечь мечеть?” – предложил изобретательный курд Кислох.

“Я чудно развлекся сегодня утром”, - сказал гебр, давясь от смеха, - “Вижу, на базаре дервиш просит подаяние, а в ухе у него цепь продета. Я отыскал второго нищего, проткнул ему нос и цепью связал обоих вместе!”

“Ха-ха-ха!” – развеселился негр.

Самый искрометный юмор прост и непринужден и его ценителю представляет дело в новом свете.

7.9

Бунт иудейский гремел по всей Азии, истребление войска Хасана оглушило ее. Из богатых персидских городов и многонаселенных областей по берегам Тигра и Евфрата стекались евреи в Хамадан.

Прогневленные мусульмане везде, где могли, досаждали победителям и неразумным этим поведением приближали бедствие остракизма. Богатства Багдада пополняли сокровищницы Хамадана, еврейской столицы. В диванной, что прежде принадлежала правителю Хасану, теперь восседал царь Израильский. Он принимал дань почета от почетных визитеров и с почетом отправлял посланников в Сирию и Египет. Тысячи новичков экипировались из неисчерпаемых сельджукских арсеналов. За стенами города был разбит лагерь, и руководимые Авнером военные наставники обучали новобранцев науке воевать и превращали их в жаждущих подвигов бойцов.

Большую мечеть Хамадана обратили в синагогу. В один из дней толпы людей собрались на площади перед фасадом ее, расположились рядами. Плоские крыши близлежащих домов кишели народом. В центре площади возвели помост из кедрового дерева, окаймленного медью. На помосте стояли молодой бык и два барана. Как и полагается, для принесения жертв евреи отобрали лучших животных, без порока. Их охраняли священники.

Помпезные звуки труб заполнили пространство вокруг синагоги. Отворились ее ворота, и все увидели нечто, столь дорогое взору иудея. Нечто желанное, что таили тысячу лет от недобрых глаз, а теперь без опаски открыли на обозрение. Вместилище ковчега Завета, разноцветный шатер блестел на солнце алыми и пурпурными занавесями, шитыми золотом и серебром.

Служители синагоги несли на плечах кедровые шесты, золотыми скобами скрепленные поперечными перекладинами. На сооружении этом покоился предуготовленный для хранения свитков Торы необычайной красоты ковчег. Искуснейшие мастера Персии трудились над ним. Джабастер задумал это празднество и потряс пышным зрелищем сердца созерцавших его. Экстаз, как известно, заразительностью силен. Столь основательно воодушевились евреи, что выхватили мечи из ножен, стали потрясать ими в воздухе, звать к новому походу и к новым победам.

Раздвинулись занавеси шатра, и показались Алрой и Джабастер. Они взошли на помост. Алрой взял из рук священников мантию и надел ее на Джабастера. Затем перехватил ее поясом, на груди укрепил драгоценные украшения, обернул лоб повязкой, надел на голову

корону, помазал макушку маслом. Так ученик возвел учителя в звание Первосвященника Израиля.

В согласии с древним законом животные были умерщвлены, и искупительные жертвы преданы огню. Курился фимиам, ликовала музыка, крики восторга потрясали Хамадан. Изумительная гармония соединила воедино божество, служителей и жертвы. Алрой оседлал боевого коня и во главе двенадцатитысячной армии двинулся покорять земли, что в незапамятные времена звались Медийским царством.

7.10

Провинция Азербайджана, столица которой Хамадан, располагалась на территории древнего Медийского царства. Одного сражения достало царю Алрою, чтобы решить судьбу этой земли. Он разбил в пух и прах плохо обученных новобранцев, ведомых воеводой из соседнего Керманшаха. Вскоре все города округа признали верховенство нового иудейского царя. А тот, предоставив Авнеру покорять пограничный с Керманшахом Луристан, вступил в Персию.

Неудержимый натиск Алроя привел в негодование Тогрула, сельджукского султана Персии. Поступившись поневоле наслаждениями праздности и неги во дворцах чудного города Нишапура, восточный владыка призвал к себе эмиров, и держал с ними военный совет, и решено было выступить с войском, и у города Рей сокрушительным ударом разгромить дерзкого бунтовщика.

Вера, отвага и ум – три благословенных дара, коими изобильно наделен был Израильский мессия, и вкупе они стали ключом к великим победам его. Но не пришел бы триумф к царю, кабы ни вера, отвага и ум необычайного народа его, ради которого он жил и дышал. Все, что нужно было знать о противнике, Алрой знал. Все, что говорилось, замышлялось, приготавливалось во вражьих дворцах, мечетях, шатрах воевод – все доносили вездесущие шпионы иудейскому царю. Не диво, что ловкие задумки врага оборачивались западней для него. Спокойно спавший город Рей в одну ночь был сожжен дотла. Обезумевшие эмиры рвали на себе бороды. Они кинулись за спасением к султану Тогрулу, и поднявши вопль до небес, предсказывали конец света. Стены дворцов Нишапура содрогались от громогласных проклятий хозяина. Тогрул поклялся совершить паломничество в Мекку, как только перебьет гнусных еврейских псов. Он сам возглавит пестрое войско свое и выйдет навстречу Алрою, дабы покончить с ним навсегда.

Числом впятеро персы превосходили иудеев. В придачу к сельджукскому воинству добавилось многолюдье кавказских ополченцев. Грозные лучники дикого племени бахтияров присоединились к полкам правоверных. Жестокие и вольные туркмены-копьяносцы уступили соблазну золота, султаном обещанного, и стали в общий строй.

Неистовые бахтияры, свирепые туркмены, верные железному порядку сельджуки – разве одолеют они армию, над которой простерта покровительствующая длань Бога Авраама, Ицхака и Якова? Стремительной атакой тяжелой кавалерии Алрой разрубил надвое головные силы Тогрула и заодно отеснил наемников. Израильский царь разгромил кавказцев, обратил в бегство бахтияров, не успевших опорочить колчаны, а гордые туркмены с копьями в руках бросились наутек, прихватив, что успели, из обоза.

Турки бились отчаянно, но, лишившись союзников, не могли сдерживать бешеный напор опьяненного успехом противника. В одной из ответных атак пал султан Тогрул. И с этой

минуты схватки двух армий стала более походить на избиение нежели на сражение. Кровь сельджуков орошала землю, трупы их усеивали ее. Иудеи не знали, а правоверные не узнали пощады. Врага щадящий не щадит себя. Уцелевшие спаслись бегством в горы. Возложив на Шериру приведение в порядок боевых рядов, Алрой в сопровождении трех тысяч всадников направился утром в Нишапур. Он сообщил жителям весть о гибели султана и потребовал сдать город. Столица Персии избежала страшной судьбы Рея, откупившись огромной данью и унижительным послушанием. Хранившиеся в подвалах Нишапура сокровища бывшего Газневидского царства и богатства древнего персидского царя Хосроя препровождены были в Хамадан. Никогда прежде сей город не знал столь счастливых дней: что ни рассвет – то весть о новой победе, что ни закат – то караван с новым добром принимал он.

Во дворцах Нишапура Алрой заключил мир на своих условиях. Авнер покорил Луристан и с подкреплением от Джабастера прибыл в Персию. Алрой получил важное донесение из Хамадана и с войском спешно отбыл в еврейскую столицу, возложив на Авнера временное правление Нишапуrom.

7.11

Прибывши в Хамадан, Алрой тотчас призвал в свою резиденцию Джабастера, и ночь напролет владыка и Первосвященник держали совет, и утром глашатай уведомил жителей, что монарх вернулся, что учредил он новое царство мидян и персов, что Хамадан определен его столицей, что наместником в ней назначен Авнер, и, наконец, что готовятся поход в Сирию и завоевание изызнава Земли Обетованной.

Предстоящий поход обдумывался основательно, и приготовления к нему велись планомерно и споро. Джабастер не терял времени даром и весьма быстро собрал стотысячную армию. На востоке, где каждый вооружен, такое возможно. Евреи составляли большинство бойцов, но присоединились и арабы, не желавшие более гнуть шею под турецким ярмом, и, конечно, примкнули искатели приключений с юга Каспия. Последние легко и охотно оставили привычные языческие верования в пользу победоносной религии непобедимых завоевателей.

Окрестности Хамадана усеяны палатками и шатрами военных становищ. Улицы и площади полны солдат. На базарах торгуют военным снаряжением. Караваны верблюдов доставляют провиант. То и дело какой-нибудь татарин с огромной чалмой на голове несет новую депешу юному царю. Звон оружия, ржанье лошадей. Тут и там боевая музыка врывается в неумный шум. Словно все страсти мира, радости трудов, бурление жизни, людские вожделения избрали Хамадан средоточием своим. Всякий поглощен делом, и всякий полагает его важнейшим. Головы ясны, руки крепки, ноги быстры. Заразителен подъем душевный. Вера в миссию вселенскую вздымает дух и соблазняет думать, что мир – уже почти у ног. Видеть массу огромную людей, единым порывом одержимых, – зрелище волнующее и тревожное.

Что заставило Алроя спешно покинуть Нишапур, и мчаться в Хамадан, и совещаться с Джабастером, и собирать силы? Юный мессия и искушенный наставник его открыли для себя, что рвущаяся из сердца и сжигающая мозг пламенная вера – не прерогатива иудеев, и что природа требует сродства семян и почвы. В ответ на победы Алроя повелитель правоверных поднял знамя Пророка на берегу Тигра. Мистика проповедей овладела воспаленными умами мусульман. Одних лишь багдадских бойцов-сельджуков насчитывалось до пятидесяти тысяч. Султан Сирии внес свою лепту, выдвинув войско отважных покорителей Дамаска и Алеппо. Сельджукское царство Рума отрядило кавалерию, огромную числом и проверенную в боях с азиатскими монархами. Со времен арабского халифа Харуна Аль-Рашида не собиралось на берегу Тигра столь внушительное войско.

Всякий правитель, желая блеснуть верноподданной воинственностью, приводил в столицу халифов кто воинов, кто караван с нужным для войны добром. Из глухих Аравийских пустынь, с Черного моря, что на краю света, прибывали эмиры и ставили палатки, и забавляли столичных вавилонян провинциальной неотесанностью и прямоотой. На двадцать миль вдоль реки тянулась полоса военных лагерей. Знамена и флаги, флажки и цветные ленты, костры и факелы. Сам Малик, главный сельджукский султан и управляющий дворцами халифа, возглавил величайшее это войско.

Несметная рать правоверных стеклась с великих просторов Азии, дабы остановить победную поступь еврейского царя и спасти Землю Обетованную от нашествия иудеев, которым она была обещана, и которые утратили на нее право. Тем временем в поле возле стен Хамадана Алрой делал смотр своим силам. Лишь один-единственный человек решает начать ли войну, послать ли людей на бойню, обречь ли на смерть многих и многих. Шестидесят тысяч закованных в броню пехотинцев. Тридцать тысяч лучников. Двадцать тысяч кавалеристов. Десять тысяч всадников, героев недавних боев, составляли отборную часть армии и назывались “Стражи короны”. В центре их рядов возвышался великан Элинбар, на три головы выше среднего бойца. Он держал золотой, усыпанный рубинами ларец, а в ларце – скипетр царя Соломона. Стражами короны командовал Азриэль, брат Авнера.

Расположенные в Хамадане бойцы составляли треть армии Алроя. Царь восседал на троне. Воины, шеренга за шеренгой, проходили мимо престола и, приветствуя своего мессию, приспускали знамена и копыя. Бостинай и Мирьям, и с ними те, у кого на сердце радость, наблюдали великолепное зрелище с городских стен. А в это время Шерира продвигался маршем к Багдаду, возглавляя свою часть армии. Джабастер же, нарядившись в костюм Первосвященника и поклявшись не опускать меч, покуда ни будет возрожден Храм, правил последней третью алроева войска и вел солдат к установленному месту встречи с Шерирой. Там оба станут дожидаться прибытия Алроя и соединят силы.

В конце дня, по завершению парада, Алрой скомандовал Азриэлю выводить бойцов из Хамадана. Сам же царь медлил. С ним оставались его штаб и силы охраны. Эти разгоняли скуку, упражняясь в метании копий, и льстивой речью сдерживали нетерпение коней.

Алрой прогуливается с Мирьям в саду Бостиная. Они шагают медленно, идут рядом, молчат. Рука его покоится на тонкой хрупкой талии, другая – легко сжимает нежную девичью кисть. Глаза ее опущены, непрошенные слезы оставляют мокрый след на бледных щеках. Брат и сестра. Время честолюбия и время чистоты любви. Вот лужайка, фонтан, царский конь ждет седока.

Давид сорвал цветок, вплел в волосы Мирьям. Она улубнулась. Горечь разлуки. Нечем смягчить ее.

“Сестрица, душа моя! Расставаясь со мною в прошлый раз, ты глядела вслед беглецу, а нынче ты провожаешь царя-завоевателя!”

Она обняла брата, спрятала мокрое лицо не его груди.

“Мирьям, мы встретимся в Багдаде!”

Давид прижал ее руку к губам, кивнул стоявшим неподалеку девушкам. Те подошли, окружили Мирьям, заговорили с ней. Алрой вскочил на коня, умчался.

Кавалерия халифа почти без потерь проскользнула мимо авангарда Шериры, соединилась с основными силами, и, уже в полном сборе, правоверные явили готовность к приходу гостей.

Главный сельджукский султан Малик командовал центром. Правым крылом управлял сирийский султан, и тыл его защищала река. Левый фланг занял румский султан. Он выдвинулся вперед и по-хозяйски расположился на невыгодном на первый взгляд месте. Гордый числом, уверенный в доблести и уповающий на дисциплину своих бойцов, Малик бестрепетно поджидал покорителя Персии.

Вдали показалась армия Алроя. Узкие колонны спускались с гор, ширились и рассыпались на краю равнины. К ночи лагерь иудеев был готов. Малик различал движущиеся огни в шатрах, слышал трубачей, пробовавших фанфары. Миля-другая разделяли два полюса, две страшные силы. Настанет утро, и они сойдутся. Копья, мечи, стоны, муки, кровь, смерть, победа. Изменится мир или останется прежним? Что ни готовит судьба, приговор есть всегда приговор, для той стороны, для этой ли.

В окружении командиров Алрой заходил в палатки к простым воинам, говорил с ними, подзадоривал их, обещал скорый триумф, что затмит недавние победы. Обожание и безоглядная вера светились в глазах бойцов, и почва под ногами мессии казалась тверда, как скала. Для прибавки солдатам крепости духа торжественная процессия пронесла вдоль лагеря скипетр Соломона. На вершину холма взошла пророчица Эстер. Преданные лица глядели на нее со всех сторон. Она вещала и воодушевляла, клялась и прорицала, требовала и умоляла, проклинала и превозносила. Как магнит незримой силой овладевает железом, так проповедник страстным словом пленяет душу. Ночь перед сражением. Хрупкий образ девы, вдохновенной и красноречивой, и мощные фигуры жадно внемлющих воинов. Красное пламя костров, и бледный свет луны. Блестящая броня кольчуг равнодушно отражает лучи всех цветов.

В царском шатре Алрой и Джабастер обсуждали возможные перипетии грядущего дня.

“Перед нами иная реальность, на прежнюю не похожая” – сказал Алрой приготовившемуся уходить Первосвященнику.

“Не разность, а общность важны – Бог отцов наших с нами!”

“Это бесспорно! Но... Необходимо понимать замысел Его. Ведь как велик был древний Моисей! Нынешнему веку завоеватель требуем.”

“Ты погружен в раздумья, царь?”

“О туманном прошлом. Настоящее прозрачно. Чрезмерные размышления о нем лишь повредят.”

“Прошлым питается мудрость, настоящее принадлежит действию, будущему отдана радость. Когда я думаю, что путь к Храму близок, а на престол взошел ты, Помазанник Бога и потомок Давида, мой дух вздымается, и дух захватывает. Когда я думаю о скорой нашей славе, ликование мое столь неудержимо, что я рискую потерять в глазах людей величие, сану Первосвященника подобающее!”

“Сколько часов осталось до рассвета?”

“Три.”

“Странно, но я в состоянии уснуть. Прежде я не мог спать накануне боя. Чем объясняешь перемену, Джабастер?”

“Окрепла твоя вера.”

“Да, сердце мое спокойно. Хотя я знаю, мой путь наверх не пройден, и вершина впереди. Спокойной ночи, Джабастер. А, Это ты явился, мой храбрый Азриэль! Во всем успешный, как Пэрэц из сказания о Руфи!”

“Благодарю, мой царь!”

“Разбуди меня со вторым караулом. Спокойной ночи, Азриэль.”

“Спокойной ночи, господин.”

“Пэрэц, до рассвета три часа?”

“Почти, мой господин.”

“Итак, со вторым караулом, помни! Спокойной ночи.”

7.13

“Второй караул, мой царь!”

“Как скоро! Я спал? Я свеж и полон сил. Азриэль, кликни Шериру.”

“Я отлично спал. Это - диво. Уже давно мой сон тревожен. Приветствую тебя, гармония! Почивание исполнило роль, определенную ему природой – принесло душе отдохновение, а не борьбу, занятие бодрости часов. Да, до сих пор сон мой служил прибежищем надежд, бегущих от обыденности, страха и страстей.”

“Выгляну-ка из шатра. Какое зрелище! Ведь это я поднял неслыханную доселе силу! Насколько хватает глаз растянулся лагерь верных мне бойцов. Мои знамена, моя победа, мой триумф! В прошлое канет былая Азия.”

“Год назад на этом самом месте я молил судьбу о смерти. Прежде презренного и безвестного, сегодня встречают величайшие султаны мира. Мне страх неведом. Я знаю, мой путь наверх не пройден, и вершина впереди. Хочу, чтоб сила высшая, донныне благосклонная ко мне, и далее прокладывала мне дорогу!”

“Иерусалим, Иерусалим, - лишь о нем он мне твердит. Начетчик фанатичный. Усвоил мудрость книг, но узок горизонт его, и спит воображенье. В будущем различает лишь прошлого черты, всякая перемена пугает его. О, сказочный Багдад! Твое сияние в сто тысяч раз ярче света возлюбленной Джабастером каббалы!”

“А, Шерира! Я жду тебя. Какое утро, как воздух чист! Великий день грядет – для Израиля и для тебя. Ты поведешь атаку, бравый мой Шерира. Обсудим предстоящий бой.”

7.14

Рассвело. Сплоченные колонны иудеев, ведомые Шерирой и нацеленные на центр армии халифа, ринулись в атаку – война требует быстроты. На левом фланге Джабастер повел наступление на румского султана. Шерира преуспел и решительно рассредоточил ряды турков. Стражи короны во главе с Алроем продолжили начатое Шерирой, разбили часть центра и наголову разгромили и сбросили в реку армию сирийского султана. Уцелевшая часть войска Малика была отрезана от левого фланга.

В то время, как в центре и справа Алрой и Шерира с блеском одолевали противника, действия Джабастера не имели успеха. Румский султан умело маневрировал, и хорошо обученная и по-римски дисциплинированная армия его стойко встретила натиск иудеев и от обороны перешла к наступлению. Тщетны были попытки Джабастера вновь сплотить ряды, не спасали дело чудеса личной отваги командира, и даже вид поверженного наземь знамени султана не лишил правоверных воли к победе. Войско Джабастера было разбито. Азарт и ярость победителя застлали глаза султану Рума, и не увидел он бедствие турков в центре. А ведь атакуй султан тыл Алроя уже после разгрома Джабастера, и предрешен был бы исход сражения в пользу правоверных. Алрой своим орлиным глазом углядел оплошность противника и не преминул ею воспользоваться. Он поручил Итамару контролировать центр, а сам направил силы Стражей короны на левый фланг, дав Джабастеру надежду собрать воедино уцелевшую часть армии. Поняв, что его победа не меняет общий плачевный для мусульман исход сражения, румский султан не стал ввязываться в бой с отборной кавалерией Алроя, и поспешно, но сохраняя дисциплину, отступил в Багдад. Оттуда, прихватив с собой халифа, его гарем и его сокровища, сбежал в Сирию. Кровь турецких воинов окрасила воды Тигра. Вид их плывущих мертвых тел красноречиво сказал жителям окрестных городов по берегам реки на чьей стороне победа. Тридцать тысяч турок, среди них багдадский и сирийский султаны, эмиры, воеводы – полегли в сражении. Уцелевшие и добровольно сдавшиеся на милость победителя были разоружены. Спасшиеся бегством соединились в разбойничьи отряды и занялись мародерством и грабежом. Алрой лишился войска Джабастера, сражавшегося на левом фланге. Потери в центре и справа оказались незначительными. Сам царь был легко ранен. Трехчасовая битва перевернула Азию. Алрой стал владыкой востока.

7.15

Трупы людей и лошадей отягощают землю. Разбросаны воинские доспехи и знамена побежденных. Сорваны палатки. Алрой приказал фанфаристам трубить победу. Сам, весь в пыли и со следами запекшейся крови, подвел коня к шатру Малика, спешил, устало облокотился на окровавленный меч. Его окружили командиры.

“О, Джабастер!” – обратился царь к Первосвященнику, - “Твоим воинам выпала удача заполучить беззаветно храброго командира, но на их беду храбрец не научил их в должной мере строю и военному искусству. В другой раз готовь бойцов получше к сражению с умелой турецкой кавалерией. Бравый Шерира! Мы с тобой вовек не забудем нашу ураганную атаку. Азриэль, передай от моего имени Стражам короны, что без их отваги не видать бы нам победы на Тигре. Итамар, каковы наши свежие силы?”

“Азербайджанский полк, мой царь.”

“Сколько воинов?”

“Двенадцать тысяч.”

“Отважный Итамар! Веди азербайджанский полк в Багдад. Потребуй сдачи города. Если гарнизон попытается затеять бой, удовлетвори каприз неразумной воинственности. Полагаю, однако, что после тяжелого сражения они не предпочтут гибельную авантюру заслуженному отдыху. Пригрози, что если окажут сопротивление, я превращу Багдад в пустыню. Умеренность на войне – непростительная глупость. Город должен быть разоружен. Где солдат, что уберег мою голову от вражеской секиры? Его зовут Беная?”

“Беная пред тобою, царь!”

“С этой минуты ты, Беная, – командир. Присоединяйся к Итамару и стяжай лавры к нашей следующей встрече. Азриэль, сообщи брату в Хамадан о победе.”

“Господин, я уже отправил к Авнеру татарина с донесением.”

“Хорошо. Другого пошлешь к госпоже Мирьям с письмом, которое я напишу. Роскошный шатер султана Малика, наш трофей, подарим Хамадану. Элинбар, еврейский Голиаф! Ты геройски пронес через все сражение скипетр царя Соломона. Хвала тебе! Не вижу нашей пророчицы Эстер. Чем измерить долю ее в победе? Слабые руки, к небу воздетые, сильнее железных мечей. Страстное слово и ее сияющий взор зажигали сердца бойцов!”

“Царь ранен, и рана кровоточит...” – сказал Джабастер.

“Немного. Меня лихорадит. Царство за глоток воды! Сейчас окажем помощь нашим раненым. Напомню всем, сегодня – канун субботы. Азриэль, возглавь приготовления к святому для нас, евреев, дню, к нашему шабату.”

7.16

Лагерь иудеев готовился к встрече субботы. Алрой в сопровождении приближенных навещал и ободрял раненых, воздавал хвалу храбрецам. Ожидание скорого прихода шабата подбавляло чувство святости к настроению торжества в сердцах воинов-победителей.

Шабат наступает с заходом солнца. Но как определить мгновение, когда светило скроется за горизонтом, коли линию его заслоняют дальние холмы? На помощь приходят талмудисты. Они держат в руках мотки белых шелковых нитей, и покуда огненный шар опускается за вершины холмов и озаряет небо багровым светом, они наблюдают за изменением цвета шелка в лучах заходящего светила и знают, когда провозгласить шабат. Нити желтеют, и стучит кузнечный молот, и пылает огонь в костре под вертелом, и кавалеристы ведут коней к реке на водопой, и пехотинцы укрепляют палатки и забивают колья. Розовеет шелк, и торопится молот, и догорают костры, и кони напоены, и пехота уселась отдыхать.

Иссиня-серым отливает моток, свинцовыми стали белоснежные нити. Звон мошкары возник и пропал. То тут, то там закружили летучие мыши над палатками. Скрылось солнце. Не слышно молота. Погасли костры. Смолк говор людской. Умиление и благолепие вошли в сердца, заместили торжество жестокости и дикость крови. В каждой палатке трепещет

субботняя лампада. Умиротворенность и святость воцарились вокруг. Лагерь безмолвен. Звездное небо вторит огнями и тишиной. Шабат.

Утро. Воины окружили возвышение, на котором стоят Первосвященник и левиты, его помощники. Первосвященник зычно возгласил единство и всемогущество Бога. Эхом откликнулись голоса иудеев. Они впитывали слова проповеди, дабы очистить, обновить, освятить души свои: ведь даже победоносная война – зло. Молчаливые и просветленные, разошлись кто куда. Одержимые рвением праведности, не отходили от лагеря дальше дозволенного в шабат расстояния в две тысячи локтей, как путь от Иерусалима до Масличной горы. Снова солнце зашло, и окончился шабат. И с тою же быстротой, с какой накануне лагерь стих и окунулся в благочестие, он нынче вынырнул из кроткой святости и вернулся к буйной обыденности. На войне убивают и убивают много. Преуспевший в этом больше врага – победил. Вновь запылала костры. Везут провиант из ближних деревень. Богобоязненные победители восславят свой триумф и самих себя на шумном пиршестве.

Назавтра к Алрою прибыл татарин с донесением от Итамара, который извещал, что румский султан бежал в Сирию, и что Багдад не окажет сопротивления. Итамар уведомлял, что уступил просьбе жителей не вводить войско в город, покуда депутация его ни будет принята Алроем, и обещал, что посланникам не причинят вреда.

7.17

Глашатаи объявили о прибытии депутации. Все воинство, все конные и пешие солдаты Алроя, вооруженные и грозные, заняли места в боевых порядках внутри лагеря. Владыка хотел, чтобы просители получше разглядели армию завоевателей и поразились ее численности и силе. Занавеси в царском шатре подняты, и видно снаружи, как на роскошном диване восседает Давид Алрой, справа от него стоит в одеянии Первосвященника Джабастер, слева – Шерира, а позади возвышается гигант Элинбар, и скипетр в его руках. Командиры расположились вдоль стен шатра.

Гремели тарелки, им вторили литавры, и фанфары были слышны. Наконец музыка победителей смолкла, и депутация двинулась вдоль длинного палаточного проспекта. Первыми шли красавцы-юноши. Они держались парами и разбрасывали цветы на дороге. За ними следовали музыканты в причудливых одеждах, а в руках у них серебряные трубы, тихо и жалобно пели. За трубачами шествовали рабы, привезенные со всех концов света, и каждый представлял диковины своей страны. Негры несли слоновьи бивни, страусовые перья, полные золотого песка шкатулки. Сирийцы гордились богатыми кольчугами и латами. В руках у персов кувшины с благовонными бальзамами. Индийцы поразили жемчугом и кашемировыми шальями. Дети вели нежных белых газелей. Закутанный в голубой халат араб тянул на веревке стройного жирафа. Силачи держали серебряные блюда, а на них – горки золотых монет и золотые кубки, усеянные драгоценными камнями.

Из сундуков Повелителя правоверных извлекли лучшие ткани и отделки к ним: шелка из Алеппо и парча из Дамаска, меха соболя и горностая, шкуры песца и лисицы.

Важно шествовали верблюды с серебряной сбруей, нарядные конюхи вели прекрасных лошадей, укрытых богатыми попонами. Последним следует белоснежный конь со звездой во лбу. Родословная его началась в конюшне Соломона, а поколения его скрещивались лишь с потомками лошадей Пророка.

Черные евнухи, вооруженные секирами с рукоятями, украшенными слоновой костью, окружали дюжину красавиц-черкешенок и скрывали девиц от нескромных глаз. Но и без того прелестные лица таились за длинными вуалями, а грациозные формы не угадывались за свободной одеждой.

Блестящая процессия достигла царского шатра. Просители смиренно поклонились Алрою. Двенадцать самых почтенных граждан города выступили вперед. Руки скрещены на груди, глаза опущены долу. Они согнулись и в знак смирения поцеловали землю перед Алроем. Один из дюжины, глава посланничества, самый красноречивый, шагнул навстречу царю. И это – Хонайн!

7.18

Скромно, но блюдя достоинство, врач халифа поклонился завоевателю востока. Благородное выражение лица и изысканные манеры выделяли его среди прочих посланников побежденного города. Одежда его изящна, слова обдуманы, жесты сдержаны – в точности, как в день первой встречи с Алроем на базаре Багдада, когда вельможа спас юношу из когтей лживого Абдаллы. Велика заслуга сохранять достоинство в минуту величия, велика вдвойне, когда судьба недружественна.

Хонайн заговорил, и воцарилась почтительная тишина.

“Завоеватель мира! Это Господь, непререкаемый распорядитель судеб людских, отдал в твои руки наше достояние и сами жизни. Мы доставили в твой лагерь атрибуты нашего богатства и процветания. Это не дань, ибо все, что есть у нас – все твое! Мы лишь хотели тебе представить нарочито, какие чудные произрастают плоды на почве спокойствия и мира. Есть мера материальная милосердию завоевателей, и потому оно сулит доход не только покоренным, но и победителям, причем вдвойне. Чем разрушать, мудрее приобретать, и обладать, и умножать.”

“Провидению угодно было, чтоб мы родились подданными халифа. Теперь же оно отдало нас во власть твою. Мы будем преданы тебе, как были преданы ему, и смиренно просим даровать нам покровительство, как он нам даровал его.”

“Каким бы ни было твое решение, мы подчинимся с кротостью, подобающей признанию абсолютной силы. Но мы полны надежд. На наше счастье не грубый варвар покорил восток, но завоеватель благородный и просвещенный, ценитель благ цивилизации, наук и искусств знаток, правитель милосердный и гуманный. Мы ждем добра и милости от царя, который юные года свои отдал учению, впитал достойнейшую веру и высокую мораль ее. Мы преклоняемся перед владыкой, славным потомком священного народа, древность которого признавал Пророк.”

Хонайн смолк, и тишина в шатре сменилась гулом одобрения. И к слабому придет успех, коли не уронит себя с сильнейшим.

“Благородный эмир”, - сказал Алрой, - “Оповести Багдад, что царь Израиля гарантирует защиту его жителям и их имуществу.”

“А их вере?” – тихо спросил посланец.

“Терпимость”, – ответил Алрой, взглянув на Джабастера.

“До появления у нас новых идей”, - уточнил Первосвященник.

“Жизнь халифа в полной безопасности, и он будет почитаем нами”, - добавил Алрой.

“Возможно воодушевит тебя, царь, известие о том, что султан Рума увез с собой нешего недавнего правителя.”

“И гарем его?”

“И гарем его.”

“Это излишне. Мы не воюем с женщинами.”

“Не только женщины, но и мужчины обязаны благодарить тебя за милосердие.”

“Биноми, когда господину посланнику придет время возвращаться, собери почетный кортеж, чтоб сопроводил гостя”, - обратился Алрой к молодому командиру. “Благородный эмир”, - продолжил царь, - “Я воин и более всего почитаю оружие и знаю толк в нем. Прими мой солдатский дар”, - сказал Алрой и протянул Хонайну восхитительный кинжал.

Посланец Багдада принял из рук царя подарок, поднес к губам, поцеловал, как водится на востоке, и укрепил кинжал на поясе.

“Шерира!” – воскликнул Алрой, - “приготовь для эмира лучший шатер и позаботься, чтобы бойцы наши в простоте своей не обидели гостей.”

“Владыка, я исполнил свою миссию. Теперь я должен сделать нечто не менее важное, касающееся меня самого. Я бы вернулся, с твоего великодушного согласия.”

“Как угодно, благородный эмир. Биноми, сопроводи с почетом. Прощай, посланец.”

“Необычайная личность сей эмир, не так ли, Джабастер?”

“Изысканный турок. Изощренность ума проявляется в умении тонко льстить.”

“Что ж, похвалы – неизбежная награда умного льстеца. Ты думаешь, он турок?”

“Судя по одежде.”

“Возможно. Азриэль, сворачивай лагерь. Мы направляемся в Багдад.”

7.19

Командиры занялись подготовкой к маршу. Новость о скором вступлении в Багдад мгновенно облетела лагерь и породила лихорадочный энтузиазм бойцов. Они сворачивали палатки и торопили миг встречи с новыми приключениями. Алрой опустил занавеси шатра, уединился, погрузился в раздумье.

“Алрой!” – прозвучал голос снаружи.

Он встрепенулся, вышел из шатра. Перед ним стояла пророчица Эстер.

“Эстер! Это ты?”

“Алрой, не иди в Вавилон!”

“Отчего же?”

“Так Бог сказал. Не иди в Вавилон!”

“Не отпраздновать великую победу, о дева?”

“Не иди в Вавилон!”

“Да отчего же? Что страшит тебя?”

“Не иди в Вавилон!”

“Отвергнуть дар судьбы и без причины?”

“Бог сказал. Это ли не причина?”

“Я помазанник Бога. Его остережение мне не известно.”

“Вот, оно тебе известно! Не повторяй грех древнего царя Ахава, что пренебрег пророком!”

“Пренебечь тобою, пророчица!? Той, что предрекла мои победы!? Не способен Алрой на черную неблагодарность. Горячие слова твои – триумф предвидения, и нет сомнения в их силе окрыляющей!”

“Но ты сомневаешься! Ты сейчас сомневаешься! О, царь Израиля, не иди в Вавилон!”

“Прекрасная дева! Раз видевший и слышавший тебя – вовек не усомнится! Поверь, Эстер, нет повода для опасений. Для радости есть повод – настал тот редкий в жизни миг, когда мечта вернее предречений!”

“Алрой, Алрой, не иди в Вавилон!”

“Во мне нет страха. Я вижу впереди сияние вершины достижимой.”

“Как ужасно! Ты не слушаешь. Теряем все!”

“Обретаем все!”

“Утратим мечту нашу – вернуться под небо священного Сиона! Сердце не обманешь: оно к утраченному рвется, и прошлым будет жить.”

“Дивная Эстер!” – воскликнул Алрой и взял ее руку в свою, - “Близок день, и столица востока ослепит мир. Народ наш более не гоним, и иным мечтам пора пришла. О, дева,

избери мужа, одного из воевод моих, который по сердцу тебе, и я приготовлю царство в приданое. Эстер, тебе к лицу корона!”

Пророчица устала на Алроя взгляд темных глаз. Какие мысли роились в голове ее? Пред ней спокойное непроницаемое лицо юного завоевателя. О чем он думал? Эстер опустила голову, молча ушла.

Глава 8

Принцесса Багдада

8.1

Знамена полощутся, фанфары ликуют, лошади ржут, копыта сверкают. Неумолимо движется войско, оно оглушило и ослепило горизонт, словно утреннее светило ворвалось в ночь и вдребезги разбило ее.

Грохочут завоевателей шаги. Тяжелы. Вперед и вперед. Неминуемо, как морской прилив поглотит берег, солдаты покоренную землю займут. Неизбежность всего сильнее, ибо она властвует над всем.

Воинство иудейское, бойцы Господни! Пред вами земля соленая от слез отцов ваших, сотни лет плакавших о погасших вдали очагах. Непрístupная страна, попирайте равнины ее. Надменный город, займите дворцы его. Воинство иудейское, бойцы Господни!

Вперед, дерзкое племя, час пробил! Вековые мечты и мудрецов заветы сошлись здесь и сейчас. Гонителей золотые колесницы не слышны, не видать красных мантий тиранов. Воздалось им, и изгнаны.

Восстаньте вдовы и не плачте более! Нет нужды вам горевать. Бог утер вдови слезы, и живы дети ваши и геройством матерей утешают!

Азриэль глядит вокруг – равнина пред ним. Шерира потрясает копьем, Джабастер меч поднял. И Бога избранник здесь, деяния его древними пророками предугаданы и воспеты. Жизнь его – что свежая утренняя роса на святом Сионском холме. Бога избранник, он ведет свой народ к победе. Воинство иудейское, бойцы Господни!

Они идут, идут, идут!

Тысячи жителей взобрались на городские стены, тысячи лодок теснятся на реке. Базар закрыт, а площади полны народу. Ранним утром Итамар с воинами вошел в город, выставил караулы. Вскоре авангард армии достиг Багдада. Кавалеристы расчистили дорогу, за ними на белоснежном коне подъехал к городским воротам Алрой. Крики восторга взвились в небо.

Алроя встретил Итамар и знакомые лица из недавней депутации. Хонайна среди них не было. Окруженный командирами и под охраной отряда Стражей короны, Алрой проследовал оживленными улицами к дворцу халифа. Ворота отворились, и он вступил в парадный двор. Спешился, принял приветствие командира воителей-евнухов. Вошел во внутренние

помещения дворца. Анфилада пышно украшенных комнат. Он вспомнил свой первый визит сюда с Хонайном. А вот и зал, в котором халиф держал совет с приближенными.

Алрой уселся на роскошный диван Повелителя правоверных.

“Передохну после трудного марша”, - подумал Алрой, принимая от старшего евнуха кофе в чашке из тончайшего фарфора. “Итамар!” – обратился к командиру Алрой, - “Каковы настроения в городе? Где пребывает румский султан с войском?”

“Багдад спокоен и, мне кажется, доволен переменой. Султан и халиф обретаются у границ страны. Они в нерешительности.”

“Я так и думал. Солдаты должны расположиться лагерем за городскими стенами. Гарнизон составят десять тысяч бойцов, ежемесячно сменяющихся. Итамар, назначаю тебя губернатором города. Азриэль, тебе командовать гарнизоном. Бесценный мой Джабастер! Жду от тебя доклада о нравах столицы и горожан. Храбрый Шерира! Долгий отдых не для тебя. Готовь солдат к переправе через реку. Не думаю, что султан захочет воевать. Завтра в полдень встретимся здесь для совета. Прощайте.”

Командиры разошлись, Первосвященник задержался.

“Рискуя быть навязчивым, прошу твоего внимания, царь.”

“Милейший Джабастер, мое внимание обращено к тебе. Говори.”

“Господин, я ходатайствую за Абидана. Храбростью он превосходит многих. Я огорчен, что из-за стечения несчастных обстоятельств его заслуги не замечены.”

“Абидан? Знаю его. Доблестный воин, но... мечтатель, фантазер.”

“Он достойный сын Израиля, верность и вера его – кремень!”

“Добрейший Джабастер! Мы все достойные сыны Израиля. Однако, я не нуждаюсь в тех, кто грезит наяву. Мечтателей остерегаться следует.”

“Мечту зажигая, Бог внушает свою волю иудею.”

“Воля Его должна быть верно истолкована. Головы Абидана и иже с ним полны идей старых, ныне не применимых и не совместимых с правлением народами и странами. Власть снисходительнее к преступнику, нежели к мечтателю. Фантазии, чуждые здравомыслию, творят хаос. Одним словом, люди эти – опасны!”

“Люди эти – цвет Израиля. Царь, похоже чья-то клевета отравила слух твой.”

“Заблуждаешься, почтеннейший Джабастер, ибо мой единственный советник – это ты. Если они цвет Израиля, то цвет пустой, плодов не сулящий. Скромным воинам пристало быть средством достижения великих целей. Не мечтатели, но люди практического склада мне нужны. Взять скажем Авнера, Азриэля, Итамара, Медада. Глянь, как умело сообразуют они дела и слова свои с местом, с временем, с людьми. Оттого непобедимы. У Абидана твоего нет помысла иного, как заново отстроить Храм. Начетчик фанатичный, узколобий, не видит леса за деревьями. Подобным зодчим возведенный Храм рухнет неизбежно. Да, кстати, этот

самый Абидан сеял в лагере смуту, подбивая солдат не идти, как он выражался, в “Вавилон”. И почему? Да потому, что ему было видение!”

“Мой царь, я помню, и тебе было видение. В то время ты держался иных воззрений.”

“По-твоему, я и Абидан из одной глины слеплены? Я в этом мире стою особняком, и совпадения с другими не обязывают к сходству. Я не таков, как все вы, и даже тебе, я вижу, не постичь сего. Не желаю больше слышать об Абидане. До встречи завтра на совете.”

Первосвященник молча удалился.

“Он ушел. Наконец-то я один. Не выношу ему подобных. Их речи нарушают равновесие души. Признаться, уединенность мне милей общения. Боюсь, одиночество – удел и стержень моей власти. Сейчас я готов думать, рассуждать, решать. Без помощи видений и чудес.”

“Скипетр царя Соломона! Теперь он принадлежит Алрою! Предание гласит, что лишь тому дано освободить народ наш, кто обладает скипетром. А завладеет сим атрибутом власти и свободы герой, предначертания судьбы которого – неизменная удача. Я избран Богом для великой цели. В ледящем сердце склепе, среди призраков царей, душа моя не дрогнула. Твердою рукой я взял и навсегда себе присвоил предмет священный. И та же рука сорвала корону с макушки беглого халифа.”

“Владенье миром – заслуженная моя награда. Отвергнуть ее ради бездумной рабской верности проповедям ретрограда-книжника? Не он, но я покорил Азию и я вписал страницу в книгу летописи времен. Сион? Неужто запустелая безлюдная страна должна умерить блеск сияющей столицы востока? Неужто Бог так слаб, что не простирает власть свою сверх земли от Иордана до Ливана, и мы должны Ему границы воздвигать? Если б такое было записано, завещано, заповедано – я б ретировался в тень безвестности. Я тоже пророк! Иначе б я не слышал голос из святая святых, из-за занавеса ковчега завета! Истинные пророчества плодят приверженцев. Багдад станет моим Сионом! Я Богом призван, и не Джабастеру, а Богу я служу! Убежден: поклонение людей Ему должно быть столь же безгранично, как сила Его. И веру эту мою не дерзнут оспорить проповедники, хоть алтари их и дымятся в Иудее!”

“Я должен видеть Хонайна. Умен, ясно и трезво мыслит. Только он поймет меня. Дух достойной власти не совместим с предубеждениями и исключительными правами. Дай волю Джабастеру, он вырежет всех мусульман. А между тем, правоверные составляют большую и нехудшую часть моих подданных. Джабастер рад опустошить империю, дабы не слышать книжников упрек, что исмаильтяне покушаются на наследие Израиля. Фанатик! Отправлю его покорять Иудею. Нам нужно изобрести сходный способ приобщения побежденных к плодам победы. Румский султан! И храбр и нагл. Увез гарем! Жаль, что не Авнер противостоял ему. Хоть и не люблю я переговоры, но с султаном без этого не обойтись. Как жаль, что нет Хонайна под рукой – это миссия для него. Он необходим сейчас. Но можно ли доверять ему во всем? Разные мысли роятся в голове. Куда ведет эта дверь? Знакомая галерея. Здесь нет никого. Царь без охраны. Дисциплина во дворце слаба. А в этом зале что? Вспоминаю, здесь развешена одежда. Я переоденусь. Меч – в сторону, он славно послужил мне, пусть отдохнет. Вот мантия, соболем подбитая. Вот обувь – бархат и рубины. Шелковый кушак. Засуну за него кинжал на всякий случай. Гляну в зеркало. На кого я, безбородый, похож? На евнуха или на владыку мира?”

Раннее утро. Тигр тих, необитаем. По воде скользит одинокая лодка. Один гребец на веслах. На высоком берегу дом. От него к воде ведет крытый арочный спуск. Лодка причалила. Шторы поднялись. Показался единственный пассажир. Он сошел на берег, поднялся по ступеням.

Человек освободил золотой засов, прошел сквозь галерею, вступил в роскошный зал, отделанный белым и зеленым мрамором, уселся на кушетку возле порфирной чаши фонтана. Двери зала отворены в сад. Послышался шепот, ясно прозвучало: “Хонайн”. Из сада навстречу гостю шла женщина, длинная вуаль покрывала лицо ее и плечи.

“Хонайн!” – воскликнула женщина, - “Хонайн, твой немой прелестник вернулся!”

Неописуемой красоты юная дама бесцеремонно разглядывала нежданного гостя. Они стояли двое, мужчина и женщина, впились друг в друга глазами, молчали. Вошел третий. Шаги легкие, осторожные, в руках лампа.

“Алрой! – вскричал изумленный Хонайн, и лампа выскользнула из рук.

“Алрой!?” – повторила красавица, и щеки ее побледнели, и она для верности прислонилась к колонне.

“Дочь халифа!” – воскликнул царь Израиля, преклонил колена и осторожно взял ее за руку, - “Я действительно тот самый Алрой, кому судьба назначила властвовать над великой империей. Но прекрасной принцессе Ширин нет причин бояться того, кто ценит выше военных побед знак ее доброты!” При этих словах он разжал ладонь, на которой лежали жемчужные четки, памятка первой встречи, и вернул их принцессе.

Принцесса взглянула на четки, закрыла лицо руками.

“Мой дорогой Хонайн!” – сказал Алрой, - “Я не забываю добра, и мой приход сюда – доказательство сему. Я здесь затем, чтобы исполнить любое твоё желание, что в пределах моих сил.”

“Господин мой!” – ответил Хонайн, уже смиливший волнение, нечастое в его душе, и преодолевший еще более редкое удивление, - “Господин мой, дело мое простое. Пред тобою дочь халифа. Встреча с ней здесь и сейчас неизбежно откроет тебе ее помыслы и тайны. Принцесса Ширин намеревалась воспользоваться недавним катаклизмом, чтобы скрыться от ненавистной обыденщины, а также избежать грозившей ей судьбы. За счастьем бегут далеко, бегут от самих себя. Я единственный ее советчик и союзник, боюсь не слишком сильный и успешный. Мое предводительство над депутацией к тебе, которого потребовали горожане, остановило на время наше бегство. Возможно, со вступлением твоей армии в Багдад нам безопаснее оставаться здесь. Принцесса стала добровольной пленницей в моем доме. Я при ней, но город думает, что я в отъезде. Сегодня на рассвете она ускользнула из под моего не слишком бдительного ока, дабы узнать, какими слухами полнится Багдад. Таково наше положение. Мы в твоей власти и просим покровительства.”

“Мудрый Хонайн! Нам следует обсудить важные дела. Сейчас я удалюсь, чтобы не быть помехой. Завтра в этот час я вновь прибуду. Ты поведаешь мне желания Ширин. Пусть то будет охрана, ежели она задумала бежать в другие края, или, скажем, пожалование

провинции для правления, или дворца для житья – я рад служить. Теперь прощай, принцесса. До завтра, Хонайн.”

8.3

“Хмурым было царское чело”, - сказал Итамар Азриэлю, когда они вышли с совета.

“Несметно мыслей и забот. Огромен груз. Диво, как человек выносит.”

“Накануне боя он был спокоен, даже весел, хоть ожидал его день суровее сегодняшнего несравненно. Заметил, как он распекал Джабастера?”

“Откровенно, без обиняков! Несгибаемый Первосвященник согнулся под тяжестью упреков. Царь владел собой, но заметно было, что раздражен, и перо дрожало в гневной руке, подписывающей указ. Я не видал человека бледнее.”

“Или мрачнее. Я думаю, Азриэль, железный Первосвященник нас не любит.”

“Лишь сейчас тебе открылся сей секрет? Мы не его питомника питомцы. И, по чести говоря, Алрой – тоже. Я рад, что царь непреклонен и не допускает Абидана в совет. Он стал бы Джабастеру опорой.”

“Несомненно. Абидан его эхо. Что ты думаешь о Шерире?”

“Я бы не доверял ему вполне. Покуда идет война, он лишь ею занят. Однако, ты увидишь, Итамар, стихнут бури, и он примкнет к Джабастеру. С нами Медад, и он должен занять место в совете.”

“И заслуженно. Однако, Азриэль, хотел бы я, чтоб брат твой Авнер был здесь. Вот кто уравновесил бы Джабастера. Алрой любит Авнера. Верно ли, что он женится на госпоже Мирьям?”

“Того хочет царь, и то была бы прекрасная партия для брата.”

“Есть невозможное для нас? Весь мир у наших ног. Хотел бы я знать, кто станет наместником Сирии?”

“Сначала завоюем ее! Им не станет Шерира, он никогда не получит большую власть. Это будешь ты, Итамар, или я. Хотя мне более по вкусу нынешняя служба.”

“Командир гарнизона Багдада – прекрасный пост, Азриэль!”

“Если соединить его с твоим губернаторством.”

“Справедливо. Помоги мне добыть Сирию, и будешь смело претендовать на соединение двух должностей.”

“Согласен. Джабастера та же честь ждет в Иудее. Я думаю, Первосвященник – он, как главный визирь, первый советник царя.”

“Похоже, Алрой сам себе советник.”

“Я не уверен, что Алрой пошлет Джабастера завоевывать Иудею. Скорее захочет сам возглавить кампанию. Наш знаток каббалы – неважный полководец.”

“Никудышный. Алрой будет рад оставить Первосвященника в Багдаде. Да и султан Рума – твердый орех.”

“Пожалуй. Однако, как ловко он сбежал!”

“Ты, Азриэль, верно никогда не забудешь, как во главе Стражей короны атаковал его!”

“Такое и забыть? Я чуть не смял Джабастера!”

“Жаль, что только чуть!”

“Боюсь, мы увлеклись. Кабы люди знали, что ближние говорят за их спиной, на свете не осталось бы друзей.”

8.4

Трепетных сумерек час наступает. В стенах своих одинокая дева тоскует, томится вздыхает. Соловиным трелям навстречу, спящая роза, воскресни! Пташка залетит нежно, роза и дева слушают песню.

Воздух тревожен, прозрачен. Первая в небе возшла звезда, и шпиль кипариса мрачен. Ни птица поющая, ни роза в саду, ни кипарис, ни звезда не видят, не слышат, не знают, как в стенах своих одинокая дева тоскует, томится, вздыхает.

Тревожный прозрачный воздух выманил дочь халифа из стен ее. Лютня в руках. Она села поближе к фонтану, видит бесконечные струи, щека облокотилась на руку. Сколь прекрасен, столь печален девы лик. Встрепенулась: это теплые губы газели прижались к щеке. Белоснежная любимица томно глядит на хозяйку, красноречивыми глазами вопрошает, отчего грустит молодая.

“Милая газель, подай надежду”, - прошептала принцесса, - “Как пух лебединый губы твои мягки, но жаром любви обжигают. Подай надежду, милая газель!”

“Милая газель, подай надежду”, - прошептала принцесса, - “Как звезды в ночи глаза твои тихи, но жаром любви обжигают. Подай надежду, милая газель!”

Она приготовила лютню, тронула пальцами струны, взглянула на небо, к музе взывая, запела:

“Он затмил красотой летний рассвет
В небе родимом востока.
Славы душа вожделеет, побед,
В устах красноречье пророка.

Сердце ночью томилось тоской,
Солнце взошло, сменившее ночь.
Чудо явил ты, царь и герой,
Надежда со мною, уныние – прочь!

Он затмил красотой летний рассвет
В небе родимом востока.
Славы душа вожделеет, побед,
В устах красноречье пророка.”

“Еще раз, еще раз! Пропой еще раз!”

Принцесса вздрогнула, оглянулась. Рядом стоял Алрой. Она встала, невольно хотела отступить на шаг, он удержал ее.

“Прекрасная принцесса”, - сказал Алрой, - “надеюсь, мое присутствие не повредит ни музыке, ни красоте.”

“Господин, не сомневаюсь, Хонайн ждет тебя. Пойду позову.”

“Принцесса, не с Хонайном я хочу говорить сейчас.”

Лицо его было бледно, сердце стучало.

“Вновь этот сад”, - вымолвил он, - “но память хитрит со мной, словно то было в жизни другой.”

“Не вини память: мы в жизни другой. Мы сами, и мир наш, и мысли и чувства – все иное. И воздухом дышим иным.”

“Неужто столь велика перемена?”

“Велика и прекрасна. Молюсь, чтоб не было других перемен.”

“Это свято, как ты сама!”

“Ты любезнейший из покорителей!”

“Я только им кажусь. Сейчас я больший раб, чем тот, кто кланялся тебе рабом при первой встрече.”

“Знак ее мы оба не забыли. Вот четки.”

“Вновь подари их мне, Ширин. Как талисман они меня хранили от беды. В бою я их держал у сердца.”

Принцесса вернула ему дорогой предмет. Алрой удержал ее руку, опустился на колени.

“О, прекрасная! О, бесконечно прекрасная!” – воскликнул царь Израильский, - “Ты – мечта жизни моей! Не прельщаю тебя ни царством ни богатством – материя это, и не внове тебе. Прими даяние духовное, горячее сердце того, кто не уступал ни прелести женской, ни силе

мужчины. Преданность и любовь мою возьми. Боготворю тебя, прекрасная Ширин, боготворю!”

“Раз увидев, я горячо и безоглядно полюбил тебя, и образ твой вошел мне в сердце и поселился рядом с любовью к народу моему, не потеснив ее. В ту пору я за измену почитал мысль о примирении с верой чужой. Но вот насытился я мезтью за вековые муки предков, собрал иудеев воедино, вернул величие народу, пролил реки крови, свергнув, завоевал, победил, восторжествовал. И теперь кричит сердце, что слаще и важнее всех свершений вместе взятых, твой образ чудный, что оно хранит.”

“О, Ширин! Душа моя, жизнь моя! Скажи “Да” вожделеющему взаимности! Клянусь, уберегу от зла обычаи племени твоего и не дам в обиду веру отцов твоих. Великому царю Соломону подарила красу свою темнолицая дочь Нила. Сделай меня счастливее его, ведь лик дочери Тигра светел и затмевает солнце. Я не Соломон и книги мудрости не сочинил. Но если прекрасная Ширин разделит со мною трон, то, вдохновленный, впишу в наши анналы деяния великие, в сравнении с которыми книги древнего монарха покажутся скучной небылицей!”

Он замолчал. Принцесса, слушавшая с опущенными глазами, подняла голову и, не сдержав чувств, опустила ее на грудь царю Израиля. “О, Алрой!” – воскликнула Ширин, - “Я живу в пустоте. Большой город – большое одиночество. У меня нет веры, нет родины, нет жизни. Все это – ты!”

8.5

“Царь опаздывает сегодня.”

“Не курьер ли из Хамадана задерживает его, Азриэль?”

“Не думаю, Итамар. У меня есть письмо от Авнера. Брат пишет, что в Хамадане спокойно.”

“Прождали больше часа. Когда ты выступаешь, Шерира?”

“Армия готова. Я жду приказа. Надеюсь, сегодня на утреннем совете получить его.”

“Сегодняшний совет посвящен гражданским делам столицы”, - заметил Первосвященник.

“Пожалуй, так”, - сказал Азриэль, - “твой доклад готов, Джабастер?”

“Вот он”, - ответил Первосвященник, - “Еврейские законотворцы думают над законами, но не над исполнением их, хотя им дарован свыше неподвластный времени образец. Лишь в рабстве у законов обретем свободу.”

Итамар и Азриэль многозначительно переглянулись. Лицо Шериры оставалось непроницаемым. Краткое молчание нарушил Азриэль.

“Весьма удобен для жизни Багдад. Я еще не бывал в твоих апартаментах, Джабастер. Ты доволен ими?”

“Вполне. Надеюсь, однако, мы здесь долго не задержимся. Главная цель еще ждет нас.”

“Далеко отсюда до Святого города?” – поинтересовался Шерира.

“Месячный марш”, - ответил Джабастер.

“Чего там можно ожидать?” – спросил Итамар.

“Не исключено столкновение с христианами”, - заметил Азриэль.

“Скажи, Джабастер, как велик Иерусалим”, - спросил Итамар, - “Я слышал, что размерами он не превосходит местный караван-сарай. Верно это?”

“Да, былая слава миновала”, - ответил Первосвященник, - “Но нет в сердце отчаяния – коли кирпичи порушены, заместим их камнями тесаными! Как прежде засияет Сион, возведем дворцы, насадим сады!”

Зазвучали фанфары, отворились ворота, вошел царь, а с ним – посланник Багдада.

“Доблестные командиры!” – обратился Алрой к удивленным членам совета, - “Позвольте представить вам человека, который пользуется моим доверием наравне с вами. Джабастер, взгляни на брата!”

“Хонайн! Так это ты, Хонайн!” – вскричал Первосвященник, вскочив со своего места, - “Тысячу гонцов я посылал за тобой!” Изумленный, с горящим лицом, Джабастер обнял брата. Охваченный волнением, положил голову на плечо его.

“Владыка, прости Джабастера за то, что предавшись чувствам, он отвлекся от забот о благоденствии твоём”, - вымолвил Хонайн.

“Братская любовь к тебе, Хонайн, несомненно говорит в пользу заботы его о моем благоденствии. Джабастер – опора империи!” – торжественно произнес Алрой, взял Первосвященника за руку, усадил справа от себя. “Шерира, ты выступаешь вечером.”

Суровый командир молча поклонился.

“Что это?” – спросил Алрой, приняв от Джабастера свиток, - “А, твой доклад. Посмотрим. “Колена Израилевы”, “Служба левитов”, “Знатные из народов”, “Старейшины Израиля”! Джабастер, дорогой! Придет день и для этого. Что нынче нам пристало? Блюсти умеренность, стеречь права имущества и правосудие законно отправлять. И не более того. Я слышал, банда грабителей опустошила мечеть. Верно это?”

“Царь, об этом я хотел говорить с тобой. То не грабители, а люди честные, но чересчур усердные. Ведь записано у нас, что, покоривши народы, мы обязаны разбить их атрибуты служения богам чужим, где б ни находились все эти жертвенники и алтари – хоть на горе, хоть на холме, хоть под деревом зеленым. И мы должны...”

“Джабастер, здесь синагога? Где я нахожусь, на совете доблестных полководцев или в собрании сонных талмудистов? Тысячу книжных лет мы тешились притчами, но следовать им – робели. Разве силой изречений мы покорили города и Тигр перешли? Мудрый и мужественный Джабастер! Ты горазд на вещи поважнее. Прошу, деяния будущего предоставь будущему. Теперь ответь, грабители в тюрьме?”

“Были в тюрьме. Я их освободил.”

“Освободил!? Повесь их! Повесь на лобном месте! Иначе не превратит нам мусульман в благонадежных подданных. Джабастер, высоко чтит тебя народ Израиля, и нет никого умней и просвещеннее тебя. Помню и благословляю наши былые бдения над книгами, но полагаю, что мудрость ту не приложить к правлению империей.”

“Владыка! Да разве законы Моисея неприложимы к правлению империей? Древность законов есть доказательство их истинности!”

“Древние законы требуют приспособления к новым временам! Почему следуют стародавним законам обычаям и взглядам? Потому что они здравы? Нет, в силу косности ума!”

“Богом данное и изменять?”

“Всесильное время меняет человека, вершину творения, так отчего оно не властно над законами? Джабастер, наша миссия – возродить царство Израильское, и мы властны сами средства выбирать. Азриэль, какие новости у Медада?”

“Спокойствие меж Тигром и Евфратом. Предлагаю дать отдых уставшим воинам, что несут охрану вне стен Багдада. Думаю, Абидан со своими бойцами может заменить их.”

“Прекрасная мысль. Абидана следует держать подальше от города. Бьюсь об заклад, ограбление мечети – дело рук его молодчиков. Нам необходимо публично осудить сей прискорбный случай. Джабастер, обсудим это наедине. Сейчас мы с Хонайном удалимся. Шерира, прошу, перед маршем поужинай со мной.”

8.6

“Мне нужно видеть царя!”

“О, великий Первосвященник, это невозможно. Царь удалился на покой.”

“Мне необходимо видеть царя. Почтенный Фарез, ответственность я принимаю на себя.”

“Этого никак нельзя. Приказ царя для меня закон!”

“Ты отдаешь отчет себе, кому перечишь?”

“Вполне: высшему авторитету для набожных иудеев.”

“Повторяю, мне нужно видеть царя!”

“Увы, я не вправе пропустить тебя, Джабастер!”

“Не к лицу мне упрашивать слугу. Прочь с дороги!”

“Повторяю – нет и нет! Я исполняю долг!”

“Я Богом помазан! Ты заплатишь мне, пес!”

Джабастер силой отеснил Фареза и спешно прошел в царский покой.

“В чем дело, Джабастер? Ты одолел Фареза?” – воскликнул Алрой, шагнув навстречу Первосвященнику, - “бунтует Багдад?”

“Много хуже: Израиль! К этому идет!”

“Неужто?”

“Мой роковой брат открыл мне твои намерения. Я не могу уснуть, я возвышаю голос, чтобы спасти тебя!”

“Мне грозит опасность?”

“Да еще какая! Кабы ты был один в пустыне, и земля дрожала бы и уходила из под ног твоих, и небо разверзлось над головой потоком огня – все бы тише была гроза над тобой. Есть в мире Некто, не забывающий, обороняющий любимое дитя. Он вывел тебя из дома рабства, озарил твой путь светом триумфа, и, наконец, поставил тебя над Своим народом, над избранным народом! Зачем же отвернул ты сердце свое от Него, зачем возжелал чужого и запретного?”

Луна освещала две фигуры. Руки Первосвященника патетически воздеты к небу, руки царя умиротворенно сложены на груди. “Ты говоришь о женитьбе?” – спросил Алрой.

“Я говорю обо всем, что губит тебя.”

“Выслушай меня, Джабастер”, - ровным и твердым голосом произнес Алрой, - “Я обращаюсь к тебе равно как к другу и учителю. Всеведающий Господь счел меня достойным великой миссии. Не без основания Его выбор пал на меня. Царственное происхождение мое, разумение святых законов, страха не ведающий алмазно-твердый дух, полное сил и задора тело. Вот фундамент башни притязаний моих. Камни в стенах ее – это содеянное мной. Я вернул достоинство древнему нашему народу. Вновь алтари святые дымятся. Священники наши – ты пример сего – в почете у людей. Единственность и всемогущество Бога провозглашаются повсюду. Этого мало?”

“Мало! Это далеко не все, а я хочу всего!”

“О, жестоковыйный народ наш!”

“Прости мою горячность, царь! Сердце не терпит. Спроси меня, в чем состоит желание мое. Я отвечу – чтоб всем иудеям быть народом единым и господами самим себе. Спроси меня, к чему стремлюсь. Я отвечу – вернуться в Землю обетованную. Спроси меня, чего я хочу. Я отвечу – отвоевать Иерусалим. Спроси меня, о чем мечтаю. Я отвечу – возвести новый Храм. И все, что отвечу я – то отклик тысячелетней тоски. Веру сохранить, не поступиться завещанной землей, вернуться к обычаям древним и нравам простым и честным.”

“Жизнь меняет обычаи, время диктует нравы. Жить просто и честно можно в любом краю. Вера? Первосвященника мантия твоя – подтверждение крепости веры нашей. Страна? Тигр не мельче иерусалимского Шило, а Евфрат полноводнее Иордана.”

“В дни славного своего расцвета обособленно жил Израиль, и на радость Богу держался закона избранный народ. Все было весома, значительно, чисто и свято в прошлом его. Чуждого чурались, запретным не осквернялись. Несчастливцев и жалкий бедняк – и тот гордо

почитал себя выше духом царя иноземного. Я надеялся, ты принес возрождение. Вот, пробудился от обманного сна.”

“Браво, Джабастер! Отрешимся от снов, станем действовать! Кабы сейчас я разрешил себе предаваться сладким мечтам, как когда-то в Хамадане или в нашей с тобой пещере в горах, то слишком скоро услышал бы за окном грозный стук копыт конницы румского султана.” Желая сбить Первосвященника на легкий лад, Алрой изобразил улыбку на лице, но мрачная физиономия Джабастера уничтожила ее.

“Сердце мое растерзано, через силу говорю. Память выплескивает былые надежды. Царь мой, ученик мой!” – вскричал Джабастер, опустился на колени перед Алроем, вцепился в край его одежды. “Ради царский корней твоих, ради горячей юности твоей, ради мук и побед твоих, наконец, ради Господа, избравшего народ наш и тебя поставившего над ним, - очнись и восстань на себя самого! Вспомни коварство Далилы, предавшей Самсона в руки врага! Боюсь за тебя, ибо ты не тот, кто проходит лишь полпути. Ступив на опушку леса, увлекшись красивым видом, незаметно углубишься в чащу, и черная адская глушь обступит тебя, и не будет спасения!”

“Ты пугаешь меня мирскими соблазнами. Но разве земная сила одолеет силу Небесную, направляющую меня по пути Господа?”

“Царь мой! Следуй прямой, как стрела, воле Небес, что слышал народ наш на горе Синай, принимая заповеди, и не сделаешь ложного шага. Ни неги и ни богатство, ни власть и ни месть не станут маяками избраннику. Предание наше гласит, что лишь тот удостоится великой миссии, кто владеет скипетром Соломона и зоркостью его наделен. Только в руках мудреца скипетр есть атрибут власти, а не резная деревяшка.”

“Джабастер, ты говоришь о мудрости, о зоркости. Одобряю. И докажу, что и я не лыком шит. Взглянем на женитьбу в плоскости благоразумного расчета, а не с вершины нежной страсти. Начнем с того, что я – завоеватель Азии. Доселе я не получал и, думаю, никогда не получу знак Небес оставить империю ради заброшенной провинции. Стало быть, править великим царством и есть миссия моя. Огромное достояние требует огромных сил души, и тела, и ума для сбережения его – ведь мы, евреи, лишь капля в океане мусульман. Моих сил достанет, не сомневаюсь. Но если дети мои не унаследуют могучий дух отца? Вот тут-то выручит порода! Правoverные куда терпимее отнесутся к моим потомкам, как примут во внимание, что дочь халифа произвела на свет их. Как видишь, Джабастер, и я не лишен капли трезвого рассудка. Скрывать и изображать чувства – задача не простая, дорогой учитель!”

“Вредит репутации владыки путать мудрость с хитростью. Ты избираешь пагубный путь Иоханана, сына Карея, что ради Египта покинул родину и поплатился за непослушание Господу. Бог благословил Иудею. Это Его земля. Ему угодно, чтоб на Его земле Его народ жил и Ему поклонялся. Всевышний выделил нас среди народов, дав нам особенные заповеди. Их соблюдения вполне достигнем лишь живя отдельно и на завещанной земле. Что делать нам в Багдаде? Ведь с чужаками мы не можем ни молиться, ни есть, ни пить, не нарушая законы наши. Несовместимого не совместить. Нельзя слиться с народами, и притом остаться самими собой. Ты будешь царем в Вавилоне, но перестанешь быть иудеем!”

“Я буду тем, кем буду. Я поклоняюсь Богу всемогущему. Я надеюсь, Он, милосердный, позволит мне в счет моих побед послабление в наших многосложных и педантских ритуалах.”

“Давид Алрой стал тем, кто он есть, воспитуясь в среде многосложных и педантских ритуалов. Давид Алрой преуспеет, и потомки его унаследуют империю. Быстро растет и пышно цветет дерево у воды. Но отравятся его соки ядом, и заболеет оно, и зачахнет, и уподобятся листья сухой сморщенной сливе. Увы, увы! Веками ел Израиль колючки соленые. Надежда взрастила гроздь сладкие. И не отведали их, и во рту горечь. Одно, другое, третье разочарование – и не заманишь в Храм! Давид Алрой, помнишь ли пещеру Джентезмы и звезду твою в ночи? Слишком переменялось все. Прощай, царь!”

“Стой, верный честный друг! Стой, Джабастер!”

Первосвященник обернулся.

“Не уходи в гневе, добрый Джабастер!”

“Не в гневе, но в горе, только в горе!”

“Израиль покорил Азию. Чего бояться Израилю? Все будет хорошо!”

“Все будет хорошо? Соломон возвел города в пустыне и несметно золота навез из страны Офир, но Давид Алрой родился в рабстве!”

“О, мудрый каббалист, доверься звездам! Взгляни на небо, моя звезда сияет ярко, как мои победы!” – воскликнул Алрой, открыв занавес. Царь и Первосвященник вышли на террасу. Оба смотрели на яркую звезду Давида. На мгновение ее закрыл кроваво-красный метеор, пронесшийся по небу. Изумленные, испуганные, бледные они уставились друг на друга.

“Царь!” – вскричал Первосвященник, - “не медля отправляйся в Иудею!”

“Это предвещает войну”, - пробормотал Алрой, - “и беды в Персии.”

“Ищи беды у себя, опасность близка!”

Из сада донесся скрежет. Прозвучал трижды.

“Что это?” – взволнованно крикнул Алрой, - “Подними охрану, Джабастер, пусть обыщут сад!”

“Это бесполезно и опасно. То говорил дух.”

“Что он сказал?”

“Он огласил арамейскую надпись, возникшую во время пира на стене дворца вавилонского царя Валтансара. Слова сии – предвестник гибели владыки и его владений.”

8.7

На следующий день Алрой обсуждал с Хонайном перипетии минувшей ночи. Хонайн, выслушав Алроя, обрисовал свое отношение к делу – правильное понимание вещей проистекает из знания практической их пользы. “Старая, как мир, история – Первосвященник идет наперекор царю. Я полагаю, что мой набожный брат не хочет молиться в Багдаде и рвется в Иерусалим по причине вполне земного свойства. В Персии он

глава малой секты, а в Сионе он рассчитывает собирать десятину со всего народа. Что до красного метеора, то его кровавое предвестие лучше всех истолкует султан Рума, который в минувшую ночь должен был встретиться с победоносным Шерирой. Страшный скрежет в саду? Признаюсь, мне не доводилось слышать духов. Звуки, оглушившие вас, в двух пунктах отличались от голоса из-за занавеса ковчега завета. Во-первых, они чересчур гремели, а во-вторых, были столь подозрительно невнятные, что лишь особе заинтересованной и в высшей степени находчивой под силу разобрать и истолковать их. К тому же прорицатель велик не предсказанием, а умением объяснить, почему оно не свершилось. Когда я вступлю в должность управляющего царским двором, уверяю, ни духи, ни прочие нежеланные визитеры не нарушат твой покой!”

“Скорей бери бразды правления, дорогой Хонайн! Как поживает персидская роза, сладкая моя Ширин?”

“В твое отсутствие все мысли ее только о тебе. На меня и слов не тратит.”

“Ну-ну, не умаляй своих достоинств! Я наслышан, ты любимец женщин. А я ревнив, Хонайн, ей-ей!”

“О, я не тот, кто даст тебе повод!” – кротко ответил Хонайн.

8.8

Бери жену ровню – верней не оступишься. На всю Азию возвещено о свадьбе иудейского царя и принцессы Багдада. Кипит, бурлит долина Тигра, готовится к величайшему торжеству. Целыми рощами деревья рубятся – и на новые постройки, и для топлива на потребу грядущему празднеству. Отовсюду стекаются в Багдад прощенные гости. Обе стороны представлены достойно. Званы повелители и правители, сановники и чиновники, богачи и воеводы и прочие благородные особы. И наместник царя с невестой, прекрасной принцессой Мирьям, разумеется, тоже прибывают, и тысячи сопровождающих с ними.

В центре огромного плоского пространства возвышается великолепно украшенный трон. По сторонам его стоят два других престола пониже, но роскошью ему не уступающих. Сто специально возведенных павильонов описали на равнине широчайший круг. Они украшены парчой и коврами, на крыше каждого укреплено древко, и полощатся на ветру флаги. В одних постройках расположились музыканты, в других фокусники и циркачи, в третьих сказочники занимают народ, а в большинстве из них ремесленники и торговцы выставили свой товар. Отборные фрукты разложены чудным орнаментом. Гранаты и тыквы, арбузы и апельсины, миндаль и фисташки. А вот и мясник развесил на крюках свежие туши. Тут кожевники и скорняки надели на себя маски леопардов, львов, тигров и лисиц, по углам расставили звериные чучела, а в середине красуются великолепной выделки шкуры и меха. Расхаживает по площади верблюд, искусно сделанный из дощечек, тростника, соломы, холста, веревок – совсем, как настоящий. Попона на нем приподнимается и в чреве его видно человека. Затежник этот верблюдом управляет. Некий умелец птиц наместерил. Дети бросают аисту орехи – думают живой, а взрослые смеются. Мастеровые соорудили из камыша и веток подобие минарета, стены будто кирпичной кладки, лишь муэдзина не хватает. Вот затейливо плетеные нарядные циновки, красотой не уступающие коврам. На двух знаменах чудесной вязью вышиты имена Алроя и Ширин. Всякий гость отметит, сколь искусны крестьяне и ремесленники Багдада, и как торговцы ловко преподносят плоды трудов их.

А между павильонами стоят большие столы, отягощенные яствами и напитками. Гостям прислуживают специально назначенные слуги. Кружки полны вина, и в кувшинах плещется прохладный шербет. На цветных подносах громоздятся все сладости востока. Не иссякают припасы, и чем больше люди едят и пьют, тем усерднее трудятся слуги, поднося угощение.

Чтобы радости и веселья всем досталось помногу и поровну, кричат глашатаи: ”Люди добрые! Вот время праздника и забав. Да не слышны будут жалобы, и не упрекнет один другого! Да не обидит богатый бедного, а сильный слабого! Да не спросит никто никого, чего тебе здесь надобно?”

Тысячи тысяч гостей взошли в этот рай. Танцуют и поют, шутят и дурачатся. Одни слушают, раскрывши рот, арабов-рассказчиков – сказки их очаровательные и очаровывающие. Другие растворяются в патоке строк персидского стихотворца, и воображают себе лунолицую чернобровую деву и томящегося любовью доблестного и нежного принца. Эти дивятся искусству жонглеров с берегов Ганга, а тех забавляет скоморошество шута из далекой Сирии. Своему угождая вкусу, всякий находит отраду для души. Но угождает всякому вкусу и любой душе отраден восхитительный танец алме. Стройные красавицы египтянки в воздушных одеждах грациозно движутся, сливаются со сладкозвучной музыкой, туманят мужские головы, стирают серые знаки забот с пергаментов памяти, рисуют цветные миражи счастья. Кабы излишества были вредны, сторонились бы их сильные мира.

“Я становлюсь учтивым”, - сказал курд Кислох, согласившись присоединиться к какому-то представлению.

“А я – так сама гуманность!” – воскликнул индеец Калидас. “Эй, дружище, не перечь заповедям праздника, или не слышал глашатая?” – крикнул он слуге, который нещадно колотил мальчишку, уронившего по нечаянности поднос с фарфоровой посудой.

“Не вмешивайся в чужие дела, братец!” – ответил слуга, - “лучше радуйся случаю сытно пообедать.”

“Так ты говоришь с офицером?” – вспылил Калидас, - “да я вырву твой язык, грубиян!”

“Не горюй, до свадьбы заживет!” – сказал гебр мальчишке, - “вот тебе драхма, беги прочь и веселись.”

“Чудеса”, – усмехнулся негр, - “неслыханная щедрость!”

“Славный денек, и сердце радуется”, - миролюбиво ответил гебр.

“Недурно бы перекусить”, - заметил негр.

“Принято! Вот под этим платаном. Своей компанией. Надоели чужие рожи!” – воскликнул Калидас.

“Эй, плут, ты кто таков?” – крикнул гебр.

“Я хаджи!” – гордо возвестил небезызвестный Абдалла, слуга почтенного купца Али, назначенный на этот день прислуживать гостям.

“Хаджи? Значит не еврей. Вот кем стоит быть, коль мир перевернулся. Неси-ка поживей вина!” – распорядился гебр.

“И плов!” – добавил Кислох.

“И начиненную миндалем газель!” – присовокупил Калидас.

“Да леденцов не забудь!” – напомнил негр.

“Поторопись, мусульманин, не то щекеочу тебе спину копьем!” – пригрозил гебр.

Абдалла бросился угождать честной компании. Вскоре вернулся с помощниками, нагруженными яствами и вином. Абдалла собрался уходить.

“Эй, мошенник, ты куда? Жди тут, еще понадобится нам!” – загрохотал Кислох.

“Лучше проведем время одни”, - шепнул Калидас.

“Тогда пошел прочь отсюда, пес!” – крикнул Кислох Абдалле.

Не успел слуга удалиться, как вновь был призван.

“Почему не подал ширазского вина?” – возопил Калидас.

“Плов переварен!” – загремел Кислох.

“Ты принес ягненка с фисташками вместо газели, начиненной миндалем!” – избличил слугу гебр.

“Слишком мало леденцов!” – поддержал негр.

“Все плохо!” – попытожил Кислох, - “А сейчас давай кебаб!”

Мало-помалу трапезничавшие под платаном крикуны и обжоры подобрели. Восточные деликатесы, отягощая желудки, облегчают сердца.

“Калидас, порадуй нас застольной песней”, - попросил Кислох.

“Давай, Калидас, не упрямясь”, - сказал гебр, пихнув товарища в бок.

“Согласен. Подпевайте мне!”

Застольная песня Калидаса:

Щедро в глотку лей вино,
Гонит прочь тоску оно.
Потерял любовь и дружбу?
Тут вино сослужит службу!
От кусачих бед капкана
Ключ найдешь на дне стакана.
Пей, коль есть на сердце горе,
Глядь – и горе объегорил!
Щедро в глотку лей вино,
Гонит прочь тоску оно!

“Слышите? Фанфары! Царская чета, торжественное шествие. Закругляемся с обедом!”

“Поторопимся занять места получше!”

“Кончаем пить и петь, встаем!”

Люди заторопились, потянулись к центру огромного круга, описанного павильонами. Звуки фанфар и медных тарелок. Видно, как вдали отворились городские ворота Багдада, и показалась голова свадебной процессии.

Первыми идут пятьсот девушек, одежды их белее оперенья лебедей, в волосах бутоны нежные цветов, и каждая несет в руках пальмовую ветвь.

Следом – музыканты в золотых одеждах, дуют в серебряные трубы.

За ними – пятьсот юношей в костюмах белых, как мех песцовый, у каждого корзина цветов и фруктов.

И вновь музыканты, но уже в серебряных одеждах и дуют в золотые трубы.

Шесть красавцев коней, каждого ведет под уздцы конюх-араб.

Приближенные Медада, алые плащи соболями отороченные.

Знамя Медада.

Сам Медад на вороном арабском жеребце в сопровождении трехсот воинов, все верхом на великолепных конях.

Рабы несут свадебный дар Медада – шесть сабель закаленной дамасской стали, и нет в мире оружия лучше.

Дюжина отборных коней, их ведут под уздцы анатолийские конюхи.

Приближенные Итамара, лиловые плащи горностаями отороченные.

Знамя Итамара.

Сам Итамар на белоснежном анатолийском скакуне в сопровождении шестисот воинов, все верхом на великолепных конях.

Рабы несут свадебный дар Итамара – на роскошном постаменте золотая ваза, а в нее красные рубины вправлены.

Сотня негров, в носгах продеты золотые кольца, играют на трубах, бьют в литавры.

Знамя города Багдада.

Двести мулов, покрытых шелковыми попонами со звонкими серебряными колокольчиками, везут невесте подарок жителей города – изысканные, невиданной красоты одеяния. Каждый мул сопровождает девушкой, наряженной феей, и юношей в маске неземного чудовища.

Знамя Египта.

Депутация евреев Египта, верхом на верблюдах.

Пятьдесят рабов несут подарки принцессе – яшмовую ванну и искуснейше сработанный египетский саркофаг, росписью и барельефом украшенный, стоимости баснословной.

Знамя Сирии.

Депутация евреев Иерусалима, возглавляемая самим раби Зимри. Красноречивый дар жениху и невесте – простая глиняная ваза, наполненная до краев землей Земли Обетованной. Намеки манят, остерегают, тревожат.

Знамя Хамадана.

Депутация города Хамадана, и первым идет почтенный Бостинай, коня его ведет Халев.

Дар Хамадана Давиду Алрою – чаша, в которую прежде иудеи клали золотые драхмы и подносили, как дань. Теперь она наполнена мелким песком – дабы знал царь иудейский, что желают ему дней жизни без счета, как песчинок в чаше.

Пятьдесят отборных лошадей, их ведут под уздцы конюхи – мидяне и персы.

Приближенные Авнера и Мирьям в украшенных золотом и слоновой костью кольчугах.

Знамя мидян и персов.

Два слона, на спинах их покоются роскошные паланкины, внутри которых сидят наместник и его невеста.

Подношение Алрою от Авнера – дюжина слонов, укрытых дорогими вышитыми попонами, каждого слона сопровождает вооруженный до зубов индийский воин.

Подношение Ширин от Мирьям – полсотни саженцев со знаменитых своими розами берегов реки Рокнабад, кашемировая шаль длиной полсотни футов, столь тонкая, что свернутая, помещается в рукоятку веера, легчайшая ширма из перьев огромной белой птицы рух, и, наконец, хрустальный сосуд, наполненный бальзамом божественного аромата и укупоренный пробкой с драгоценным камнем-талисманом.

Следом марширует доблестная гвардия евнухов.

Триста карликов ужасного вида, но нет в мире музыкантов лучше них.

Сто коней редкой красоты со звездами во лбу, уздечки усеяны самоцветами, родословные восходят к конюшням царя Соломона.

Приближенные Алроя и Ширин, во главе их господин Хонайн гарцует на гнедом скакуне. Одевание наездника розового цвета, розовый же тюрбан украшен переливающимся всеми красками бриллиантовым эгретом.

Двести юных пажей, за ними две тысячи разодетых слуг, мужчины и женщины, у кого шкатулка в руках, у кого ваза, у кого венок. Главный казначей с чиновниками держат над головой золотые драхмы.

Азриэль самолично несет скипетр Соломона.

Апофеоз великого шествия. Карета грандиозных размеров, голубая эмаль на стенках и крыше, золотые колеса, три четверки белоснежных лошадей впряжены в нее. В карете восседают Алрой и Ширин, герои торжества.

Тысяча Стражей короны заключают процессию.

Под восторженные крики толпы карета проследовала к центру круга. Завоеватель мира и его суженая поднялись по ступеням на возвышение, уселись на свой трон. На престоле справа разместился почтенный Бостинай. На престоле слева расположились наместник и его невеста. Придворные заполнили ближние павильоны.

Депутации преподнесли дары, их главы заверили царственную чету в безусловной верноподданной любви своей. Горожане стройно и живописно прошествовали мимо трона, ликуя, поздравляя, благословляя. Трижды прогремели трубы, и начались игры.

Тысяча всадников ворвались на всем скаку на арену. В воздухе засверкали мишени, на малых птиц похожие. Один за другим состязающиеся бойцы мечут копья, поразившему цель положен приз. Под звуки фанфар сама принцесса Ширин вручает герою награду – кому кинжал, кому четки, кому платок. Иной победитель получает подарок из рук Мирьям, а другой – от воеводы или главы депутации. Часы летят незаметно, игры в разгаре, всеобщее довольство.

“Ах, как я бы хотел сейчас остаться наедине с тобой!” – сказал Алрой невесте.

“И я тоже! Хоть так приятно видеть всю Азию у ног Алроя!”

“Скорей бы день окончился! Дай мне руку, сожму ее в своей.”

“Тише! Глянь-ка, Мирьям улыбается.”

“Любишь ли ты мою сестру, дорогая Ширин?”

“Я люблю только тебя!”

“Не будем говорить о ней, только о нас с тобой. Любимая, зайдет ли сегодня солнце, наконец?”

“Я не вижу солнце, чудесные твои глаза ослепляют меня, любимый.”

“Душа моя, страсть рвется из груди!”

“Как ты горяч!”

“Такова любовь!”

“А я от любви схожу с ума. Мне чудится, вот-вот у нас с тобой вырастут крылья, и мы улетим неведомо куда!”

“Дорогая, я должен вручить приз вон тому воину. Оторваться от тебя нелегко. Ну вот и все. Скорее дай снова руку, иначе я умру! О, что это?”

Неизвестный всадник в неспешном, покрытом дорожной пылью одеянии прорвался в центр круга. Караульным, пытавшимся остановить его, он, запыхавшись, заявил, что привез известие лично для царя. К копыту его был прикреплен свиток. В толпе разнесся слух о вести с поля боя. Слух подтвердился. Еще одна победа! Шерира принудил султана Рума просить пощады и мира. По правде говоря, вестник прибыл на рассвете, но хитроумный Хонайн задержал его на несколько часов, и донесенье с поля боя стало патетическим финалом праздника.

Счастливая прибавка к торжеству заставила расщедриться казначея, и в толпу полетели золотые драхмы – для народа. Радость кстати пришедшейся победы почти уничтожила скепсис в сердцах колеблющихся и почти убедила обе стороны, что брак сей угоден Господу, как бы ни называли его, Иегова или Аллах.

Солнце село, торжество подошло к концу. Гости и хозяева с неизменной помпезностью вернулись каждый в свои апартаменты. Вспыхнул свет на сигнальной башне и возвестил империи о новом событии: Алрой и Ширин уединились в брачных покоях. И словно по волшебству, одновременно и не сговариваясь, тысячи факелов, фонарей и ламп ответили огню на башне. Река, минареты, дома, павильоны засияли светильниками всех цветов. Костры взвились к небесам. От горизонта до горизонта озарена долина Тигра. Огонь и свет несут счастье владыки к сердцам подданных его.

Семь дней и ночей пировал и веселился народ на свадьбе иудейского царя и дочери халифа. Поколения уходили и поколения приходили. Старые передавали молодым рассказ о великом событии прошлого. Волны Тигра сохранили память на века.

Как велик, как удачлив Давид Алрой! Владыка империи и обладатель первой в мире красавицы, окружен благоденствующими подданными и сберегаем непобедимой армией, путь земной его – цепь успехов, Небо – его покровитель. Своею собственной силой завоевал судьбы наперсник все мыслимые блага мира.

Глава 9

Смерть Джабастера

9.1

Полночь. Свирепствует буря. Гром, и ветра вой. Молнии угловатыми пальцами пронзают небо, выхватывают из тьмы широкою грудью Тигра, высокими волнами шумно дышащую.

Джабастер с балкона своего дома наблюдает неистовство природы. Лицо его полно скорбного достоинства, мрачно, встревожено.

“Его бы сейчас сюда!” – воскликнул Первосвященник. “Хотя зачем? Он – кладезь дурных вестей. Да разве лучше без него? Не знаю, чего хочу. Багдад свинцовой давит тяжестью. Дух мой сломлен, темен. Нам не дано до конца быть такими, как мы есть.”

“В крови у монархов тяга к недостойным. В сей бурный час Алрой пирует, потаскунью славит красноречивыми тостами. Где тайная рука, чтоб на стене во время пира начертать предвещающие гибель грозные слова? Они ему нужны, он ослеплен, они его спасут. Я б плакал, если б мог. Грубая кожа щек моих не знает борозд от соли слез. Муки, боль и горе. Так молод он, так победителен, так Господу угоден! Отмеченный предназначеньем эпохальным, уподобился он Валтасару мерзкому!”

“Для того ли он отдал годы нежной юности уединенному учению, глубоким размышлениям, познанию священной мистической науки? Для того ли был ему голос из святая святых, что к духу его вящему взывал? Для того ли он одолел горячую пустыню и бесстрашно вступил в гробницы предков? Для того, чтоб все позабыть и бражничать с развратницей? Неужто таков конец великой миссии?”

“Ровно год тому, накануне боя, мы стояли друг против друга в его шатре. Он размышлял. Потом сказал: “Джабастер, доброй ночи!” Я твердо верил, я близок его сердцу, как он близок моему. Увы, все позади. Уж больше не услышу теплое “Джабастер, доброй ночи!” Силюсь и не могу понять, отчего перевернулся мир его. Глупею, впадаю в детство?”

“Зазорно голову склонить под властью наслаждений. Божий помазанник стал добровольным узником дальних палат дворца – убежища паскудства. Мир, им завоеванный, ему не интересен более. Египет, Сирия, Индия далекая шлют наперебой посланников преклонить колена пред великим, гордым, непобедимым Алроем. А тот с головою окунулся в терпкий, липкий рай греха, распутства, пьянства. Утопает в цветах, пьет лести мед и спит и бодрствует под звуки лютни любово-страстной. Побоку собрания совета, правление переложил на фаворитов, коими верховодит хитрый дьявол, и он, увы, мой брат.”

“Зачем я не исчезну? Куда, однако? Уйду – и нить последнюю порву, связующую его со славой прошлого и будущего надеждой. Возможно, я по слепоте не вижу простого выхода из тупика – снять мантию Первосвященника и с нею полномочия высокие? Нет, боюсь облачение святое не придется впору никому другому.”

“Он не присутствует на жертвоприношениях, пренебрегает ритуалами, даже священная суббота не помеха неправедной гульбе. Хонайн сказал ей, что я противник брака их. Она возненавидела меня всей силой сердца своего. Страсть мужская распылена на много целей, страсть женская имеет цель одну. Женщины любовь опасна, гибельна ненависть ее.”

“О, кажется я вижу лодку. В такую ночь! Не перевелись отчаянные храбрецы!”

Трепещет огонек на реке. Джабастер смотрит во все глаза, как челн борется с водой. Молния осветила одинокую фигуру гребца. Вновь тьма. Ветер быстро стих, угомонились волны, слышны всплески весел. Маленькое судно причалило к берегу.

Стук в ворота.

“Кто стучит?” – спросил Джабастер.

“Израиля верный друг.”

“Узнаю твой голос, Абидан. Ты один?”

“Пророчица Эстер со мной.”

“Я отворю. Отведи лодку под навес.”

Джабастер спустился вниз, вернулся с двумя гостями. Юная пророчица Эстер, и с ней попугайчик – коренастый, крепкого сложения мужчина. Тяжелый подбородок, красивый высокий лоб, глубоко посаженные глаза, что редко встретишь на востоке, грустный взгляд.

“Суровая ночь”, - сказал Джабастер.

“Для тех, кто чересчур изнежен,” – ответил Абидан. “Я не избалован солнцем и бури почти не замечаю”.

“Какие новости?”

“Горе, горе, горе!” – воскликнула Эстер.

“Сетуешь, как всегда. Горе – самое стойкое из наших чувств. Настанет ли день перемен?”

“Горе – учитель мудрых. Горе, горе, невыразимое!”

“А ты что скажешь, Абидан?”

“Все хорошо.”

“И впрямь? Насколько хорошо?”

“Настолько, насколько возможно.”

“Ты лаконичен.”

“Многословие чревато.”

“Дружище, должно быть ты обретался при дворе, и службой научился взвешивать слова?”

“Боюсь, всех нас ждет будущность придворных, хоть нам положена награда другого рода. Я кровь проливал за достижение не этой, но высокой цели, тем паче велики твои заслуги. Но мы в Багдаде. Прекрасный город, спору нет. Хотел бы я, чтоб Небеса пролили на него огонь и серу, как на Содом!”

“Мрачной шуткой ты намекаешь на дурную весть, что у тебя на языке. Говори, я к худшему готов.”

“Получай сполна, Джабастер! Алрой провозгласил себя халифом. Авнер отныне султан Персии. Азриэль, Итамар, Медад и другие воеводы произведены в визири, а главный визирь – Хонайн. Четверо мусульман приведены к присяге и включены в совет. Все это мне известно от Залмуны, родича моего. И, наконец, я слышал, в пятницу принцесса с великой pompой отправится в мечеть в сопровождении твоего ученика. Тебе довольно новостей?”

“Отказываюсь верить! Он пойдет в мечеть? Не возможно! Над тобою подшутили, Абидан!”

“Допустим. Хоть это слух, но без огня нет дыма. Однако, вести, что Залмуна принес, верны. Он был среди пирующих.”

“Пойти к нему и говорить с ним? Сказать одно лишь слово “Мечеть”. Быть может, услышав, ужаснется помазанник божий? Проклятая моавитянка! Пойду и правду швырну ему в лицо!”

“Иди, Джабастер, лучше тебя никто его не знает. Ты смел был с ним перед женитьбой.”

“Смел да не умел. Он женился. Хитрый Хонайн жмет на рычаги. Долго я берег кольцо, знак братских уз. Не кольцо, кинжал бы мне, чтоб узы эти разрубить!”

“Кинжалы есть у всех, Джабастер. Осталось набраться духу применить их”, - заметил Абидан.

“Представь, мы не видались с братом два десятка лет. Мы встретились на заседании совета. Обнялись. Он поспешил освободиться из объятий. Стыдился, верно.”

“Хонайн философ здравомыслия, выгоды и пользы. Неписаное учение его помогает сбросить ярмо веры, такой упрямой и несговорчивой.” – сказал Абидан.

“В весть о мечети я не верю. Убежден ли ты, что новости Залмуны точны? Ведь они ужасны!”

“Залмуна был на пиру. Брат Хасана Субы сидел с ним рядом.”

“Брат Субы? Он введен в совет?”

“Да, и не только он.”

“Где иудеи сейчас?”

“Полагаю, скромно сидят в шатрах.”

“Горе, горе невыразимое!” – вновь подала голос пророчица.

Джабастер взволнованно расхаживал по балкону. Остановился напротив Абидана, взял его за руку, пристально взглянул в глаза. “Я знаю, что у тебя на уме!” – воскликнул Первосвященник, - “Этого допустить нельзя. Пусть душа моя свободна от былых химер. Вся жизнь моя теперь – Израиль. Нет у меня ни брата, ни друга, ни ученика, и, боюсь, спасителя уж нет. Но допустить сего нельзя. Не заблуждайся, однако, не совесть удерживает руку. Мое сердце не мягче твоего и...”

“И что же удерживает руку?” – перебил Абидан.

“Его лишившись, мы сами пропадем. Он – последний побег на дереве священном, и нет никого другого в мире, кто может наш скипетр держать!”

“Наш скипетр? Что это значит?”

“Царский скипетр.”

“Царский?”

“Да, царский! Вдруг ты помрачнел, Абидан!”

“Что делать властителю умов, когда жестоковыйный народ неистово желает поставить над собой царя? Кричать “Господи, дай нам владыку!” и истово молиться? О, Джабастер, досточтимый и великий! Стань новым пророком Самуилом легкомысленному племени иудейскому! Всенародные заблуждение и слепота ведут царя на трон. Разве плохи были времена до пришествия царей? Разве цари покорили Канаан? Моисей, Аарон, Йеошуа бен Нун царями были? Разве царским мечом разил врага судья и воин Гидеон? Царем ли был священный Джафта, исполнивший, не дрогнув, клятву страшную? Царское ли чело украшали кудри могучего Самсона? “Царь” – не более, чем слово, изначально невесомое, как воздух, и лишь деяниями подданных обретающее вес.”

“Избранничество даровано свыше всем иудеям без разбора, и разве может некто, пусть даже царь, нарушить равенство? Кровь его краснее нашей? Все мы – семя Авраама-праотца. Мне не приходилось слышать, будто Саул или Давид другого ствола ветви. Оба сроду не отличались достоинствами, что приписали им. Их подвиги и мудрость принадлежат другим. Касательно потомков их, разве добродетели, как дом и виноградник, передаются по наследству? Праведный Джабастер, ты лишь однажды в жизни согрешил, собственноручно водрузив корону на голову надменного юнца. Подвиги его тобой вдохновлены. И вот, он царь, а ты – Израиля душа и совесть, достойный сана судьи и предводителя, прозябаешь в бесславии и праздности. А наш малопочтенный Синедрион населили враждебные аммонитяне!”

“Ты заглянул в мою больную душу, Абидан! Уж давным-давно мысли сии пребывают в мозгу моем. От раза к разу всходят семена, но убиваю суховеем благочестия зеленые ростки.”

“Дай расцвести побегам. Пусть заслонят лучи горячего и бесполезного светила, что ослепляет, лишает цели, мужества и сил!”

“Радость, радость, невыразимая радость!”

“Что скажешь, Джабастер? Эстер мотив сменила! А ведь она не слышит нас! Истинность слов моих путем небесным к ней сошла. И не диво – ведь пророчица она. Дай руку мне, Джабастер! Сердце твое открыто чаяниям Израиля. Ты должен стать судьей и вождем народным!”

“Вернуться к древней теократии? По-твоему, мне надлежит к власти над душами людей присоединить власть над людьми? Покорение мира – забава для молодых.”

“Скажи одно лишь слово, Джабастер, и все свершится. Бессчетно верных сердец среди Израиля. Паства твоя замечает обиды, нанесенные тебе, и скорбит о них. Обожаемый Первосвященник, ты самозабвенной службою напоминаешь народу о славном времени великих Судей. Одно лишь слово, Джабастер, довольно и венценосной головы кивка. Впрочем, сомкну уста. Я, кажется, даю непрошенный совет тому, кто вовсе не нуждается в подсказках, и чьи ум и сердце есть вершина благородства. Ты молчишь, и это знак незрелости мгновенья. Однако знай, как только мудрость твоя решит, что время дел пришло, верный тебе Израиль стряхнет оцепенение с ресниц.”

“Мусульмане в совете! А дальше что? Всевластие Израиля конец! Возможно, созрело мгновение, мой Абидан?”

“Скажи слово, Джабастер! Двенадцать тысяч копий оборонят ковчег – я за своих людей ручаюсь! Однолюб Шерира не приемлет уступки мусульманам. Лишь слово, и армия сирийская его вступит под наше знамя, на коем вышит молодой лев Иудеи. Умрут тиран и лизоблюды, а прочие, дав клятву верности, вместе с нами покинут Вавилон и двинутся навстречу Сиону и судьбе.”

“Сион – его юности мечта!” – отрешенно промолвил Джабастер.

“Ты размышляешь вслух иль говоришь с собою?”

“Царь или не царь, но нежный отрок сей – божий помазанник. Рукою, что я лил елей на священное чело, я должен убить? Козленка, что Господь себе избрал, я по произволу собственному сварю в молоке матери его? Есть преступленье хуже?”

“Голос его едва слышен, он удручен”, - пробормотал Абидан, - “слов твоих не разобрал, Джабастер.”

“Я и впрямь предался своим мыслям, о, честный и верный Абидан. Боюсь, мы с тобою бредили в горячке. Решение оставим до рассвета, пусть свежестью своею жар наш охладит. Пылкость в преклонные года граничит с глупостью. Утро мудрее ночи, а горячность губительнее бездействия. Лучше станем уповать на Бога: захочет Он – и повернет Алроя к истине лицом.”

“Первосвященник, прежде твои душа и вера были равно неколебимы и тверды, теперь же...”

“Прошу, воздержись от поучений и упреков, любезный Абидан. Огонь горит в груди, а искры летят изо рта. Есть нечто в моем старом сердце, что не вместится в молодом твоём. Прими это на веру. Сейчас я ненадолго в келью удалюсь. Мне слышен зов Израиля, я должен быть на месте. Постой, не собирайся в путь. Вновь не подвергай пророчицу испытанию водой и тьмой. Я скоро вернусь.”

Джабастер покинул балкон, зашел в келью, закрыл за собою дверь. Расстегнутые и раскрытые древние фолианты на диване. Медный каббалистический стол. Джабастер воздел руки к небу. Неопишное мученье на лице.

“К чему пришли мы?” – простонал Первосвященник, - “К чему пришли мы? Что я слушал давеча и почти готов был совершить? Прочь, дьявол искуситель! О, слава! Победы и надежды! Во что осталось верить, и что осталось свято? Тяжко пережить разочарование, нестерпимо нести этот короб вечно. Зачем мне жизнь? Бог великий, пошли скорее смерть! Непосильны муки бытия!”

Он бросился на диван, лицо зарыл в подушки. Сердце гулко стучало. Могучий телом, необъятный душою, терзаемый страданьем человек лежал ничком молча, недвижимо.

“Шум пиршества золожил мне уши. Хочу один остаться.”

“Со мной?”

“Ты есть я. И нет у меня жизни иной.”

“Светик ясный, да ведь ты халиф!”

“Я все, что ты захочешь, душа моя! Победы и слава, власть и роскошь – словно самоцветы с изьяном не велики ценой и меркнут в сиянии беспорочного алмаза улыбки твоей!”

“Сладкоголосый соловей мой, сегодня что у нас? Охота?”

“Ах, роза алая, я б век не покидал дворцовые палаты и все бы любовался на красу твою – глаз не насытитесь!”

“А я бы поплыла с тобой под парусами по озеру, холодному и голубому, и пусть бы лебеди сопровождали нас.”

“Нет озера голубее глаз твоих, нет лебедя белее рук твоих!”

“Как хорошо и в поле и в лесу! Соколы взмоют в небо и принесут фазанов к ногам нашим.”

“Я – золотой фазан у ног твоих, какие еще надобны тебе трофеи?”

“Помнишь ли, Алрой, как появился здесь впервые юный красавец-немой? Руки сложены на груди, глаза потуплены. Их быстрые горячие взгляды украдкой зажигали мне лицо. Ты был пуглив, как птичка. Ушел, а я плакала.”

“Неужто плакала?”

“Клянусь!”

“Повтори, Ширин, волнующие эти слова!”

“Я плакала.”

“Слезы эти хранил бы в хрустальной вазе. Полцарства отдал бы за сей сосуд!”

Она обвила руками его шею, покрыла лицо поцелуями.

Солнце скрылось за минаретом. Фиолетовое половежье залило небеса. Единственная звезда угнездилась поближе к бледной луне – две жемчужины разной величины. Ширин и Алрой вышли в сад. Рай сущий вокруг.

“Красота”, - задумчиво произнесла Ширин, глядя на небесные светила, - “почему не дано нам жить одним, для себя и для любви?”

“Царствование утомило меня”, - в тон прибавил Алрой, - “давай сбежим куда-нибудь!”

“Сыщем ли счастливый остров, людям недоступный? Как мало мы просим! Ах, кабы этот сад окружен был не опостылевшим Багдадом, а безбрежным морем!”

“Дорогая, мы живем в раю. Хонайну благодаря, безмятежность наша ненарушаема почти.”

“Почти! Мне досаждают мысль, что люди выются вокруг нас. Всякий, кто осмеливается думать о тебе, крадет у меня часть тебя. И я так устала от роскоши! Я бы хотела жить в пещере и спать на ложе из сухих листьев. Ах, милый! Чем новее удовольствие, тем оно приятнее!”

Содержательная беседа юных супругов была прервана появлением дворцового карлика. В добавок к своему неправдоподобно малому росту и замечательной уродливости он был еще и нем. Поэтому лишь с помощью энергичных телодвижений он сумел сообщить о наступлении часа трапезы. Никто, кроме этого привилегированного субъекта, не посмел бы нарушить покой царской четы.

Ширин и Алрой степенно вошли в трапезную палату. Огромный масляный светильник под потолком источал мягкий свет и чудный аромат. В конце великолепного зала выстроились евнухи в своих алых одеждах, у каждого серебряный посох в руке. Монарх и супруга его уселись на диван, по одну сторону которого находились гвардейцы и с ними рой придворных, по другую – прекрасные видом юные рабыни в разжигающих воображение легчайших нарядах.

Евнухи расступились и пропустили вперед торжественное шествие дюжины рабов. Вошедшие держали в руках отягощенные яствами подносы из золота и серебра, из слоновой кости и черного дерева. Кушанья демонстрировали халифу и принцессе, дабы те могли сделать выбор. Ширин вооружилась ложкой, изготовленной из гигантской жемчужины и снабженной золотой рукояткой, усыпанной рубинами, и принялась за любимый шафрановый суп. Затем она посвятила себя тушеной в фиалковом соусе со сливками и начиненной миндалем грудинке молодого лебедя, тающей во рту. Угодив начальным притязаниям аппетита, принцесса обратилась к изысканному блюду востока – печеным в виноградных листьях маленьким птичкам, садовым овсянкам. Разрывая нежные тушки нежными пальчиками, она с обворожительной настойчивостью потчевала Алроя лакомыми кусочками. Последний великодушно уступал кулинарному обольщению. Гранатовый шербет и золотистое ливанское вино смягчали острый вкус блюд. Наконец, пресыщенный халиф, опасаясь, как бы обеденный стол не занял место алтаря, властью своей положил предел затянувшейся церемонии трапезы. Кушанья исчезли. Наступила очередь омовения рук, для чего были внесены хрустальные чаши с розовой водой и тончайшие полотенца, какие можно изготовить лишь из хлопка с берегов Нила. Питье ароматного кофе с леденцами сопровождалось сладкозвучной музыкой и волнующими танцами стройных красавиц-рабынь. Говоря о застолье, нравы не обойти.

“О, очаровательная Ширин,” – сказал халиф, - “Еда и напитки были великолепны, музыка обворожительна, и девушки танцевали бесподобно. И вот сейчас, я хотел бы остаться с тобой наедине и насладиться твоим пением.”

“Ах, милый! Я сочинила новую песню, и ты ее услышишь!” – Радостно воскликнула принцесса. Она трижды хлопнула в ладоши, и все присутствующие покинули зал.

9.3

“Утро сменит ночь, исчезнут звезды, и с ними – Джабастер. Я пробираюсь тайком, прячусь, крадусь. Жалкое зрелище. Но выбор сделан и целью освящен.”

Так, то сокрушаясь, то ободряя себя, Первосвященник, завернувшись в мантию, выскользнул из дома. Восток. Ночь. Воздух прохладен и чист. Улицы полны жизни. В бесчисленных кофейнях светятся окна, за ними мелькают танцовщицы, и музыка рвется наружу. Стихотворцы и рассказчики сказок услаждают слушателей. У кого кошелек тугой, домогается ночных наслаждений и приключений, истый вкус которых известен лишь обладателю аппетита бедняка.

Двое суток минуло, как у Джабастера побывали гости. Первосвященник условился встретиться с Абиданом в саду возле главной мечети. Он направлялся к месту свидания.

“Я прибыл раньше назначенного часа. Подожду”, – подумал Джабастер. Сад безлюден, искатели развлечений заполнили кофейни. “Притаюсь под деревом. Бдительность – первая заповедь заговорщика. Я хотел этой встречи, теперь боюсь ее. Сон потерял, в голове сумбур. Пусть то, чему назначено свершиться, свершится поскорей. Кинжалу сему подобает утонуть не в груди Алроя, но в моей. Коль родина и вера стали мелкой ставкой в большой чужой игре, к чему мне жизнь? В серости существовать, ни радости, ни торжества не зная? Однако, я забыл Израиль! Покинуть его – что от матери родной отречься! Запутался вконец.”

“Вселенские, Богом вдохновенные надежды мои разбились о твердокаменную мира мелочность. Расколота необъятная душа, пламя страсти ее угасло. Истощился неутомимый мозг, что ставил цели и освещал пути к ним. Все рушится. Я блуждаю в безбрежном море, я – кормчий на судне без руля и парусов!”

“Учение, борьба, война, тревоги, горести – многие годы усердно трудились над моими душою и телом. Уж я не тот Джабастер, что восторженно глядел на звезды кавказские и гадал по ним. Померкла слава жизни моей и высох ствол ее. Высох, но не сгнил. Ни в мыслях, ни в делах я не забыл Бога своего. И не старик я, коль помню прежнее счастье. Чу! Кто это?”

“Израиля верный друг.”

“Славно, что у Израиля есть верные друзья. Благородный Абидан, взвесив твои суждения, я порешил войти в твой круг. По чести говоря, ты не открыл мне нового, но лишь разбередил давние догадки, от которых я спасался одиночеством. Ужасна стезя твоя, но неизбежного не миновать.”

“Хвала тебе, великий Джабастер! Ты не добавил разочарования моей душе!”

“Говорят, убежденность в праведности дела есть чистой совести залог.”

“Без сомнения.”

“Ты веришь этому?”

“Разумеется!”

“Мы идем на праведное дело?”

“Праведнее не бывает!”

“Я худший из негодяев...” – пробормотал Джабастер.

Первосвященник и Абидан вошли в дом. Джабастер обратился к собравшимся у Абидана гостям.

“Отважный Шерира, я рад видеть тебя с нами. Без Шериры не решаются дела Израиля. Мы мало знакомы, верный Залмуна, я в этом виноват. Славная пророчица, ты – благословение наше!”

“Друзья, мы знаем задачу сего собрания. Наши недовольство, ропот и желанье перемен достойны похвалы, но требуется дело. Да, мы встретились, чтоб действовать, не споря попустому. Цель велика, и тайна ей под стать. Вперед уверимся в единомыслии. Коль есть среди нас таков, кто примирится с рабством Израиля у Исмаила, кто с легким иль с тяжелым сердцем отступится от давешних побед, кто безучастен к осквернению наших алтарей священных, и, наконец, кто не готов жизнь отдать ради постройки Храма, пусть отправляется на все четыре стороны. Все остаются? Отлично! Как кремень твердо ядро!”

“Мы с тобой, великий Джабастер! Все, все!”

“Не сомневался. Вы – как я, и все мы – как один! Необходимость диктует и соединяет. Каков наш план? Говори, Залмуна.”

“Джабастер, я вижу трудность и не вижу средство одолеть ее. Алрой не покидает дворца, проникнуть внутрь незамеченными никак нельзя. Что скажешь ты, Шерира?”

“Худо воевать с затворником. Страшат не жертвы, но сомнительность успеха”, - сказал Шерира.

“Я готов погибнуть сам, но не смирюсь с погибелью мечты!” – воскликнул Абидан, -
“Глянем правде в глаза: открытая война – негодный план. Армия пойдет за командирами, а те верны хозяину. Он – камень преткновения. Убрать его, и встанут под наше знамя полки, коль с полководцами совладаем.”

“Неужто у царя нет повода покинуть крепость, скажем, ради жертвоприношений в честь какой-либо былой победы?” – спросил Первосвященник.

“Боюсь, что нет, Джабастер. Он столь политичен нынче, что присутствием своей царственной персоны не желает освящать торжеств Израиля. А если и захочет – супруга остановит!” – сказал Абидан.

Не позволив растерянности занять место решимости, вперед выступила пророчица Эстер.
“Могучие воины, внимайте голосу женщины. Он слаб, но Господь слышит своих избранных. Лишь мне известной тайною тропой я проберусь в дворцовый сад. Завтра, когда луна займет свою небесную обитель, над башнями дворца взвоет пламя. Оно станет сигналом войску Абидана устремиться к дворцовым воротам, якобы на помощь. Испуганная пожаром гвардия не окажет сопротивления. Залмуна, Абидан и Джабастер ринутся в царские покои и сделают то, чего мы все так ждем. Армия верного Шериры пусть окружит дворец. Затем вы, три героя, рыдая, предьявите солдатам окровавленное тело, и Джабастер провозгласит теократию!”

“Воистину, сам Бог говорит твоими устами!” – воскликнул ободренный Абидан.

“Смелый план”, - сказал Джабастер, размышляя, - “он осуществим вполне.”

“Безопасный план”, - сказал Залмуна, - “мы не выступим, покуда ни увидим огня.”

“Отличный план”, - сказал Шерира.

“Быть посему. Через сутки вновь соберемся здесь. Всем – доброй ночи”, – заключил Джабастер.

“Доброй ночи. Что нам звезды говорят, Первосвященник?”

“Молчат в тревоге ожиданья.”

“Боже, даруй благодать своему народу!”

“Я верю. Доброй ночи, друзья.”

“Доброй ночи, Джабастер. Ты – оплот наш!”

“Джабастер – оплот Израиля!”

“Удели нам еще минуту, Первосвященник”, - попросил Абидан.

“В чем дело? Я тороплюсь.”

“Мы уготовили смерть Алрою, но довольно ли сего, чтобы расчистить к цели путь?”

“Принцесса?”

“Я не о ней. Азриэль, Итамар, Медад!”

“Они стойкие надежные солдаты. Свойства их натуры – подчинение и верноподданность. Они послужат нам не хуже, чем Алрою.”

“Надо надеяться. Кто еще опасен?”

Залмуна и Шерира потупили глаза долу. Молчание нарушила пророчица. “Справедливость требует назвать Хонайна!”

“Нет!” – воскликнул Абидан, - “Он брат Джабастера. К тому же смерть его, увы, не обезглавит гидру врагов Израиля – их не убудет!”

“Нет брата у меня! Я не подниму руку на того, о ком вы говорите, коль это может сделать другой. Итак, доброй ночи.”

9.5

Глубокая ночь. Светильник мерцает в комнате. Двери ее открыты навстречу длинной галерее, ведущей в дворцовый сад.

Тонкая легкая фигура промелькнула бестелесной тенью, шаги не слышны.

Женщина вошла, разглядывает богатое убранство комнаты. Прозрачная ткань спускается с балдахина, хранит от ночной сырости спящего на кушетке. В углу у стены расставлены заботливой рукой старинные щит, шлем, оружие.

“Какая таинственная сила заставила меня подняться сюда?” – подумала пророчица, - “свет привлек?”

“Кушетка, кто-то спит на ней!”

Она приблизилась, одернула занавес. Дыхание перехватило, побледнела: Алрой!

Волнение унимая, оперлась о стену. Вновь подошла, взглянула на обреченного.

“О, может ли преступник спать сном невинного? Неужто этот благородный лик скрывает поругателя даров небесных, коими тот щедро наделен? Лицо безмятежно, дыхание спокойно. Так ли спит изменник, предавший веру и народ? Красив! Как оперенье ворона волосы черны, чело белеет в свете ночи, щеки и подбородок трогательны и нежны. На губах застыли слова любви. Помню, как ураганом побед он принес всем нам радость, а для меня одной...”

“Угомонись, сердце! В склеп молчания спрячь осколки надежд разбитых. Вот жребий женщины – любить и таить любовь! Как горько! Любовь обращает нас в рабынь. Спасенье в смерти иль в мечтах. То и другое есть бегство от страсти истинной.”

“Герой прекрасный! С ненавистью иль с любовью пришла к тебе – не знаю! Коль смерть твой приговор, позволь идти с тобой. Не в могилу, но на ложе любви могла бы увести нас эта ночь. Удар кинжала, и кровь зальет святую грудь. Где справедливость? Лжецы твердят, что ты Богу изменил. Ты сам и есть Бог, и поклоняться тебе хочу! Шевельнулись губы. Слова любви?”

“Ширин, Ширин!”

“Вот слово, что вернуло разум мне, наивному и слабому созданию! Справедливость не торопится карать. Не дожидаясь, сама, как дерзкая Яэль, покончу с этим новым Сисрой, иудеев погубителем!” Эстер схватила кинжал, размахнулась, и, метя в сердце, нанесла удар. Клинок дамасской стали разбился вдребезги. Талисман Джабастера спас жизнь Алрою, из суеверия не снимавшего его с груди. Алрой вскочил с кушетки. Перед ним пророчица, рукоять кинжала в руке ее, ужас на смертельно бледном лице.

“Кто это? Ширин? Нет! Кто ты? Эстер?” Он схватил ее за руки. “Зачем ты здесь? Говори!” Не получив ответа, кликнул Фареза.

Тщетно борясь с превосходящей силой, Эстер разразилась диким безумным смехом. Одной рукой Алрой сжимал стальной хваткой две женских кисти, другой ударил медным шлемом в медный щит. Тот зазвенел, как гонг, Фарез проснулся и предстал пред господином.

“Фарез! Измена! Мчись к командирам, передай приказ не открывать ворота никому ни под каким предлогом! Лети! Всем – к оружию! Мчись, лети!”

Алрой передал полуживую Эстер под охрану евнухов. Дворец проснулся. Замелькали рабы и слуги. Явилась Ширин. Волосы не убраны, одета наспех. Ее сопровождали сто девушек, у каждой светильник.

“Душа моя, что все это значит?”

“Ничего, голубка! Все хорошо, вот-вот вернется тишина”, - ответил Алрой. Он поднял осколок кинжала, стал рассматривать его.

“Все хорошо. Покушение на мою жизнь. Дворец в огне. В городе, подозреваю, бунт. Присмотрите за госпожой, девушки!” Ширин без чувств упала им на руки. “Я скоро вернусь”, - сказал Алрой и скорым шагом направился на центральную дворцовую площадь.

Тысячи собрались. Рабы, слуги, евнухи, пажи, женщины, солдаты. Встревожены, испуганы, шумят. Огонь, дым, неразбериха. “Халиф, халиф!” – чей-то голос возвестил о прибытии Алроя. Шум стих.

“Где командир гвардейцев? – выкрикнул Алрой, - “Ты здесь? Хорошо. Ворота не открывать! Кто готов прыгнуть со стены и принести весть Азриэлю? Ты? Тоже хорошо. Завтра назначу тебя командиром. Месрор, бери гвардейцев сколько надо, и справляйся с огнем любой ценой! Разрушай постройки хлипкие, чтоб пламя не распространялось. Я слышал, Абидан с войском спешит на помощь. Не сомневался. Ждал. Но не открывать ворота! О, он, кажется хочет взять их приступом! Я так и думал. Подайте амуницию и оружие. Сам стану у ворот. Вновь пошлите за Азриэлем. Где Фарез?”

“Я здесь, мой господин!”

“Беги к принцессе, верный Фарез. Скажи, что все хорошо. Ах, если б это было так! Какой страшный раздался грохот! Будто тысячи барабанов и тарелок разом заиграли. Игра, без сомненья оглушительная и, похоже, грязная. О, как не хватает Азриэля! Фарез вернулся?”

“Я здесь, мой господин!”

“Что принцесса?”

“Желает быть с тобой.”

“Нет, нет! Пожар – это предательский поджог! Пора в наступление переходить. Семь бед – один ответ! Если погибнем, то как солдаты. О, Азриэль, Азриэль!”

“Господин, бойцы устремились ко дворцу из всех кварталов Багдада.”

“Это Азриэль.”

“Нет, господин, это не он. Возможно, люди Шериры.”

“Что бы это значило? Грязная игра. Где Хонайн?”

“С принцессой.”

“Хорошо. Кто там кричит за воротами?”

“Вестник от Азриэля. Дорогу, дорогу!”

“Хорошо. Поторопись!”

“Меня не подпускают к стражнику!”

“Не подпускают к стражнику? Кто удерживает тебя?”

“Я схвачен, я пленен!”

“Пленен? Мы на войне? Кто пленил тебя?”

“О, господин! Они объявили, что ты мертв!”

“Кто они?”

“Совет старейшин. Абидан, Залмуна...”

“Мятежники! Псы! Кто еще?”

“Первосвященник.”

“В горле сухо. Налей воды, Фарез. Верно ли, что Шерира к ним примкнул?”

“Я слышал, его армия окружила дворец. Подать нам помощь можно лишь прорвавшись сквозь железные ряды.”

“Труссы! Предатели! Бунтовщики! Думают запереть нас в западне и уморить, как крыс! Солдаты! Вас мало, но вы со мной! До конца верные мне узнают широту моей души. Я – Алрой, рожден для высшей цели, и жалкие лакеи с их страстями низкими гибелью мне не грозят. Не они, а мы смеяться будем завтра!”

9.6

“Добрый Хонайн, поспеши к халифу. Прошу, не мешкай. Я держусь стойко. Ты нужнее Алрою, мудрый совет всегда к стати. Внуши ему, чтоб берег себя. Гнусные люди! Азриэль скоро прибудет. Что скажешь?”

“Нам нечего бояться. У негодяев никудышный план, и они плохие конспираторы. Я ожидал событий в этом роде и не удивлен и даже не встревожен.”

“Их цель я точно знаю. Им жизнь моя нужна. Первосвященник ненавидит меня. Кровью моею хочет смыть имя Ширин из анналов наших. Милый Хонайн, как сие возможно: злодей Джабастер – твой брат родной? Непостижимо!”

“Я стараюсь забыть об этом. Однако, не только и не столько жизни твоей хотят бунтовщики. Есть замысел у них. Терпение, Ширин. Скорые события вразумят нас лучше, чем догадки.”

Укрепления дворца устояли перед натиском мятежников. Шерира и основная часть его войска не покинули свой лагерь. Тот небольшой отряд, что направлен был на помощь Абидану и для наблюдения, Шерира отозвал. Полки Азриэля и Итамара форсировали реку, не встретив противодействия Шериры, на которого возложена была охрана переправы. Они вступили на территорию дворца, и Алрой самолично возглавил свежие силы. Царственное командирство приблизило неизбежный разгром мятежа. Воины Абидана сопротивлялись с отчаянием обреченных. Строй их был рассеян. Герои, те бились насмерть, жажда взять плату подороже за ускользящую жизнь. Утратившие мужество искали спасения в домах. Мертвые тела загромоздили улицы, кровь затопила мостовые, пламя бушевало под крышами, дым удушал людей, стоны умирающих оглушали их.

Восхищения достоин Абидан, глава исполнителей заговора. Смелый и находчивый, он дерзко глядел в глаза победе, но слишком не равны были силы. Друзей настигла смерть, и он оказался в окружении врагов. Изворотлив, оставшийся наедине с судьбой. Прижавшись спиной к стене, рубил верным мечом смельчаков, отважившихся нападать. Нашупал дверь, открыл, ринулся по леснице вверх. Круто развернулся, нанес сокрушительный удар, и ближайший из догонявших низвергся наземь с расколотым надвое черепом. Абидан схватил тяжелый предмет, швырнул его в гущу преследователей, и минутного их замешательства достало ему, чтобы вскочить на террасу, перепрыгнуть на крышу другого дома и продолжать бегство и сохранять надежду. Трое не отставали. Один изловчился, метнул копье и ранил преследуемого в руку. Абидан, сцепив зубы, вырвал из раны острие, и мгновеньем позже копье вернулось к хозяину, пронзив ему сердце. Двое с саблями продолжали погоню, почти настигли смельчака. Абидан увернулся от удара, отступил назад, очутился на краю крыши и на краю гибели. Тогда он запустил меч острием вперед в преследователя, что стоял дальше. Тот, взыв от боли, рухнул вниз. Одним прыжком Абидан настиг третьего, сильнейшим ударом сбил его с ног, и последний преследователь без чувств упал на землю. Заметив лестницу, Абидан спустился, влез в окно, и некстати очутился в некоей комнате, населенной женщинами. При виде непрошенного, страшного, окровавленного гостя, они разразились криками ужаса. Не удостоив их вниманием, он кинулся прочь, ворвался в другую комнату, смертельно испугав находившегося там прикованного к постели старика, который умер от страха прежде, чем успел вымолвить слово. Абидан закрыл поплотнее дверь, смыл кровь с лица и рук, промыл рану, сбросил с себя окровавленные лохмотья и доспехи, закутался в одежду старика и вышел наружу. На пустынной улице он увидел солдата, державшего под уздцы коня. Безоружный герой подкрался, выхватил у солдата кинжал и без лишних колебаний поразил в сердце зазевавшегося бойца. Вскочив в седло, поскакал к реке. Переправился. На берегу отдыхали несколько верблюдов, поджидая своих хозяев, прослышавших о бунте и укрывшихся в роще от греха подальше. Отпустив коня, Абидан взобрался на верблюда и, как ни в чем не бывало, степенно подъехал верхом к одним из городских ворот, намереваясь покинуть Багдад. Ему не открыли – приказ никого не выпускать. Тут случилось, что свадебная процессия возвращалась в город из деревни. Смельчак внедрил в самую середину нарядного шествия, перевернул повозку с невестой, воспользовался переполохом, и, выскользнув в открытые ворота и этим завершив каскад лихих жестоких трюков, был таков. Сколь верно, что тщеславие выделяет героя из прочих, столь справедливо, что бесстрашие способствует ясности ума в минуту смертельной угрозы. И все же не свойства души, но судьба творит героя.

Мятеж подавлен, и кровопролитию конец. Смолкли клики воинов, стихли крики женщин. Погашено пламя, и рассеялся дым. Двери домов закрыты, лишь патрули топчут вдоль пустынных улиц. Командиры явились во дворец с донесениями и поздравлениями. Пленение Джабастера уравнило бегство Абида. Назначенное расследование событий, их причин, героев и виновников не слишком дотошно вникало в роль, Шерирой сыгранную. Изможденный тяжким и кровавым днем, Алрой, как на востоке водится, отправился в баню для восстановления сил. Он был рад горькой победе, которую за триумф не почитал.

Покончив с ритуалом очищения тела, Алрой вернулся в царские покои с намерением очистить замутненный дух. Тут влетела Ширин. Бросилась ему на шею, заключила в объятия, покрыла лицо поцелуями. Нет лучшего снадобья для растревоженной души героя. Ласки смягчают сердце, любовь гонит мысли.

“Яхонтовый мой!” – воскликнула Ширин, и голос ее дрожит, и сердечко трепещет, -
 “Яхонтовый мой, любишь ли ты меня по-прежнему?”

Алрой заулыбался в ответ, с благодарностью принимая целительную любовь.

“Яхонтовый мой, твоя пташка совестится глядеть тебе в глаза. Ведь это я причина бед твоих. Я ненавистна им, злым людям, это я мешаю им!”

“Опасность миновала, голубка. Не говори об этом и поскорей забудь.”

“Страшные, злые люди! Не бывать счастьем на земле, покуда такие лиходеи топчут ее. Убить Алроя! Того, кто их из грязи вытащил да в князи усадил. Неблагодарные простолюдины, плебеи! Не вернется ко мне безмятежный сон. Погубить хотели моего сокола ясного! Поверить невозможно! Я знаю, они метили в меня, я их настоящий враг. О, Алрой, не покидай меня! Мне чудится какой-то шорох – это душегубы точат ножи, готовятся вонзить их в наши нежные сердца. Милый, я верю, ты не разлюбил меня, я верю!”

“Невозможно любить сильнее, чем я люблю! И нет причин для страха, худое позади.”

“Радость жизни покинула меня, унесла покой. Драгоценный мой! Тебя ли обнимаю? Твоя ли Ширин целует тебя? Или снимся мы друг другу, или уж призраки мы в могильном склепе? Ах, злые, злые люди! Покусились на моего Алроя, любовь мою, свет очей моих! Не вернутся дни блаженства былого!”

“Не тревожься, горлица нежная. Мы не призраки в склепе, мы живы и, как прежде, живем друг для друга. Скоро-скоро вернется солнце, и забудем черную бурю.”

“Ты виделся с Азриэлем? Слова его ужасают!”

“О чем ты?”

“Я так одинока, и защиты-опоры нет...”

“Ширин!”

“Они крови моей хотят, крови моей им надо!”

“Оставь, то пустые страхи. Фантазия раздувает цену пустяков. Воображение – резвая лошадка, да некому ей править!”

“Пустые страхи? Спроси Азриэля, послушай Итамара. В священные свои свитки убийцы вписывают имя жертвы. Для них погибель Алроя только средство, смерть Ширин – вот цель! Я подурнела. Страх и горе красы не прибавляют. Куда как хуже могло быть. Меня готовились замучить, обезглавить, четвертовать, рачленить на части. Кровопийца и людоед Джабастер плотью моей хотел насытить мстительность свою. О, как он ненавидит меня! Меня, халифа дочь, диким варварским созданием считал!”

“Ах, Ширин, ранимая душа! Ты вовсе не дикарка! То ложь, надменностью рожденная. Разве у дикарки мысли высоки и чувства тонки? Однако, сказав “Джабастер”, омрачила дух мой. Бог милостивый! Отчего не скрылся Первосвященник? Абидан, головорез, фанатик и невежда – спасся, а мой учитель, великий светлый ум, у меня в плену. Мне горько и...”

“Стой, погоди, Алрой! Да разве я намеревалась рану беречь? Сказав, что не ты, а я Джабастеру помеха, думала облегчить груз души. Однако, если человек сей не искореним из сердца твоего и им владеет прочно, то твоя рабыня отступает в тень. Я смиренно уйду и умру счастливая, ибо жизнь моя будет принесена в жертву процветанию возлюбленного!”

“Какая мука слышать это! Чего ты хочешь, Ширин?”

“Благоденствия и счастья твоего, не более.”

“Есть у меня и то и другое, если есть ты!”

“Прекрасно. Обо мне не тужи, я песчинка на царственной тропе.”

“Для меня – ты весь мир!”

“Пусть покой вернется к тебе, мой ненаглядный. Я огорчена, хотела утешить, не уязвить. Все хорошо. Джабастер жив. Глядишь, и удлинит перечень великих дел. Чего же еще?”

“Он жив и у меня в плену. Он ждет суда, и суд свершится.”

“Да, да.”

“Простишь его?”

“Мой господин поступит по усмотрению своему.”

“Нет, Ширин, хочу услышать твое слово, ты добрей меня. Каков твой приговор?”

“Смерть!”

“О, Бог мой!”

“Ах, Алрой! Помнишь ли дней былых очарованье? Алчешь ли будущих радостей волшебство? Несовместна Джабастера жизнь со счастьем Ширин и Алроя. Он нас в свой сумрачный мир уведет. Или убьет.”

“Изгони его и изгонишь память о нем!”

“С мятежником сосуществовать? Это выбор царя?”

“Поверь, Ширин, нет у меня любви к нему, хотя должна быть, но далеко не все известно тебе!”

“Мне известно довольно, Алрой. А чего не знаю, до того умом дошла. Воображение – недреманное око души. Женское сердце начеку и не проспит смертельного врага. Больше, чем ты думаешь, он принес нам зла. Не убив, ограбил. Отнял надежду. Много ли прошу, Алрой? Голову мятежника – и только! Протяни мне руку, милый. Дай печатку сердоликовую. О, сопротивляется, словно к пальцу приросла! Ты говорил мне, поцелуй имеет дар пленять. Так получи! Правда, сладко? А вот еще, еще! Гляди-ка, поддалось кольцо! Печатка у меня. Прощай, мой сокол ясный. Скоро я вернусь в гнездо, и наши воркование и щебет вновь будут слышны!”

9.9

“Кольцо у Ширин! То Джабастера талисман, то жизнь его. Кольцо печатное не только чудеса творит. Джабастер мне на сбережение его доверил. Покуда у меня оно – учитель в безопасности, утрачу – и смерть над ним нависнет. Я проговорился ей? Она замыслила дурное? Она ушла? Она шутит! Эй, Фарез!”

“Я здесь, мой господин.”

“Проходила ли принцесса?”

“Да, мой господин.”

“В слезах?”

“Скорее в радости.”

“Фарез, зови Хонайна! Хонайн, Хонайн! Сердце мое разбито. Нет, она шутит. Вот и Хонайн. Прости мой бред, Хонайн. Скорее, мчись в арсенал!”

“Зачем, мой господин?”

“Зачем, зачем! Там твой брат, твой великий брат... Принцесса украла мою печатку. Нет, не украла, я сам ей дал. Мчись, иначе погиб Джабастер! Фарез, дай скорее руку, силы покидают меня...”

9.10

“Халифу сегодня нездоровится.”

“Говорят, утром он лишился чувств.”

“В бане.”

“Не в бане, а во дворце. Когда услышал о смерти Джабастера.”

“Как он умер?”

“Наложил на себя руки. Не вынес бесчестья. Покончил с жизнью и делами.”

“Велик был. Смерть вождя – что затмение солнца.”

“Нет ему ровни и не скоро будет. Принцесса добилась помилования и помчалась к нему в арсенал сообщить весть, но опоздала.”

“Странные времена. Джабастер умер.”

“Тревожные времена.”

“Кто станет Первосвященником?”

“Боюсь, вакансия останется свободной.”

“Сегодня ты ужинаешь с Итамаром?”

“Да.”

“Я тоже. Пойдем вместе. Принцесса добилась помилования. Как странно все.”

“Да, туманно. Говорят, Абидан сбежал?”

“Я тоже слышал. Встретим ли на ужине Медада?”

“Возможно.”

Глава 10

Крах и смерть Алроя

10.1

“Она не вошла! Бледный лик ее не осветил темные небеса. Звезды печальны и не блестят без лучезарной царицы своей. Она не вошла!”

Это – дозорные. Санедрин отряжает их, дабы вдобавок к расчетам мудрецов указали час, когда луна обновится и начнет лунный месяц. Издревле повелось у евреев отмечать особой молитвой и праздновать новомесячье, и от этого дня отсчитывать сроки праздников и постов, что на сей месяц приходятся. Потому-то так важна миссия посланцев Санедрина. Они взбираются на горы поближе к обители ночного светила. Завидят новую луну, присягнут в этом, и загорится сигнальный огонь, и важная весть мигом облетит весь еврейский мир.

“Мы стражи луны, мы вестники света!”

“Она не взошла! Взойдет, и бледный лик ее призовет на молитву. Братство наше замерло в безмолвном ожидании благородных лучей. Она не взошла!”

“Мы стражи луны, мы вестники света!”

“Она восходит, она восходит! Бледный лик поплыл по небосводу. Возгорятся костры, известят народ. Она восходит, она восходит!”

“Мы стражи луны, мы вестники новомесячья!”

И зажглись сигнальные огни на вершинах гор, и разбежались костры по миру от Кавказа до Ливана, сказать евреям, что месяц начался.

10.2

“Господин! Татарин-гонимый прибыл из Хамадана и желает видеть тебя и только тебя. Я сказал, что халифу не досуг, хотел переправить гонимого к Хонайну, но отговорки не помогли. Я думаю, госпожа Мирьям...”

“Из Хамадана? Зови его, Фарез.”

Вошел татарин.

“Надеюсь услышать хорошие новости, почтенный!”

“Увы. Я от Авнера. С известием халифу.”

“Я халиф. Что передал наместник?”

“Господин, в час, что возгорелся сигнальный огонь, и на Кавказе открылось празднество нового месяца, Альп Арслан, Хорезма грозный монарх, вошел в твои владения, и армия его наводняет Персию.”

“И что Авнер?”

“Он выступает на поле брани и просит о помощи.”

“Он получит ее. Воистину, большая новость. Когда ты покинул Хамадан?”

“Трое суток в пути.”

“Ты исполнил свой долг. Фарез, позаботься о гонимом и пригласи Хонайна.”

“Альп Арслан. Знаменитый воевода. Наш сигнальный огонь был сигналом ему! Время выбрано неспроста, обдуманно. Не нравится мне это.”

“Господин, другой татарин-гонимый прибыл с границы. Он хочет видеть халифа. Полагаю, он с той же новостью и...”

“Возможно. Проводи его ко мне, Фарез.”

Вошел татарин.

“От кого? Какие вести?”

“От Мозула. Губернатор велел сообщить тебе, халиф, что лишь взвилось пламя сигнального огня, и евреи заступили на молитву, известный мятежник Абидан поднял знамя Иудеи и объявил тебе войну.”

“Какими силами он станет воевать?”

“Гарнизон в его распоряжении.”

“Там гнездо его адептов. Они способны причинить немало беспокойств. Фарез, ты пригласил Хонайна?”

“Да, господин.”

“Дай приют гонцу. И еще. Не позволяй никому с ним говорить. Ты понимаешь, Фарез?”

“Вполне, мой господин.”

“Абидан воскрес. На сей раз не сбежит. Мне нужен Шерира. Кто это там? Еще новости?”

Вошел третий татарин.

“Не знаю, как тебе это понравится, господин. Гонец прибыл с сирийской границы.”

“В воздухе пахнет грозой. Говори, что у тебя.”

“Боюсь огорчить тебя, халиф!”

“Выкладывай!”

“Я от Медада.”

“Хорошо. Он поднял восстание? Примеры заразительны.”

“О, нет! Медад верен своему халифу и грудью стоит за него. Но то горе, что враг чересчур силен. Медад отправил меня сообщить тебе, что лишь только евреи в Ливане стали праздновать новомесячье, как султан Рума и с ним арабский халиф развернули знамена Пророка и великим войском двинулись на Багдад.”

“Все ясно: это заговор. Хонайн, собери визирей на совет. Против меня восстал весь мир – не хочет мира. Будем воевать. Для заговорщиков фанфары редко звучат. Меня не застать врасплох!”

10.3

“Друзья!” – обратился Алрой к своим визирям-воеводам, - “Мы должны атаковать противников поодиночке. Нельзя позволить им соединить силы. Не сомневаюсь, мы

разобьем их. Я защищаю Персию. Итамар встанет меж султаном и Абиданом. Медад поможет Итамару. Шерира обороняет столицу. Хонайн – временный правитель. Прощайте, друзья. Я выступаю ранним утром. Мужайтесь, brave солдаты. Могучим кедром буря не страшна.”

Совет закончился.

“Мой дорогой Шерира”, - сказал халиф, - “будь добр, задержись, поговорим наедине”, - продолжил Алрой, затем обратился к главному визирю, сопровождая его, - “Хонайн, что ты думаешь обо всем этом?”

“Готовясь к худшему, надеюсь на лучшее.”

“Мудро, как всегда. Только бы Авнер удержал Хорезм под своим контролем! Я хочу поговорить с Шерирой по душам. Я не уверен в нем.”

“Есть основания. Он был замешан. Если в повозке нет оси – ехать нельзя. Поэтому отвергаем того, кому не доверяем. Однако, недоверие оправдывает будущий обман.”

“Да, я сомневаюсь в нем. Боюсь, покинет Багдад, и его вновь сыщет и околдует старый дружок. Пусть лучше стережет столицу.”

“Господин мой, Шерира отличный, храбрый командир. И все же... Он остается, я остаюсь. Дай мне печатку, талисман твой. Так будет лучше.”

Алрой побледнел.

“Ты кольнул меня в сердце. Кольцо утрачено навсегда. Я говорил тебе об этом прежде. Бедная совесть моя! Но ведь ты знаешь, Хонайн, я не виноват!”

“Хоть и утрачен талисман, ручаюсь, мой халиф, худого не случится. Коль у тебя достало милосердия пощадить такого, как Шерира, ты непременно удостоишься милосердия Всевышнего, который пощадит твои завоевания.”

“Благодарю, Хонайн. Прошу, ступай к принцессе, поделись с ней новостями.”

Халиф вернулся к Шерире.

“Заставил тебя ждать, мой храбрый Шерира. В такие минуты настоящие друзья прощают неучтивость.”

“Ты столь щепетилен, господин!”

“Видишь, мой храбрец, какие ветры дуют! Нас ждет тяжелый солдатский труд. Мне, как воздух, нужен верный друг. Чтоб плечо подставил, чтоб было на чьей груди поплакать, покаяться, поклясться. Друг – величайшее из благ земных, а мы по неразумию благом этим порой пренебрегаем. Хотел послать тебя воевать с Арсланом, но решил, что сам пойду, дабы не думали, что уклоняюсь. Кто знает, куда ведут события? Опора наша шатка, глядишь, лукавый мусульманин восстанет на иудея. Мы должны быть вместе, с тревогой в сердце отдаляюсь от тебя. Весьма возможно, прибегну к твоей помощи, будь готов, Шерира. Уверен, мудрой признательностью мое расположение оценишь.”

“О, господин! Помыслы мои о благоденствии твоём. Я не какой-нибудь сладкоречивый юнец, которого губят бессмысленные дела и словеса. Верь, я жизни не пощажу, я тебе предан и тебя не предаю!”

“Знаю, Шерира, знаю. Что ты скажешь о грядущей кампании?”

“Они задумали недурно. Тем громче прогремит триумф твой.”

“Солдаты настроены по-боевому?”

“Скажу о своих. Это люди простые, даже грубые. Под стать командиру. Но мы не пажи и не почетный караул. Мы помним долг и грязной работы не бежим.”

“Хорошо. Это хотел услышать. Я сделаю смотр войскам пред выступлением. Будь добр, позаботься о подарках для солдат. Кстати, я думаю, твою армию следует назвать “Сирийский легион”. Оружием твоих бойцов завоевана наша лучшая провинция.”

“Я передам воинам твои слова. Это добавит рвения.”

“Поужинай со мной, Шерира. Мы старые друзья. Помнишь разрушенный город в пустыне?”

10.4

Алрой вошел в апартаменты Ширин. “Душа моя, ты все знаешь?”

Она бросилась ему навстречу, обняла горячо.

“Моей принцессе ничего не грозит. Игра будет легкой и быстрой. Две трети безумцев уже отведали вкус наших клинков, а свежая кровь новичков оросит корни лавровых деревьев, ветви которых нам не наскучили.”

“Молю, любимый, не иди на войну! Разве Азриэль не принесет победу?”

“Мы вместе принесем ее. Расстанемся с тобою ненадолго, Ширин. В первый и, надеюсь, в последний раз.”

“О, нет, нет! Не говори о расставании!”

“Армия готова выступить. Завтра с рассветом услышишь трубы.”

“Не оставлю тебя одного! Что будет делать Ширин без Алроя? Ты сам говорил, я – твоё вдохновение. Кто ободрит тебя в трудный час? Нет, ни за что не оставлю тебя!”

“Ты пребываешь в сердце моем. Для тебя одной победу добуду в бою!”

“Я еду с тобой! Не помешаю. Ни слуг, ни девушек не возьму. Как солдатская жена тягот не замечу. Буду сон твой сторожить. Сиделкой стану, если, храни Бог, рванят тебя. А в бой пойдешь – пояс тебе повяжу, меч на нем укреплю, меж поцелуев победу нашепчу.”

“Ах, Ширин, в глазах твоих победа светится! Мы побьем их!”

“Абидан! Дважды изменник. Повесить его! Жаль, что нельзя это сделать дважды! Пророчица перед смертью предрекла вторую измену.”

“Не думай о них, Ширин.”

“А хорезмский царь силен?”

“Достаточно силен, чтобы гордиться, взявши верх над ним. Уверен, Авнер оставит славы и на нашу долю.”

“Мне безразлично, чей меч, твой или Авнера, дело решит. Значит, ты выступаешь утром?”

“С рассветом. Молю, Ширин, останься!”

“Я с тобой! Я почти собралась, паланкин готов. Альп Арслан самолично пойдет в бой?”

“Наверняка.”

“Гнев Небес обрушится на голову его! Азриэль выступает с нами?”

“Конечно.”

“Успею час-другой поспать.”

“Хорошо, моя голубка. Я пройду к себе. С рассветом разбужу тебя поцелуем.”

10.5

Халиф вошел в совещательный зал. Призвал писцов и Фареза, продиктовал распоряжения.

“Кто сегодня начальник охраны?” – спросил.

“Беная.” – ответил Фарез.

“Помню его. Он спас мне жизнь в бою у Тигра. Принцесса едет с нами. Заботу о ней поручаю Бенае. К рассвету солдаты должны быть готовы отправиться в поход. Прошу передать Азриэлю порядок дня. Эту депешу немедленно отправить в Хамадан. Направлен ли татарин к Медаду? Хорошо. Всех благодарю, можно отдыхать. Останься, Фарез.”

“Да, мой господин.”

“Я не намерен спать этой ночью. Подай мое питье. Благодарю. Больше ничего. Спокойной ночи.”

“Спокойной ночи, мой господин.”

“Я наедине с самим собой. Нет лучше повода быть честным до конца. Всего за сутки так много изменилось вне и внутри меня! Вообразал, что восседаю на вершине мира и неуязвим. Но нет, вновь надо драться за жизнь и за империю. Трубы опять зовут на поле брани. Я не тот, что прежде. Стал маловеком. Мне одиноко. Минули дни, когда пред боем и в бою я окружен был вдохновенными соратниками, жаждущими славы, крови и моего

величия. Кажется, они переменялись, как и я. Абидан, мой найденыш и выкормыш, войну мне объявил! Горошина смеется над стручком. Пророчица пламенной речью зажигала сердца и в бой вела. Где она, жертва правосудия царского? Где мой учитель просветленный? Друг, наставник, ментор, советчик многоценный. Отрочества поводырь и юности назидатель справедливый. Он был учен, учился и меня учил. Он жил ради величия моего. И что же я? Ренегат отчаявшийся, сбившийся с пути. Всего-то мне осталось – былых триумфов память!”

“Тень поднялась из-под земли. Человека образ? Маска? Присмотрюсь получше. Призрак. Слишком знакомые черты. Холод в сердце. Джабастера подобие. Смотрит исподлобья, сверлит мрачным взглядом. Прочь, прочь, наваждение! Я не убивал тебя! Это сон. Нет, явь! Я вижу тебя. Я ничего не боюсь. Я Алрой!”

“Говори, дух! Призрак, говори! Заклинаю тебя! Дай вновь услышать смолкший голос, песнь юности моей!”

“Алрой, Алрой, Алрой!”

“Я внемлю! Жду, как в праздник труб ждут шофара последний звук, несущий весть добрую!”

“Свидимся на равнине Неговенда.”

“Растворился в воздухе. Вымолвил полслова и исчез. Могу поклясться, это был Джабастер! Жизнь ослепляет тьмой неведомого. Слабеет дух. Я точно слышал: “Свидимся на равнине Неговенда.” Я побеждал там. Что в словах его? Предсказание триумфа иль угроза? Пусть я сошел с ума. Пусть западня ждет, иль уготован смертный приговор – я подчинюсь Джабастеру! Блажен не расстающийся с видением. Чу! Что там?”

Страшной силы грохот потряс дворец халифа. Закачались стены.

“Землетрясение!” – вскричал Алрой, - “Да поглотит земля сей мир и с ним меня! Какие времена пришли! Фарез, скорей сюда!”

“Я здесь уже. Ты страшно бледен, мой халиф!” – крикнул Фарез, примчавшись.

“Мы оба в страхе и бледны. Нет причины для румяного веселья! О, вновь гром сжимает сердце! Я многое вынес, но это мне не по силам!”

“Шум доносится из арсенала, мой господин.”

“Лети, взгляни, что там! Нет, стой! Пошли Бенаю. Не оставляй меня!”

Фарез уложил Алроя на кушетку. Тот бледен, дрожит, как в лихорадке. Спросил, где Беная.

“Вот он идет.”

“Беная, что происходит?”

“Халиф! – воскликнул Беная, - “Страшная вещь случилась! Как только гром потряс дворец, священный постамент обрушился и разбился на тысячу кусков. И скипетр царя Соломона исчез, и невозможно сыскать его!”

“Беная и Фарез! Об этом – никому ни слова! И пусть никто не входит в арсенал! А сейчас оставьте меня.”

Беная и Фарез ушли. Невыразимая мука в глазах Алроя. Он упал ничком на кушетку. Слезы отчаяния. “Мой Бог, я покинул Тебя. Теперь Ты меня покидаешь!”

10.6

Алрой намеревался бодрствовать этой ночью. Случившееся потрясло его, незаметно сознание покинуло изнуренный дух, он заснул и час целый проспал. Пробудился, встал, изумился ослепительному свету в парадном зале. Вошел туда, не удерживаемый страхом и гонимый любопытством. Жуткие чудовища цепью расположились вдоль стен. У каждого из них факел. Чудища напомнили Алрою уродливых Афритов пещеры Джентезма. В конце зала высился роскошный трон, у подножия которого замерли священники и придворные. На троне гордо восседал монарх, облик его знаком Алрою: в усыпальнице царей Израильских Предводитель изгнания взял скипетр из рук великого Соломона.

Пораженный, Алрой созерцал странное собрание чудовищ и призраков, а те не замечали присутствия существа из земного мира. Ни жеста, ни звука – безмолвные недвижимые образы.

Вдруг в зал ворвались иные создания. Пажи и юные красавицы кружились в обольстительном танце. Строй вооруженных воинов чеканил шаг. Почтенные седобородые старцы шли важно и неторопливо. Пестрое шествие замыкали музыканты. Они рьяно дули в трубы, били в барабаны, щипали струны. И вот диво: ни единого звука не слышать, и властвует тишина.

Немая процессия трижды обошла вокруг зала. Затем все подступили к трону, глубоко поклонились царю, а потом встали впереди Афритов.

Двенадцать призраков внесли в зал каменный постамент. На зеленых разводах его были выгравированы те же знаки, что и на талисмানে Джабастера, который Алрой до сих пор носил на груди. Дюжина дюжих носильщиков опустили свой каменный груз у ног монарха и скрылись с глаз. В эту секунду острая боль пронзила грудь Алроя, там где талисман. Он судорожно схватил его рукой и... талисман рассыпался в прах.

Одинокая фигура отделилась от толпы бестелесных существ, приблизилась к постаменту, подняла крышку, извлекла скипетр и протянула его монарху. Соломон принял священный предмет, и в этот самый миг пропал ослепительный свет, исчезли безмолвные фантомы, и Алрой остался один в темном парадном зале.

Призывно зазвучала фанфара. Алрой вернулся к себе, раздвинул занавес. За окном занималась заря.

10.7

И снова в седле, и опять лязг мечей и кольчуг, и в который раз знамена и трубы зажигают кровь, и наново пьянит мозг бальзам силы и власти! Алрой воспрял духом. Велико вероятие поражения, огромна награда триумфа. Опасность острит чувства и ум.

Энергичным маршем Алрой двинул пятидесятитысячное войско на просторы бывшего Медийского царства. Вскоре его настиг гонец от Авнера. Наместник извещал о том, что в одиночку он не в силах сдержать гвардию Хорезмского царя. Тот собрал несметное войско и разместил его в Луристане. Алрой отправил послание Шерире – немедленно выдвигаться для соединения сил, а столицу препоручить милости судьбы. Ожидающему помощи уверенность в получении ее важна не менее, чем она сама.

Перевалив через горы, Алрой встретил Авнера с его тридцатитысячной армией. У персидской границы халиф столкнулся с передовым отрядом противника. Разбил его в пух и прах, и хорезмцы, понеся большие потери, обратились в бегство. Однако, опасаясь преждевременного генерального сражения с Альпом Арсланом, Алрой благоразумно отступил к равнине Неговенда и стал поджидать Шериру. Место это напоминало ему о блестящих победах былых дней.

Царю Хорезма нетерпелось поскорее закончить дело. Он не сомневался в превосходстве своих громадных сил. Обеим сторонам было ясно, что через два-три дня произойдет побоище, которое решит судьбу востока.

Алрой в окружении ближайших соратников и отряда солдат отдалился от лагеря, чтобы осмотреть поле скорой битвы. На свою беду царственный дозор столкнулся с засадой хорезмцев. Обескураженные отчаянной смелостью и бешеным напором иудеев, вдвое превосходящие числом бойцы Арслана почли за благо отступить. Напоследок их предводитель выпустил стрелу в сторону Алроя. Пущенная меткой рукой, она неминуемо унесла бы жизнь покорителя Азии. На счастье, некий юный командир, увидев, что обожаемому халифу грозит смертельная опасность, без колебания загородил его грудью своею грудью. Алрой с отрядом поспешили доставить в лагерь тяжело раненого офицера, жертву абсолютной верноподданности и беспредельного патриотизма.

Истекающего кровью командира внесли в шатер халифа, уложили на царскую кушетку. В мгновение ока были созваны лучшие войсковые лекари. Они обступили ложе теряющего силы героя, осмотрели рану и горько покачали головами. Прекратить мучения несчастного можно было лишь ценою последних минут его жизни, извлекая из груди стрелу. Умиравший сознавал свое положение, и заявил о последнем желании – остаться наедине с монархом.

“Господин!” – начал офицер, - “Я покидаю этот мир, но предсмертный ужас не сжимает сердце. Умираю, служа тебе, и нет конца пути достойнее. Безмерны награда и утешение того, кто спас величайшего из людей. И еще: господин, у меня есть сестра.”

“О, мой друг, твоих близких буду беречь и холить, как своих!”

“Благодарю. Будь у меня тысяча жизней, все их посвятил бы моему халифу. Мне известна тайна. Чтобы спокойно умереть я должен открыть ее тебе.”

“Не колеблясь говори! Если обидел незалуженно кого-то, и если сил и золота Алроя довольно, чтоб успокоить твою совесть – не сомневайся в рьяности и щедрости моей!”

“О, господин, мои минуты на исходе. Я буду краток. Дело касается тебя.”

“А именно?”

“В день смерти Джабастера я был в карауле.”

“Силы небесные! Я весь внимание!”

“Он руки на себя наложил, так говорят?”

“Так мне донесли.”

“Ты не виновен, не виновен. Я благодарю Бога, мой халиф не виновен!”

“Не сомневайся в этом, как в вечности народа Израиля. Рассказывай все!”

“Держа в руке печатку, в арсенал вошла принцесса, с нею был Хонайн. Хоть и на посту, не посмел я заступить дорогу особам столь высоким. Я слышал шум борьбы. Израненный и скованный цепью, Джабастер сопротивлялся, как мог, но силы были не равны. Грязная игра. Крадучись, они вышли. Ее глаза встретились с моими. Не знал, что может быть столь свирепым женщины взгляд.”

“Ты никому не рассказывал об этом?”

“Только тебе, мой господин. Они способны на преступления страшнее, если есть такие.”

“Рассказ твой испепелил мне душу и убил надежду. И все же благодарю. Любя, ответной ненависти не дивись, ибо зло в большинстве сердец. Я понял цену жизни, людей и слов. Что хуже, чем знать подобное? Не знать!”

“Вот, я все сказал. Сейчас прошу, вынь из груди стрелу и положи конец страданиям. Я спас тебя, спаси меня.”

“Верный друг, невыразимо мучителен мой долг.”

“Хочу умереть, зная, что это сделал мой халиф.”

“Конец!”

“Бог, храни Алроя!”

10.8

Потрясенный рассказом офицера, Алрой погрузился в тяжкие раздумья. Но тут раздался звук фанфар, в шатер вошел евнух и сообщил о прибытии Ширин. Принцесса покинула кров паланкина и впорхнула под кров шатра. Алрой еле успел сорвать с себя плащ и укрыть окровавленное тело мертвого героя.

“О, мой любимый!” – воскликнула принцесса, - “Я все знаю, я хочу взглянуть на твоего спасителя, я не боюсь крови, я жена солдата!”

“Это было ужасно!”

“Отчего ты так бледен? Не целуешь меня! Исполнил печальный долг и удручен. Один расстался с жизнью. Завтрашний бой унесет тысячи жизней. Пусть земные печали не посягают на небесную нашу любовь! Ты не рад мне? Где улыбка твоя? Не уступлю моего Алроя владыке царства скорби. Скорее поцелуй меня!”

Она бросилась ему на шею. На пылкое объятие Алрой ответил едва. Усадил принцессу на диван. Хлопнул в ладоши и приказал двум вошедшим солдатам вынести тело убитого.

“Теперь шатер более подходит для женского присутствия. Отдохни. Я скоро вернусь.” – сказал халиф и вышел.

Любовь занимает сил у веры. Алрой в смятении. В его глазах застыл ее молящий, любящий и полный муки взгляд, и красота, и грация, и нежность. Ужель до конца написана история восторженной любви? Разве не для Ширин трудился славный меч Алроя? Победа превратится в тень победы, коль не увидит он принцессы ликования. Страсть одолела разум. Сердце отторгло горечь страшного открытия. Алрой вернулся в шатер, лицо сияет любовью. Принцесса рыдает. Волны сострадания и раскаяния затопили душу. Он обнял юную супругу, стал горячо целовать, перемежая поцелуи с клятвами любви.

10.9

Полночь. Алрой и Ширин, обнявшись, сидят на диване в шатре. Ее голова покоится на его плече. Она спит. Алрой встревожен промедлением Шериры. Он бодрствует. Вдруг он услышал голос. Оглянулся по сторонам. Призрак Джабастера показался в ярде от него. Алрой перестал дышать, его прошиб холодный пот. Он осторожно высвободился из объятий Ширин, встал.

“Алрой, Алрой, Алрой!”

“Я здесь.”

“Завтра Израиль будет отомщен!”

“Кто это?” – спросила принцесса, пробудившись.

Ужаснувшись при мысли, что принцесса вновь увидит ненавистный лик, Алрой повернулся, закрыл ей глаза ладонью. Видение исчезло.

“Что случилось, милый?”

“Все хорошо, любимая! Один из моих людей забыл, что ты со мной, и вошел в шатер в неподобающем обличье. Я удалил его. Я должен идти. Последний поцелуй! Прощаюсь, но ненадолго.”

10.10

“Дух изрек: “Завтра Израиль будет отомщен.” Чем и кем? Хорезмцев кровью, что мы прольем? Вопрошая – сомневаюсь. Я изменился. Маловерие, новая черта, меня не ужасает. Это худо. Неужто стал безучастен к деяниям судьбы, к судьбе деяний? Равнодушие погубит

мир. Я влеком течением. Не выбираю курс и не держу в руках штурвала. Пусть так. Вернусь к насущному. Где командир охраны?”

“Вот я. Беноми. К твоим услугам, господин.”

“Пригласи наместника. Кто это там?”

“Гонец от Шериры. Сообщил, что тот миновал горы и с рассветом прибудет.”

“Хорошие новости. Поторопись, скажи Авнеру, чтоб ждал меня на этом месте. Я отлучусь, наведуясь в лагерь к бойцам. Боевые друзья! Вы здесь, чтоб с Алроем одолеть врага. Ручаюсь, многим из вас не внове побеждать на равнине Неговенда. Добрую эту землю мы удобрим вражьими костями!”

“Бог, храни Алроя! Наши жизни принадлежат тебе, халиф!”

“Мой юный предводитель, мой мальчик”, – воскликнул немолодой солдат, - “я знаю тебя с младых ногтей, и этим извини мою вольность.”

“Бывалый, закаленный воин, приветствую твою свободу. Будь добр, продолжай!”

“Я всем твержу, что завтра ты и только ты поведешь нас в бой, но есть такие, которые не верят.”

“Они убедятся в этом сами.”

“Однако, мой мальчик, что скажет принцесса?”

“Она истая солдатская жена. Живет в лагере.”

“Лихо! Вот, братишки, я говорил вам, а вы смеялись! Я знал халифа, моего мальчика, младенцем в колыбели. Я жил вблизи ворот Хамадана, я сын старого Моисея.”

“Жму твою руку, сосед и верный страж! А что у вас в котле, друзья? О, замечательно! Своего повара отправлю к вам на выучку – пусть варит мне такой же плов!”

Солдаты окружили своего командующего. Обожание в глазах бойцов. Один угощает халифа свежим ароматным кофе, другой вступает в разговор, третий благословляет на победу. Всякий, как умеет, выражает любовь и обещает верность. Умиления достойная картина, но тревожит самоотречение приверженцев.

“Нас завтра ждет победа!”

“Не диво, ведь мы с тобой, Алрой!”

“Пусть каждый на своем посту себя покажет с лучшей стороны. Достойный воевода без стоящих бойцов не много стоит.”

“Нельзя не согласиться. А что, Альп Арслан силен?”

“Без преувеличения скажу, что он доставит нам хлопот побольше, чем все наши прошлые противники, взятые вместе.”

“Мы с тобой, Алрой! Бог, храни нам Алроя!”

Появился Беноми и сообщил, что наместник ожидает халифа.

“Я должен идти, друзья”, - сказал Алрой, - “поужинаем вместе после победы!”

“Храни тебя Бог, Алрой, а мы уж одолеем твоих врагов!”

“Доброй ночи, храбрые бойцы. Рассвет сведет нас вместе на ратный труд. Горячий денек впереди.”

“Мы готовы, мы с тобой! Бог, храни Алроя!”

“Я вижу, в бой солдаты рвутся, да рвение не то, что прежде. Командиру верны, но не верой сердца, а в трофеи верой. Славные наемники, не более. О, где Иудеи молодые львы? Обнажив мечи, они псалмами воодушевлялись. Накануне битвы лагерь походил на синагогу под небесной крышей. Священники, алтари, жертвоприношения, кадиланицы. Речи пророков гремят, и немые шеренги, и огонь в глазах. Клянутся отвоевать Канаан завещанный. Времена иные, и я иной.”

“Я слышал, Шерира близко?” – спросил Авнер.

“Это так. Скорей бы рассвет, и в бой!”

“Враг приближается. Мои разведчики едва увернулись от его передовых отрядов. Собравшись на равнине, войска Арслана выстроятся в боевой порядок.”

“Не успеют выстроиться. Атакуя, захватим их врасплох. Каков Шерира! Как хорошо он выбрал время, как удачно!”

“И я так думаю.”

“Бойцы настроены решительно. Направишь кавалерию в атаку, куда враг еще не в боевом порядке. Я иду справа, слева – Азриэль. Дела империи, дела семейные. Здорова ли Мирьям?”

“Все благополучно. Она любит тебя и молится за тебя. Что принцесса?”

“Со мной. Весела, полна уверенности и надежд.”

“Не в тягость ей суровый наш уклад?”

“Она солдатская жена. Она любит тебя, Авнер.”

“Мой меч защитит трон ее детей.”

“Пора. Направлю курьера поторопить Шериру. Гвардию держи в резерве. Отдавай распоряжения. Будет бой!”

“Прощай, халиф. Враги твои станут рабами твоими. Пора.”

С первыми лучами солнца кавалерия иудеев ринулась в атаку и изрядно потрепала не успевшие организовать силы Альпа Арслана. Тот отступил и поспешил выстроить войска. К Авнеру присоединились Алрой и Азриэль. Свершилось неизбежное: генеральное сражение началось. Обеим сторонам не занимать ни храбрости, ни выучки, ни упорства. Превосходящее число сабель хорезмцев уравновесило исступленный энтузиазм иудеев. Геройство Алроя затмило былые его подвиги. Двенадцать раз он возглавлял атаку Стражей короны. Чуть было не прорвался к шатру самого Арслана.

Страстно желал Алрой вступить в единоборство с царем Хорезма, но судьба развела двух монархов, и не скрестила их мечи. Алрой ввел в бой гвардию, томившуюся в резерве, но было ясно, что не выиграть сражения без Шериры, а тот все мешкал. Арслана не страшили потери. Он освежал ряды, держал оборону, радовался непрерывным атакам противника, изматывал его.

Волны сражения то вздымались, то замирали. Алрой ждал подмоги с минуты на минуту, и, наконец-то, явилось чаемое. Вдали показались знамена, и вот уж фигуры всадников различимы. Сердце халифа возликовало. Наконец-то! Это – победа! Он мчится к бойцам со счастливой вестью. Стремителен восторга порыв. Мигом облетела быстрокрылая радость войско иудеев от края его и до края. Вновь вскипела кровь утомленных бойцов. “Почет тебе, бесподобный Шерира! Как славно ты выбрал время! Вместе ударим, вместе преследовать станем бегущего Арслана!” – то ли думал, то ли кричал Алрой.

И тут, погубляя апофеоз сладостного предвкушения триумфа, раздался дикий вопль примчавшегося Бенаи: “Алрой! Алрой! Соединенные силы Шериры и Абидана атаковали твои тылы!” Где грань хитроумия, где предел коварства? Как такое снести разбитому сердцу и изнуренному телу? Настала очередь Альпа Арслана ринуться в атаку. Армия иудеев окружена и обречена. Крах предрешен и близок. Мысль всякого – спасти себя. Бегство с поля боя. Авнер устремился в Хамадан. Азриэль убит. Алрой ринулся к шатру, схватил насмерть перепуганную принцессу, усадил на коня, сам вскочил в седло, и в сопровождении трехсот верных Стражей короны помчался в пустыню.

Двое суток бешеной скачки. На треть сократилось число беглецов. Краткий отдых, и снова вперед. Лишь половине бойцов достало сил оседлать коней. На пятый день Алрой и восемьдесят самых преданных и выносливых его соратников сделали привал в тени пальмовой рощи. С замечательной стойкостью держалась солдатская жена Ширин. Алрой насобирал ей сладких фиников, поднес свежей воды.

“Потерпи, дорогая”, - сказал Алрой, - “Вот-вот конец испытаниям. Я лишился всего, ничего не утратив, ибо ты со мной!”

Продолжили путь не торопясь. Показался знакомый заброшенный старинный город. Амфитеатр. Всадники спешили. Из плаща Алрой соорудил для Ширин грубое походное ложе. Бойцы раздобыли топливо, изловили газелей, разожгли костры, и пир был готов. Избалованные трофеями и славой, потрепанные гвардейцы непобедимого монарха грелись у огня, жадно вкушали грубую пищу и молодецки вживались в новую свою ипостась. Люди не птицы и не рыбы, чьи жизни предопределены, люди существа авантюрные.

“А что, друзья, здесь лучше, чем в пустыне, не так ли?” – воскликнул Алрой, потирая руки над огнем.

Удары судьбы, если слишком тяжелы, замечательно способствуют крепкому сну. Алрой протер глаза в полдень, разбудил безмятежно спящую супругу. Та с нежностью воззрилась на него, улыбнулась.

“Теперь мы шайка разбойников”, - сказал он, - “довольна ли ты переменой?”

“Вполне, милый! Лишь бы с тобой!”

“Оставайся здесь, дорогая. Я должен поднять людей. Принюхаюсь, не потянуло ли ветром удачи?” Алрой переступал через тела спящих, будил бойцов, наконец добрался до Бенаи.

“Довольно спать, командир, вставай!”

Беная вскочил на ноги, физиономия сияет. “Всегда готов, господин!”

“Знаю. А ты знай, что царь твой стал твоим соратником. Давай-ка уединимся для размышлений, и вникнем в наше положение, и упорядочим дела.”

Они покинули амфитеатр и принялись обследовать близлежащие здания. Нашлось место и для жилья и для конюшен. С дней былых остались тюфяки, палатки, запасы топлива, посуда и прочие атрибуты сносной жизни. Вот место, где когда-то Предводитель изгнания столкнулся нос к носу с Хасаном и зарубил надменного губернатора Хамадана. Алрой созвал сюда братву и выложил свои соображения. Выслушав, люди разделились на отряды – по родам занятий и вкусам к ним. Одни будут нести охрану, другие станут охотиться, третьи отправятся в оазис собирать дары природы, четвертые выведут на пастбище коней. Амфитеатр был образцово вычищен. Для принцессы соорудили подходящий шатер. Нежданно предупредительные рубаки состязались в рвении угодить ей. Благодарными улыбками и кроткими речами она поощряла их смекалку и энтузиазм.

Приученные к железному порядку ратники быстро и успешно приноровлялись к сумбурной новизне, находя в ней прелесть бытия. Борьба за выживание не оставляла времени для раздумий и печалей. Покуда с ними Алрой – и надежда с ними. Воистину сей гегемон очаровал бойцов, и те полагали искренно, что лучше поражение с ним, чем победа с другим. По вечерам в амфитеатре, собираясь у костров за ужином, невольные авантюристы казались друг другу и самим себе вполне счастливыми. Приключения дают ощущение жизни во всей ее широте и силе.

Алрой засылал разведчиков во все стороны, дабы разузнать, что творится на большой земле и, сообразуясь с этим, действовать дальше. Велико желание его вступить в связь с Итамаром и Медадом, если те уцелели.

Две недели никто из чужих не появлялся в заброшенном городе. Наконец возникли четыре новые фигуры. Люди эти вернулись в свое логовище и не слишком обрадовались пришельцам и их предводителю, но досаду скрыли. То были курд Кислох, индеец Калидас и их дружки – гебр и негр.

“Благородный монарх!” – воскликнул Кислох, - “Уверены, ты с радостью включишь нас в ряды своей дружины. Ей-ей, старый друг лучше новых двух. Испытанное вместе – общее достояние. Мы полагали, если ты не погиб, то, значит, скрываешься здесь. И не ошиблись. Наше почтение тебе, госпожа”, - добавил Кислох, кланяясь Ширин.

“Я рад вам, друзья”, - сказал Алрой, - “Я весьма ценю вас. Согласен, мы вместе всякое испытали, и дурное, и хорошее. Но лучшее, надеюсь, впереди.”

“Принято надеяться на лучшее”, - заметил Калидас.

“Каковы новости?”

“Не слишком хороши.”

“А именно?”

“Хамадан захвачен.”

“Я к этому готов. Продолжай.”

“Старый Бостинай и госпожа Мирьям взяты в плен и доставлены в Багдад.”

“Взяты в плен?”

“Я думаю, все обойдется. Господин Хонайн в большой фаворе у новой власти и, без сомнения, выручит их.”

“Хонайн в фаворе?”

“Разумеется. За ним числится немало добрых дел в пользу города.”

“Всегда был ловкачом! Только б вызволил сестру! Спасителю простительна измена.”

“Без сомнения – вызволит, и без сомнения – простительна!”

“Что с Авнером?”

“Убит.”

“Как?”

“В бою.”

“Уверен?”

“Я дрался рядом с ним. Видел: он упал.”

“Рад, что он не в плену. Где Медад и Итамар?”

“Упорхнули в Египет.”

“Выходит, нет больше воинства у нас?”

“Кроме тех бойцов, что здесь с тобой.”

“Этих сил достанет ограбить караван, не более. Значит, Хонайн в фаворе?”

“Точно так. Он и нам сослужит службу.”

“Новостями не порадовал.”

“Все – правда!”

“Итак, я рад вам. Отведайте нашу пищу. Груба, но не скудна. Упорхнули в Египет, говоришь?”

“Да, господин.”

“Ширин, хотелось бы тебе взглянуть на Нил?”

“Я слышала, там крокодилы!”

10.14

Подозрение, если не слишком смутно, вострит уши бдительности, родной сестры безопасности. Алрой тяготился присутствием Кислоха и его компании, но сподвижники бывшего монарха с великой приязнью отнеслись к ветеранам пустыни. Их изобретательное шутовство и неутомимое веселье добавили живых красок к серому фону однообразных дней. Зато Алрой не нуждался во внешней силе для поднятия духа, он строил планы бегства в Египет. “Раздобыть верблюдов, переодеться купцами, взять с собой Бенаю и нескольких верных людей и двинуться караваном в Африку через Сирию”, – думал. И чем глубже он входил в детали замысленного предприятия, тем привлекательнее ему казалось будущее. У него припрятано изрядно драгоценностей, которые он надеялся продать в Каире и выручку употребить для насаждения сада новой жизни. Огонь честолюбивых вожелений юности испепелил собственные его мечты, оставив взамен тлеющие уголья новых надежд.

Алрой и Ширин возвращались из оазиса с прогулки. Он шел пешком, вел под уздцы верблюда, на котором восседала Ширин. Он то и дело поднимал глаза, заглядывал в мечтательное ее лицо, читал в нем радость предвкушения скорых перемен.

“Вот так, верхом, осилим дорогу в пустыне.” – сказала Ширин.

“Это веление судьбы.” – добавил Алрой.

“Мы созданы для неги и любви, империя для нас лишь бремя.” – заметила Ширин.

“Мудрецы нас учат, что прошлое есть сон. В текучке будней наука эта нам легковесной кажется. Остановив дней круговерть и в собственную душу заглянув, увидим, как правы седобородые. Разве вполне познали мы жизнь в пустыне, разве насладились вдосталь вкусом фиников с ключевой водой? А если человека естество жаждет возвращения в природу? Тогда

зачем искать убежище в далеких странах? Впервые увидав Шериру, думал, он дикарь, теперь хотел бы стать его преемником. Ум человека слаб, вопрос изобретет, но не ответ. Одни говорят, вопросы труднее ответов, другие добавляют, задавать вопросы – наслаждение, а ответов не надобно – всегда пусты. А всего вернее – поменьше думать!”

“И при этом всегда надеяться, любимый!” – добавила Ширин. Они миновали городские ворота.

Сказочно прекрасна ночь, воздух чист и сладок. Ширин вперила томный взор в сияющий чернотой шелк неба. “В Багдаде это чудо было не для нас”, - промолвила, - “Тускнеет блеск дворцов в ночных лучах, спадающих с небес роскошных! Есть все у нас, что алчет любящее сердце – молодость, свобода, красота. Прошное увидим жалким и смешным. Скорей в Египет, вот чего желаю!”

“Вскорости исполнится желанье. Еще немного, и милая Ширин верхом на верблюде отправится в путь-дорогу, и предприятие это будет потруднее вылазки за финиками в оазис. Узнает Ширин, почем фунт лиха!”

“Ха! Я не боюсь! Увидишь, я выносливей мужчин!”

Они вошли в амфитеатр, присоединились к бойцам, сидевшим у костра. Ширин затянула арабскую песню, мужские голоса подхватили. Песня сплывает, а сплоченным хочется петь. Огонь освещал умиротворенные лица. Далеко за полночь разошлись, чтобы предаться счастливым снам. Впервые, с самого дня краха, так светло и радостно было на душе Алроя.

На рассвете, когда так сладок сон, Алрой проснулся – какая-то неодолимая сила прижала его к земле. Над ним склонился чужой солдат. Свиное лицо. Колени в латах сдавили Алрою грудь. Он рванулся, чтоб негодяя отшвырнуть – да руки скованы, хотел вскочить – да ноги в кандалах. Закричал: “Ширин!” Нет ответа. Глянул по сторонам – амфитеатр полон хорезмских воинов. Сподвижники бледны, ужас в глазах, путы на руках и ногах. Лишь Кислох и гебр, часовые минувшей ночи, свободны и уверены в себе. Алроя подняли с земли, усадили на верблюда. Кавалеристы на конях окружили его тугим кольцом. И рысью вперед. В душе отчаяние и бессильная ярость.

Пленник не вел счет времени. Дни и ночи смешались. Горе сковало чувства и мысли. Но краса природы всегда найдет лазейку к сердцу. Синева небес и зелень земли, воздуха аромат и сверканье реки. Это Евфрат. Так же чарующе прекрасна была река, когда Алрой впервые увидел ее. Невольная слеза скатилась по щеке, обожгла солью иссохшие губы. Он попросил воды. Охранник протянул ему влажную тряпицу. Скованными руками пленник кое-как ухватил ее, смочил губы. Лоскут упал на землю. Охранник ударил Алроя.

Пленного стащили с верблюда, поместили в крытую лодку. Отплыли. Причалив и поднявшись на берег, спиной вперед усадили Алроя на осла, повезли по деревне. Дети швыряли комья грязи в бывшего халифа. Какая-то женщина, хохоча и выкрикивая проклятия, водрузила ему на голову бумажную корону. Глупое, неблагодарное, завистливое животное – такова толпа. Ведомая вождем, она его же и ненавидит. Споткнется он, и она поднимется с колен. Лишь расторопность охранников спасла пленника от самосуда злорадной черни. Так Алрой вновь въехал в Багдад.

Весть о пленении Алроя взволновала столицу. Муллы ликовали, уразумев в этом событии воплощение воли Пророка. Дервиши вдохновенно кланялись подаяние. Мужчины солидно обменивались мнениями в кофейнях. Женщины, как это водится на востоке, собирались у источников и фонтанов, чтобы обсудить новость.

“Пусть говорят, что хотят, а я ему зла не желаю”, - сказала одна из них, поправляя чадру, - “по мне, хоть он трижды самозванец, зато, как красив!” Товарки подхватили интересный разговор, и наперебой зазвучали голоса.

“Все женщины за него, да только помочь ему не можем.”

“Глаза им выцарапать, мучителям!”

“Что скажете про Альпа Арслана?”

“Ему бы вразнос торговать!”

“А принцессе-то сейчас тяжело!”

“Она понежилась немало!”

“Сколько было, лишним ей не показалось!”

“У них настоящая любовь.”

“Я думаю, он пленителям своим не по зубам.”

“Он бессилён, он утратил скипетр.”

“Не может быть!”

“Увы.”

“А вдруг он колдун?”

“Клянусь, какой-то прохвост прячется там за деревом и подглядывает за нами!”

“Каков наглец! Жаль, что это не Алрой! Давайте, закричим погромче!”

Изгнав чересчур любопытного, женщины ушли.

Два солдата, сидя в кофейне, играют в кости.

“Клянусь родной матерью, я не могу причинить ему зла. Я воевал под его началом у Неговенда. И хоть новая власть и не ставит мне это в вину, с радостью бы обнажил меч и зарубил бы первого встречного турка!” – сказал один из игроков.

“Не дождемся справедливого суда!” – подхватил второй, - “Родным отцом клянусь, предназначение его – царствовать! Альп Арслан в сравнении с ним лишь бездарная серость.”

“У меня осталась последняя драхма, лишусь ее – и конец игре. Матерью родной клянусь, он не позволил бы им пленить себя. Тут что-то кроется.”

“Батюшкой клянусь, он спал.”

“Это другое дело. Его предали.”

“Нашлись лиходеи. Говорят, Кислох и его псы взяли крупную сумму за труды.”

“Последняя драхма покинула меня!”

“Аминь. Ты помнишь Авнера?”

“Клянусь матушкой, помню его. Что случилось с госпожой Мирьям?”

“Она здесь.”

“Это убьет Алроя.”

“Он всегда обожал ее. Сама кротость и справедливость. Ни в чем не уступит принцессе.”

“А я говорю, достоинствами души она превосходит принцессу! Да и он без принцессы может обойтись, а без госпожи Мирьям не мил ему свет.”

“Все оттого, что она скромна и ничего не просит для себя.”

“Я думаю, после смерти Джабастера жизнь наша не вернется к прежней полноте.”

“И я того же мнения. А ведь есть, что вспомнить, правда?”

“Еще бы!”

“Ты это чудно выразил! Многие чувствуют, как мы. Самоубийца – хозяин жизни и смерти. Матерью родной клянусь, как только старец наложил на себя руки, в природе ход вещей смешался. Да, именно так я и говорил.”

“Отлично сказано! Смешался ход вещей в природе, и чему успели положить начало, рушится на полпути. Распоряжаясь судьбой его, безголовые эти ставят повозку впереди осла. Нет воеводы лучше, чем Алрой!”

“Что будет дальше? Поживем – увидим.”

“Верно. Услышим, кто поносит его – башку тому снесем!”

“Согласен. Единомышленников у нас есть в досталь.”

“Кто знает?”

10.17

Подземная тюрьма багдадской крепости стала новым обиталищем недавнего властителя Азии. Ни вдоха, ни стога, ни плача не слышать в каземате узника. В прострации пребывая, он ни говорить, ни думать не был горазд. Заскрежетал засов снаружи, отворилась железная дверь. На пороге появился тюремщик, в одной руке миска со скудной осторожной пищей, в другой – тусклый факел. Летучие мыши вспорхнули с потолка и стен, мигают подслеповато, хлопают крыльями, норвят забить зыбкое пламя. Тюремщик оставил в нише миску, закрыл за собою дверь. Летучие мыши замерли, тишина и мрак воцарились вновь.

Образы геройского прошлого кружатся и глумятся над ним. Они горят в мозгу, крошечная тьма не гасит их. Пути впиваются в запястья, цепи оттягивают ступни. Спасти от смерти ради убогой жизни в темнице? Нестерпимая мысль. Зубами разгрыз бы веревки, колодки бы лбом расшиб, да разве сдвинуть крепостные камни? Он растянулся на склизком зловонном полу. Потревожил дремавших змей. Они поползли, зашипели, вспугнули застывших скорпионов. Те встрепенились, шуршанием разбудили крыс. Раздался писк. Малые мерзости эти казались Алрою страшнее великих его несчастий. Он осторожно поднялся, остался недвижим, дабы не потревожить гнусных созданий. Сделал наощупь несколько коротких шагов, наткнулся на скамью в каменной нише. Протянул вперед руку, ладонь коснулась теплого липкого тела какого-то существа. Опрокинув миску, тварь скатилась вниз, блеснули глаза. Алрой отпрянул. Горе, бессилие, ярость в сердце. Испытание мерзостью непосильно могучему духу. Он закричал, в отчаянии воздел кверху связанные руки, застыл в нелепой позе. Да кто слышит и видит его? Лучам сочувствия и утешения не прорваться в мрак подземелья!

Трагичен крах властителя сердец и дум. По праву уверенный в высочайшем парении духа своего, он вдруг повержен, бессилен и одинок. Всякий бросит ком грязи иль слово клеветы. Горько осознать, что избранничество и неуязвимость всего лишь миф, и что неисчерпаемый источник силы пересох. Вечное суетным заместилось навек. Остались думы о прошлом – бездонный кладезь мук. Забыть о спасении – вот побежденного спасение.

Весело оленю лесному в погожий день, ибо не знает он, что у охотника на уме. Закрывать глаза и уши, неведением спастись!

Взгляд истерзанной души пьет нектар воспоминаний. Детство безмятежное, воркующий голосок Мирьям, воздух беззаботности, надежности, любви – все атрибуты счастья юных лет. Избранничество и миссия, скипетр и корона, победы и слава, империя и власть и, наконец, царственная супруга, все, что пришло потом, нынче потускнело. Кто придал блеск и цену обретениям этим? Сам Алрой! Горячим сердцем и победительным умом он новый мир возвел вне и внутри себя. Не стало прежнего Алроя, и с ним – его завоеваний. В душе остался лишь скелет, построенный природой изначально. Все думы сердца – о сестре.

Неделя в заточении позади. Открылась дверь. Тюремщик. Факел. Хриплый голос объявил, что к узнику пожаловала высокая особа, желает видеть его. Отвыкший говорить и слушать речь других, Алрой не совладал с губами и языком и лишь кивком головы дал стражу знать, что понял его. Показалась фигура, закутанная в халат. Тюремщик удалился, оставив факел. Вошедший открыл лицо. Это – Хонайан.

“О, мой дорогой Алрой!” – воскликнул брат Джабастера, и обнял узника, и прижал его к груди. Ах, как был бы счастлив он, оказался Мирьям на месте Хонайна! Но, нет. Вновь на пути его сей чуждый сантиментам муж, приземленности и прагматизма гений. И опять нутро Алроя терпит превращенье. Пересиливая мужество, страдание толкает к мысли о спасении. Надежда теснит отчаяние. Прежний, узнаваемый Алрой.

“Я рад, Хонайн, что ты цел и невредим!”

“Я, разумеется, тоже рад. Хотел бы, чтоб мое благополучие твоему способствовало.”

“Я полон надежд!”

“Это хорошо. Отчаяние – удел глупцов.”

“Я много испытал. Что Ширин?”

“Думает о тебе.”

“Это кое-что, способность думать. Я, видимо, ее утратил. Где Мирьям?”

“На свободе.”

“Это кое-что, свобода. Твоя заслуга. Ради меня, милосердный Хонайн, будь добр к ней. Ей не на кого опереться.”

“У нее есть ты.”

“Она одинока.”

“Живи и защищай ее.”

“Возможно ли покинуть эти стены?”

“Вполне.”

“Охранников убить или подкупить? Я на все готов!”

“Угомонись, мой друг. Не требуется ни подкупа, ни кровопролития. Нужен компромисс.”

“Компромисс был нам под силу у Неговенда. Неужто возможен компромисс с пленным, с обреченным?”

“Почему обреченным?”

“А что, разве Альп Арслан великодушен?”

“Он – невежественный вепрь, подрывающий корни дуба, желудями с которого питается.”

“Тогда зачем толкуешь о надежде?”

“Надежда упомянута тобою. Я говорю о несомненности.”

“Хонайн, мне кажется, я поврежден умом, но, чтобы выбраться отсюда, я обязан понимать тебя. Не мудря, назови мою судьбу.”

“Двумя словами – ты спасен.”

“Спасен?”

“Если сам того желаешь.”

“Желаю ли я? Жизнь бесконечно хороша, но я малого хочу – свободы и уединения. Жизнь спасена! Здесь, в темнице страшной, нелегко поверить в это. Благодарю тебя, Хонайн! Ты не забыл меня, своего Алроя! Ты человек души огромной. Кто в приземленности обвиняет тебя, тот клеветник!”

“Разум рвется в небеса, но уютно ему лишь на земле. Единственное мое желание – служить тебе, Предводитель.”

“Не зови меня Предводителем, зови Алроем. Жизнь спасена! Я могу идти? Сделай так, чтоб меня никто не видел, ты все можешь, Хонайн. Я отправлюсь в Египет. Ты, кажется, был там?”

“Прекрасная страна.”

“Когда смогу покинуть эту жуткую обитель? Мерзости ее страшнее всяких пыток. Когда вновь вдохну чистый воздух, увижу свет и солнце?”

“Радость свободы близка.”

“Нам обоим, свободным, положена радость.”

“Алрой, ты велик, твой дух высок, нет равного тебе!”

“Увы, Хонайн, я сломлен. Все достояние мое – счастливая надежда. Однако, оставим восхваленья. Скорее прочь отсюда!”

“Мои слова сердцем подсказаны, а не желанием польстить. Твоей природы замечательные свойства открывают путь к избавлению. С прочими ты не стоишь в одном ряду. Немногие повидали и испытали с твое. Ты познал строй и лады душ человеческих. И, главное, ум твой наделен чутьем чудесным, чутьем проворным, которое даровано лишь царственным особам избранного племени. Чутье сие сверкает в обрамлении опыта, как бесценный самоцвет искрится в оправе заурядной золотой.”

“Продолжай же!”

“Немного терпения, Предводитель. Ты вступил в Багдад с триумфом, и ты вновь вошел в Багдад и встречен был бесчестьем, на какое только способна изобретательность врага. Это – великий урок.”

“Согласен.”

“Он учит по достоинству ценить пустоту и низость ближних.”

“Увы, и это верно.”

“Рад, что ты видишь дело в том же свете. Во взгляде таком – мудрость.”

“Несчастный мудреет поневоле.”

“Слова и вера хороши, как побуждение к действию. Я уж говорил, нужен компромисс. Я решился, очередь твоя. Задумано, что завтра Алрой должен умереть мучительнейшей из смертей – быть казненным посажением на кол.”

“О-о-о...”

“Даже присутствовать при сем есть пытка нестерпимая. Чем важнее жертва, тем сильнее ужас, охватывающий толпу.”

“О, Бог на Небесах!”

“Зрители, глядя на предсмертные корчи несчастных, словно теряют разум, и необъяснимая сила влечет их на лобное место, и кровь стынет в их жилах, и многие умирают вместе с казнимыми. Я свидетельствую, как врач.”

“Молчи, мне слишком тяжело.”

“Судьба Ширин...”

“О, нет! Только не это!”

“Не забыто, что она дочь халифа, и посему жизни ее лишит милосердный топор. Тонкая шейка не задаст труда палачу. Что до Мирьям, то она объявлена еврейской ведьмой, и удел ее – сожжение живьем.”

“Поверить невозможно! Дьяволы! Когда я был в силе, я щадил слабость! Какое горе!”

“Довольно причитаний, Алрой! Я говорю о том, что было задумано, а не о том, что неминуемо. Я вмешался в ход дел, я потратил победителю, я пошел на компромисс!”

“Каков он?”

“До смешного прост. Для умницы Алроя – сушая безделица.”

“Прошу, будь краток.”

“Феерический твой взлет столкнул дух мусульман со стези обычной, победа над тобой не рассеяла туман, окутавший их души. Я заметил это и употребил на пользу. Проливши кровь твою, они лишь жажду мести утолят, но не смоют пятен со своих знамен и не изгонят страх из растревоженных голов. Колебания в вере, как неурожай и голод, чреватые бунтом черни и раздорами владык. Себя спасая, поможем растерянным врагам. Вернется в равновесие опасно накрененный ум, коли истолкуем твой триумф дьявольским потусторонним действием. А если скажем, что колдовством приворожил Ширин, то в этом они узрят вождевленное оправдание дочери халифа. Вот план, который выведет правоверных из лабиринта, а тебе сохранит жизнь и вернет свободу.”

“План – да, а воплощение его?”

“Это легко.”

“Вразуми.”

“Завтра в полдень тебя доставят к самому Арслану. Среди приближенных узнаешь многих, кто был в окружении твоём. Тебе предъявят обвинение в сношении с дьяволом. Признайся в этом.”

“Что еще?”

“Пустяк. Тебя спросят о принцессе. Скажи, что сердце ее завоевал колдовскими чарами.”

“Так, так, продолжай.”

“И главное. Чтобы развеять страхи новой власти, обратись к соплеменникам и патетично заяви, что твоя Божественная миссия есть ложь, тобой изобретенная.”

“Отлично. Что следует за этим?”

“Сказанное составляет суть, которую ты облечешь в понятную исмаильтянам форму. Притворно отрекись от иудейской веры и восслав Пророка. Тебя отпустят на все четыре стороны и позволят взять с собой твои сокровища.”

“Такова цена свободы? Никогда! Ни на йоту не уступлю! Умру под пытками, но не приму сей компромисс! Он смердит твоим презрением к Богу и Его народу. Прощаюсь с тобой, искуситель, жалею, что прежде повстречался. Низость и подлость – не моя тропа. Алроя предали, но сам он не предаст!”

“Не делать никаких уступок, сидя в западне, - не знак ума. Это ли твоя тропа?”

“Компромисс есть половинное согласие с врагом. Довольно, не продолжай, оставь меня!” – добавил узник.

“Будь мы во дворце, я б так и поступил. Сердце истинного друга умеет охлаждать горячность резких слов.”

“Я Богом помазан, и это – судьба. Смерть моя не осрамит жизни моей.”

“Мирьям?”

“Бог не оставит ее, как она не оставляла Его.”

“Ширин?”

“Ширин! Ради нее одной готов принять смерть лютую. К ней не пристанет клевета, будто полюбила трусливого раба, самозванца безумного, гнусного предателя и колдуна-чаровника. Своею жизнью я мир осветил. Душу Ширин согрел любовью. И умру, величием ослепляя, как жил и как любил!”

Хонайн взял факел, приоткрыл дверь. На пороге появилась закутанная в плащ женская фигура. Вошедшая упала на колени, обхватила руками ноги ошеломленного Алроя, губами прижалась к его руке. Он вздрогнул, цепи зазвенели.

“Алрой!” – воскликнула коленопреклоненная.

“Чей это голос?” – вскрикнул Предводитель изгнания, - “Словно давно слышанная музыка. Поверить невозможно! Ширин?”

“Они называют меня твоею несчастной жертвой.”

“Видеть здесь тебя – казнь хуже посажения на кол! Страшусь встретить твой взгляд. Зачем тут факел? Пусть судьбы наши черные сольются с тьмой непроницаемой, и та поглотит их.”

“Алрой!”

“Вновь голос! Как и я, она должно быть, обезумела от мук.”

“Предводитель”, - сказал Хонайн, кладя руку на плечо узника, - “Прошу, уйми волнение. Ради спасения можно потерпеть и боль. С тобой друзья, и нет у них желанья иного, помимо твоего благополучия.”

“Благополучие? Звучит насмешкой. Спасение против воли равно убийству.”

“Молю, опомнись! Прежде, да и сейчас, пожалуй, имя твое рождало и рождает трепет и благоговение в сердцах. Пристало ли Алрою здравомыслие терять? Как поле боя иль дворец, застенок может стать ареной явления героинства и величия души. Жизньню пренебрегать преступно, ибо тело есть храм для вмещенья духа, исполняющего волю Бога. В положении халифа иль пленника, Алрой – помазанник, и нет в подлунном мире равного ему. Неужто он смиренно пойдет на казнь, как разбойник, живущий волею судьбы и ей не угодивший? Пророчу: ты выберешься из беды!”

“Где скипетр? Подай его сюда! Ах, нет, не к тому брату я обращаюсь!”

“Скипетр вернется к тебе, Давид. И Бог вернется и простит.”

“Нет, это не тот брат. Того уж нет. Женщина виновна.”

“Женщина пришла тебя спасти. Разве принцесса страдала меньше тебя? Внемли ее речам. Они нежны, проникновенны, глубоки!”

“Такой наша любовь была...”

“И есть, мой Алрой!” – воскликнула Ширин, - “Ради меня усмири бушующее сердце. Ты слышал Хонайна. Он умен непревзойденно, за ним ошибок не известно, он не обронит пустого слова. Прими же мудреца совет! Мы будем жить и любить. Жить и любить! Вот и все. Что выше этого? Помнишь ли, как гуляли в саду, утомленные суетностью империи, и говорили, что хорошо бы умчаться далеко-далеко, на остров необитаемый, остров для нас двоих, и пусть он будет мал, но он вместит огромную любовь. Ты слышал мудреца. Из подземелья этого путь не закрыт к мечте. Зачем грозишься умереть у входа в рай? Забыл верную Ширин? Иль усомнился в любви ее? О, Алрой! Поверженный, цепями скованный, в

темнице зловонной ты любим, как любим был триумфатор, в золото наряженный, в палатах благоуханных!”

“Голос из другого мира. Припоминаю что-то. Слова обволакивают сердце. Странно, влага на глазах. Я плачу? Не думал, что могу. Горе и отчаяние. Ум поврежден.”

“Плачь, милый, плачь! Позволь, осушу поцелуями слезы твои! Вообразил, что Ширин забыла своего Алроя, и плачешь. Сокол ясный! Небо чистое и свобода ждут тебя. О, вижу улыбку на твоих устах! Значит, ты подумал о том же, что и я!”

“Теперь я улыбаюсь? Невероятно.”

“Но это так! Вот опять! Добрый знак.”

“Хонайн, она права? Ее дыханье обогрело душу. О, не трать поцелуи на оковы!”

“Они золотые, коли ты заулыбался!”

Воцарилась тишина. Ширин увлекла Алроя на скамью, усадила, села рядом. Она обвила руками его шею, спрятала лицо на его груди. Несколько минут прошли в молчании. Ширин подняла голову, наклонилась к уху Алроя, прошептала: “Завтра мы будем свободны!”

“Завтра? Так скоро суд?” – вскричал Алрой. Глаза его безумны. Он оттолкнул от себя Ширин, вскочил на ноги. “Завтра! В этом слове судьба веков. Миру откроется правда. Ты снова предо мною, привидение? Воистину: убить не значит уничтожить. Не боюсь тебя, я не виновен! Твои убийцы – эти двое! Им в души загляни, суровый дух! Не спасти, но вовлечь меня в преступлений черный круг порочный они пришли. Не выйдет, я не виновен!”

“Хонайн, Хонайн!” – в ужасе заголосила Ширин, - “Он потерял рассудок! Как руки воздел, как глаза сверкают! Успокой его, ты врач! Мне страшно, мне худо!”

Врач подступил к Алрою, взял его за руку. Тот вырвал руку, прошипел: “Прочь, братоубийца!”

Хонайн отшатнулся, бледный, с дрожащими губами. Ширин ринулась к нему. “Что он сказал? Не молчи! Прежде не видала тебя испуганным и бледным. Ты тоже разума лишился?”

“Хотел бы!”

“Повальное безумие. Он что-то сказал. Повтори!”

“Его спроси.”

“Не смею. Ты повтори.”

“И я не смею.”

“Повтори, прошу!”

“Не могу. Уйдем отсюда!”

“Не достигнув цели? Трус! Я сама его спрошу!” – отчаянно закричала Ширин и кинулась к Алрою. “Мой дорогой...”

“Ты видишь, суровый дух, лиса перечит тигру. Невинного не очернить! Я не душил тебя! Верно говорят, не остановится раз свершивший преступление и худшее свершит. О, великий Джабастер! Они умертвили тело твое, теперь хотят душу мою убить. Что страшнее? Умереть – не станет ни меня, ни муки моей, душу потерять – знать не буду ни себя, ни муку мою.”

Принцесса чуть было не лишилась чувств. Хонайн подхватил ее. Они ушли.

10.18

Хамадан пал, и Бустинай и Мирьям были доставлены в Багдад и заключены в крепость. Вмешательство Хонайна избавило их от большинства тягот, уготованных узникам. Попытки Мирьям навестить брата не увенчались успехом. Она докучала Хонайну, но бывший главный визирь лишь сожалел о том, что нынче его влияние не простирается столь далеко. Золото, если его достаточно много, и неподкупных делает покладистыми. Однако, в этом трудном деле ни драгоценности, ни лесть, ни приятное обхождение не помогли ей вступить в сговор с охраной, обычно расположенной к ней. Хонайн после неудачного визита к Алрою немедленно явился к Мирьям и без утайки изобразил ей картину грядущей катастрофы. Одновременно он сообщил, что добился для нее разрешения навестить брата и подсказал средство, как избежать трагедии. Она слушала молча, содрагаясь внутренне, но внешне оставаясь непроницаемой. Хотя искусенному в людских сердцах Хонайну и не удалось угадать ее мыслей, нечестивец остался доволен собой.

Мирьям последовала совету Хонайна и прежде всего послала к брату дядюшкиного слугу. Халеву велено было подготовить Алроя к скорому визиту сестры. Он нашел недавнего покорителя Азии лежащим ничком на полу. Поначалу, казалось, Алрой не понимал или не слышал обращенную к нему речь посланника. Наконец, обреченный уяснил, с чем пришел Халев. Алрой не хотел видеть Мирьям, потом смягчился, уступил, изъявил готовность к встрече в первый послерассветный час.

Крах фантастической карьеры возлюбленного племянника сломил дух почтенного Бустиная. Никак более не обнаруживаются его былые таланты, хоть они и не покинули его вполне. Он замкнулся в себе, а себя замкнул в келье. События вокруг не возбуждают его интерес, стал скуп на слова, но ворчит иногда. Лишь для Мирьям он делает исключение. По-прежнему любит преданную племянницу, сердечно говорит с ней. Только из ее рук соглашается брать пищу, к которой, впрочем, почти не притрагивается. Милосердная Мирьям бережет сердце старика и является перед покровителем юности своей с неизменно приятным лицом, скрывая душевную боль. Твердость веры и твердость духа, благородство и благонравие, честность и честь обороняют ее от разрушительной силы несчастий и бед.

Далеко за полночь. Молодая вдова спит. Очаровательная Бируна и красавица Батшева стерегут ее сон, глядят в окно, ждут рассвета.

“Не пора ли ей вставать?” – спросила Батшева, - “Мне кажется, звезды побледнели. Она просила разбудить ее перед восходом солнца.”

“Глянь, как она безмятежна!” – ответила Бируна, - “К чему будить? Ведь муки ждут ее!”

“Пусть бы сон ее был счастливым!” – сказала Батшева, - “она нежна, как цветок.”

“Шаль соскользнула с ее головы. Я поправлю. Можно, Батшева?”

“Конечно, Бируна. Лицо ее, шалью обрамленное, прекрасно, как жемчужина в оправе раковины. Глянь, она пошевелилась!”

“Батшева!”

“Я здесь, госпожа.”

“Близок рассвет?”

“Нет еще, госпожа. Не слышно дыхания утра, молодой месяц в небе висит, звезды упрямо светят.”

“Дай мне руку, милая Бируна, я встану.”

“Девушка помогла Мирьям встать. Они подошли к окну.

“С тех пор, как на нас обрушились несчастья, я впервые так спокойно спала. Хороший сон привиделся. Мне снился он. Улыбка на лице. Долго ли была я в забытьи, девушки?”

“Отнюдь. Госпожа, я подам тебе шаль, прохладно.”

“Приятная свежесть. Благодарю, не нужно, я не озябла. Чудная ночь.”

Перед взором Мирьям громоздится залитый лунным светом гигантский город. Из высокого окна багдадской крепости видны улицы, кварталы, купола мечетей, стрелы минаретов, черные пятна кипарисов. Тигр плавно поспешает в своем русле. Жители спят в домах, лодки не скользят по реке. Тишина на земле, тишина на воде. Счастливая жизнь почти всегда тихая жизнь. Невольное сравнение приходит Мирьям на ум. Вдова вспоминает великое шумное празднество – свадьбу брата. Днем и ночью Багдад ликовал, гремел, пылал. Нынче город ночной похож на огромный склеп – нем, неподвижен, застыл в лунном свете. Город, обманувший мечту народа-избранника, склеп, схоронивший надежду его. Как быстротечно, как переменчиво время! Вчера – сестра великого покорителя востока, возлюбленная супруга самого славного его воеводы. Сегодня – вдова, единственная родная кровинка свергнутого владыки. Вознесшись, не возгордилась. Все так же была милосердна, добра, скромна, щедра. Пришли беды одна за другой, и верность Господу замкнула изнутри врата души, не пробраться отчаянию. Тяжело на сердце, но не в чем себя упрекнуть.

Мысли Мирьям скользят по глади недавнего прошлого. Безмятежная юность. Ее жизнь и жизнь Давида. Помнит все до мелких штрихов, что известны были только ей и ему. Он рос, мужал духом и телом. Помнит брызги речей его, в которых она умела разглядеть скорый чудесный взлет. Пристальный взгляд назад обманет тщетой ясновидения. Ей мнится, что и тогда уже, в дни счастливых предчувствий, по другую их сторону сердце женское угадывало крах. Слезы на щеках. Мирьям опустила голову на плечо Батшеве. Бируна сжала дрожащую руку.

Бледнеет луна. Пурпур восхода зажигает Тигр, гасит небесные звезды воспоминаний. Протяжный крик над минаретом. Муэдзин. Стук в дверь. Халев.

“Я готова”, - поспешно промолвила Мирьям и закрыла вуалью лицо, - “думайте обо мне, девушки, молитесь за меня!”

10.19

В сопровождении Халева и несущего факел тюремщика Мирьям спустилась в подземелье. Скользкие разбитые ступени, холодные мрачные стены, тяжелая решетка. Голос Алроя из-за двери показался ей бодр и тверд.

Халев остался снаружи. Тюремщик внес факел, удалился. Мирьям, содрогаясь, вошла в страшный застенок. Перед ней стоял брат. Улыбка на спокойном лице. Не в силах сдержать себя, она бросилась к нему, обняла, прижала к сердцу.

“О, нет лучше тебя!” – воскликнул Алрой, - “я не одинок!”

Сестра молчит. Голова ее на плече брата. Закрывает глаза, чтоб слезы удержать.

“Мужайся, родная. Поверь, я счастлив.”

“Брат мой, брат мой!”

“Встретясь мы вчера, увидела бы меня потерянным и несчастным. Сегодня я другой. Впервые после разгрома я в согласии с самим собой. Я утешился вполне. Я видел чудный сон. А на яву Господь меня простил. Я знаю это точно.”

“Со мной подобное же происходит, брат. Хороший сон приснился, умиротворение, покой. Странно.”

“Верь, я счастлив.”

“Повтори, мой Давид. Я вновь хочу услышать это!”

“Я говорю, что счастлив, и это истинная правда, а вовсе не насмешка над самим собой или старанье ободрить тебя. Накануне вечером меня пронзила мысль, будто я привлек внимание Небес. Гнев Господа остыл, и кара за грехи мои смягчена судом высоким. И в подтверждение догадки о снизошедшем милосердии пришла весть от тебя, мой ангел. О, как я этого желал! И я уснул, сладко и глубоко. Прочь уползли черви воспоминаний об империи и об измене. Околел змей, искусивший ложным восторгом чужой войны и чужой любви. И я увидел нас с тобою на лугу, среди цветов. Тут возник Джабастер. В глазах его ни мести, ни обиды. Он сказал: “Давид, сквозь тьму застенка Бог разглядел покаяние твое.” Я проснулся. Услыхал, как зазвучало мое имя. Подумал, это ты меня зовешь. Крикнул: “Сестрица, я здесь!” Не было ответа. Меня осенило. Этот зов я слышал однажды в пещере Джабастера!”

“Голос из-за занавеса ковчега завета?”

“Несомненно. Это значит, что Бог смилостивился.”

“По праву, Давид. Кто в наши дни послужил Израилю вернее тебя? Заблуждения твои? Что ж, молодость не властна над соблазном.”

“Израиль? Народ мой достоин лучшего вождя!”

“О, нет, нет, нет! Мимолетен триумф победы, но память о ней станет вдохновением вечным для народа. Герой, хоть и поверженный, прожил не напрасно. Деяния одного – наследие для всех. Увидев, что человек свершил, уразумеют люди, на что человек горазд. Ты раздвинул горизонты духа народа нашего и меру его величия сказочно вознес.”

“Увы, никто не оградит мое имя от клеветы. Очернят его или, что хуже, забудут.”

“О, брат, все сложится иначе. Пятна на солнце славы не остановят лучей его. Настанет день, и явится поэт, чья лира вдохновится сказанием о подвигах героя. Творение искусства украсит историю народа избранного, и память расцветит его.”

“Пусть моя любовь сделает твои уста пророческими!” – воскликнул Алрой и обнял сестру, -
“А сейчас не мешкай, расставаться лучше в минуту воспаренья духа.”

Мирьям отпрянула в испуге. “Мы не расстанемся! Я умру с тобой!” – вскричала.

“Молю, не лишай меня мужества! Да вернется к тебе покой душевный!”

“Я спокойна, брат. Слезы в сердце, но не на глазах.”

“Ступай, Мирьям, мой ангел. Покуда вижу тебя, я отрешиться от прошлого не в силах и оттого слабею. Я выстоять смогу лишь в настоящем и один. Чем пронзительней уединение, тем человек сильнее. Передай мое почтение дяде Бустинаю. Ступай, ступай!”

“Уйти и в одиночестве тебя оставить? Но ведь есть еще Хонайн!”

“Молчи сестра! Не хочу, чтоб скверна имени сего касалась твоих уст!”

“Молчу. Брат мой, как страшен день грядущий!”

“Бог Израиля даст прибежище духу моему. Он спасет меня, как спас из раскаленной огнем печи иудеев, восставших на Навуходоносора, но Ему не изменивших.”

“Верю, но все ж позволь остаться!”

“Исполни мое последнее желание: покинь меня!”

“Я ухожу. Прощай, Давид. Я поцелую тебя. Вот, я на коленях, я благославляю тебя. Брат мой, великий, любимый! Я достойная сестра – глаза мои сухи. Я горжусь твоею жизнью больше, чем враги наши гордятся станут твоею смертью!”

Бируна и Батшева встретили вернувшуюся Мирьям. Лицо ее бледно, апатично. Девушки усадили несчастную на диван. Одна пристроила подушку за ее спиной, другая отерла губы. Мирьям недвижима. Взгляд стеклянных глаз безучастен, безжизнен. За неким пределом

благородная выдержка мстит за себя. Час-другой прошли в молчании. Предчувствие необратимого холодило сердца Бируны и Батшевы.

Раздался звук трубы.

“Что это?” – нарушила молчание Мирьям, и во взгляде мелькнул мгновенный испуг.

Девушки не ответили, хоть знали, что труба провозгласила последний путь Алроя.

Вновь трубный звук. Страдалица встрепенулась. В комнату ворвался восторженный животный крик ликующей толпы. Лицо Мирьям вспыхнуло. Она вскочила на ноги, воздела руки к небу. Отчаянный протяжный стон вырвался из горла. Девушки не успели подхватить рухнувшее тело. Умерла.

10.21

“Играла вторая труба?”

“Конечно! Беги, занимай место получше. Где Абдалла?”

“Продает шербет на площади. Мы разыщем его. Алроя вывели?”

“Скоро выведут, но другой дорогой. Боюсь опоздать. Дивлюсь на Абдаллу – в такой день торгует шербетом!”

“Отец, можно я с тобой?”

“Ты слишком мал, ничего не увидишь. Оставайся дома.”

“Хочу с тобой! Посади меня к себе на плечи.”

“Где Ибрагим, где Али? Мы должны держаться друг друга. А Абдалла продает шербет!”

“Держим прямо. Базар закрыт. Вот Фаркедин, вот Осман. Вместе пойдем.”

“Свои люди.”

“Отец, Алроя посадят на кол живьем?”

“Не знаю, сынок. И поменьше спрашивай, ты еще мал.”

“Я думаю, живьем. Буду разочарован, если ошибусь.”

“Свернем налево. Пройдем через мясной ряд, там открыто. Ты, кажется, толкнул меня, приятель?”

“Положим, я тебя толкнул, и что же?”

“Иди вперед, не затевай ссору. Не видишь что ли, это хорезмский! Они думают, им все дозволено. Никогда здесь миру не бывать. Жаль, что Абдалла не с нами, пригодились бы его кулаки. В такой день торговать шербетом!”

Площадь перед главной мечетью Багдада назначена местом суда над Алроем. Тысячи горожан, любителей зрелищ, с раннего утра стекаются сюда. В центре площади красный шнур очертил круг, внутри которого ожидаются волнующие события. Хорезмские солдаты несут охрану. Все теснее толпа, все желаннее представление. Ступи кто за красную черту, и суровый охранник немедленно наградит нарушителя правопорядка бежалостным ударом по макушке – знай свое место! На плоских крышах ближайших домов сооружены навесы от солнца, и здесь народу хоть отбавляй. Багдад предвкушает, трепещет, ждет. Как в день свадьбы Алроя, ликуют сердца в день казни его.

Внутри круга возвышается роскошный трон. По бокам его стоят негры-евнухи в белых одеждах. Вид их страшен, ужасны орудия пыток в их черных руках. Для апофеоза зрелища приготовлены длинные, прочные, заостренные шесты. Каждый такой шест есть кол, что войдет в тело жертвы и будет мучить ее, покуда не явится спасительная смерть.

Грохот барабанов, лязг тарелок, вой фанфар провозгласили прибытие Альпа Арслана. Охрана кортежа бесцеремонно раздвигает толпу, прокладывая путь владыке и его приближенным. На знаменах и лентах вышито имя Пророка. Цветные перья украшают головные уборы царедворцев. Музыка гремит, не умолкая. Правоверные пали ниц. Альп Арслан взобрался на трон. Его окружили воеводы, муллы, имамы, судьи и прочие важные персоны Багдада и царского двора. Музыка смолкла.

Монарх высок, худ и рыж. Глаза голубые, нос приплюснут. Только он уселся на престол, как трубы возвестили собравшимся, что долгожданная минута близка, и вот-вот будет доставлен главный пленник и герой дня.

Появились гвардейцы Альпа Арслана. Они ввели в страшный круг пятьдесят пленных иудеев. Руки измученных узников связаны без всякой на то надобности. За скорбным этим шествием в кольце особой охраны медленно двигалась повозка с запряженными в нее мулами. Это – Давид Алрой. Кандалы сняты с ног его, но по-прежнему оковы на руках.

Сборище гудело. Злорадство и сочувствие, удивление и довольство, страх и ликование смешались в этом гуле. Общим было тревожно-радостное ожидание невиданного и неслыханного прежде. Знает ли толпа, что в трагедии жизни лишь Господь зритель, а она сама и есть истинный палач? Одежда узника изорвана и нечиста, голова непокрыта, кудри прилипли к высокому белому лбу. Недавний покоритель востока, вчерашний халиф Багдада, этот грязный оборванец гордым и непокоренным взглядом окинул скопище прежних своих рабов.

Рев труб призвал бурлящую людскую массу к тишине. Вперед выступил глашатай и возвестил, что великий Альп Арслан, владыка Хорезма, вершитель воли Пророка, защитник правоверных и их охранитель от злоумышлений иудеев и гяуров обратится с речью к подданным. В благоговейной тишине зазвучал голос монарха.

“Дауд Алрой!” – воскликнул Альп Арслан, - “Ты доставлен сюда не для пыток и кары. Ты был схвачен и пленен вооруженным до зубов. Оружие твое и твоих сообщников-бунтовщиков было направлено против законной власти. Сознывая это, ты, несомненно, обдумал свое положение и приготовил себя к ожидаемому повороту судьбы. Путь иудея к величию лежит через мученичество. Глядя назад, я назову и другие твои деяния. Словами и

поступками ты порочил имя Пророка. Подвластным тебе искусством колдовства ты обманом заманил в свои сети тысячи доверчивых душ и силою этих несчастных затеял кровавую войну, вопиющую против веры, закона и здравомыслия. Ты состоишь в сношении с Эблисом, духом ада. Заклинаниями и гнусным чудодейством ты помутил разум принцессы и разжег в ее сердце преступную страсть, погубив дочь Предводителя правоверных, потомка самого Пророка.”

“Дауд Алрой, взгляни на эти острые, как пики, шесты. Тебе и твоим сотоварищам они предвещают худшие из мук, какие только способен был измыслить изощренный ум. Наказание публично, дабы люди прониклись сознанием неотвратимости возмездия. Однако, непостижимость причин, толкнувших тебя к свершению злодеяний, смущают нашу праведную волю к мести, и неспроста я сказал, что не для пыток и кары ты доставлен сюда. Разве не темные потусторонние силы овладели тобой, и уж ты не сознавал ни себя, ни дел своих? Разве не внушенная тебе мания колдовства побудила тебя к обольщению столь многих? А сейчас слушайте все и узнаете, как велико милосердие Пророка! Он готов избавить от заслуженных пыток и смерти этих людей и их вдохновителя, если последний признает, что мозг его был отравлен ядом дьявола. Я сказал свое слово. И слава Аллаху!”

И люди вскричали: ”Он сказал свое слово! Он сказал! И слава Аллаху! И Пророку слава!”

“Настал мой черед говорить?” – спросил Алрой, дождавшись тишины. Толпа насторожилась, уши наострены.

Альп Арслан кивнул головой в знак согласия.

“Царь хорезмский! Вот я стою пред тобой, и град обвинений барабанит мне по темени. Отвечу на них. Ты сказал, что я и бойцы мои – все мы бунтовщики. Я монарх, как и ты монарх. Я царь над священным избранным народом, и посему не тебе, человеку, а Богу подвластен. Грех мятежа, что на мне – это бунт против воли Господа, а ты, Альп Арслан, лишь мститель Его. Что до Пророка, иудеи не порочат его и не поклоняются ему, но признаваемы им. Во всех царствах народ мой стоит особняком и, страдая за то, упрямо не смешивает судьбу свою с чужими судьбами. Я верую полной верой в святые и древние наши письма, которые и твоя вера таковыми признает. По приказу Господа я вступил в борьбу, и по Его велению многие тысячи встали под знамя мое. Слышишь ли ты, царь? То воля всемогущего Бога! Так на что мне никчемное колдовство и жалкие хитрости дьявола? Я побежден, и это значит лишь то, что настанет день, и из чрева избранного моего народа появится вождь лучше меня, которого даже могучая, как твоя, не сокрушит орда.”

“Прекрасная принцесса была и остается моей законной женой. Приготовленные тобой орудия грозятся сделать ее вдовой. Не время следовать извивам женского сердца. Скажу лишь, что не пустейшее чародейство привело дочь халифа в объятия царя и воина. Боюсь, с вершины роскошного седалища трудно будет Альпу Арслану уразуметь, почему иудею выпало сорвать красивейший цветок Азии! И последнее. Не перехитри вероломство благосклонную ко мне судьбу, не ты, но я вкусил бы плоды победы. И победитель был бы милосерднее.”

Царь Хорезма составил свою речь, следуя советам приближенных мудрецов. Те убедили его подсказать узнику путь к спасению, дабы тот произнес желаемое признание, дабы утихло брожение в головах, дабы репутация принцессы Ширин была спасена. Хорезмский монарх не отличался благородной сдержанностью чувств. Слова Алроя привели его в ярость. Он трижды ударил царским жезлом по основанию трона и в гневе прошипел: “Бородою клянусь, вы обманули меня. Пес ничего не признал!”

Застыли от страха сердца наставников Альпа Арслана. Воробьиной стайкой мигом сгрудились они на чрезвычайный совет. Мудрейшие из мудрых придумали поразить Алроя неоспоримыми свидетельствами, кои подвигнут узника на неизбежные для него и вожделенные для них признания. Вперед выступил закутанный в зеленую мантию главный служитель веры. Почтенный белобородый старец молил Аллаха покарать проклятых иудеев и гяуров и одарить благоденствием боголюбивых мусульман. Покончив с молитвой, он представил толпе свидетеля – курда Кислоха. Место седобородого занял главный судья Багдада, который развернул свиток – данное под присягой письменное свидетельство Кислоха – и громогласно зачитал содержание грамоты. До умов собравшихся на площади и на крышах доведено было, что почтенный Кислох впервые увидал Алроя в некоем заброшенном городе, в логове разбойничей банды, которую тот возглавлял. Его, Кислоха, богатого купца, разбойники ограбили и взяли в плен. В одну из ночей Алрой предстал пред Кислохом в образе льва, в другую ночь явился быком. Главарь разбойников имел обыкновение обращаться то в одного, то в другого зверя. Он вызывал духов и однажды был удостоен визитом самого Эблиса, духа ада. Эблис вручил ему скипетр царя Соломона, сына царя Дауда. И тогда Алрой поднял знамя мятежа и убил хамаданского правителя Хасана и его сельджуков, и при том все воочию видели, что на стороне мятежника сражалась армия чертей.

Свидетельства индийца Калидаса, гебра и негра не уступали свидетельству Кислоха убедительностью фактов и яркостью деталей. Так был рассеян туман ложного триумфа еврейского царя, и восстановлен престиж мусульманского воинства. Алрой был разоблачен, как сын Эблиса, колдун и торговец ядовитым зельем. Толпа содрогнулась от ужаса и благородного негодования. Правоверные готовы были ринуться за красную черту и разорвать негодяя на куски, но грозный вид хорезмских охранников удерживал мстителей вне круга. Утешало предвкушение зрелища пыток и казни.

Главный судья Багдада низко поклонился царю Хорезма, потом сказал ему что-то на ухо. Трубы взревели и смолкли. Глашатай потребовал тишины. Вновь отверзлись царские уста.

“Слушайте меня, о правоверные! Сейчас будет оглашено свидетельство принцессы Ширин, несчастной жертвы колдуна!”

Из обнародованного главным судьей пергамента следовало, что Алрой бессменно носил на груди подаренный ему Эблисом талисман. Сила сатанинского предмета состояла в том, что ежели приставить его ко лбу женщины, то она теряет власть над своими поступками. И негодяй употребил во зло дьявольский дар и погубил принцессу.

“Так написано?” – спросил осужденный.

“Да, так написано!” – воскликнул судья и торжествующе поднял над головой развернутый свиток с печатью принцессы.

“Это подделка!”

Как ужаленный вскочил со своего трона царь Хорезма. Ринулся по ступенькам вниз, едва не споткнулся. Лицо горело гневом и было красно, как огненно-рыжая борода его. Смелейшие из смелых пытались удержать владыку за полы шелковой порфиры.

“Убить, прикончить на месте этого пса!” – бормотал Альп Арслан.

“Принцесса здесь”, - сказал главный судья, - “она готова подтвердить свое свидетельство о колдовском чуде, от цепей которого она освобождена милостью Аллаха.”

Алрой встрепенулся.

“Подойди, высокородная принцесса”, - промолвил главный судья, - “если прочитанное мною свидетельство истинно, сообрази в знак признания сего поднять свою царственную руку, коей ты поставила на пергаменте печать.”

Евнухи, стоявшие кругом у подножия трона, расступились, и толпа увидела женскую фигуру, закутанную от макушки до пят в непроницаемую для глаза вуаль. На мгновение показалась рука, поднялась вверх и исчезла. Евнухи вновь сомкнули круг.

“Царь, я готов принять муки”, - произнес Алрой. Голова опущена, голос глух, горе сдавило горло. Казалось, решимость вот-вот покинет его.

“Приготовить шесты!” – самолично скомандовал Альп Арслан.

Толпа невольно содрогнулась.

К Алрою подошел чернокожий раб, протянул ему свиток. Алрой узнал нубийца, принадлежащего Хонайну. Приговоренный развернул и стал читать грамоту – последнее рукопожатие надежды. Пронзительно кричало перо Хонайна: “В силе остается все предложенное тебе, лишь одумайся, Алрой! Смерть мученика не превратит в истину его заблуждение. Положи немедленно свиток за пазуху, и это будет знаком спасения. Но если ты неумолим, порви свиток и отречешься от жизни!” Давид Алрой с великим рвением разорвал пергамент на тысячу кусков и отшвырнул прочь горсть обрывков. Ветер подхватил их, разнес над площадью, и жители Багдада ловили в воздухе последние вещественные памятки об уходящем иудейском царе.

Чернокожие рабы приготовили орудия пыток и казни.

“Упорство этого еврея сводит меня с ума. Хочу успеть поговорить с ним”, – сказал хорезмский монарх своим придворным. Благоразумнейшие из благоразумных хотели удержать царя от затеи, но ярость в глазах жестокого владыки заставила их отступить.

Прогрели трубы, глашатай призвал к тишине, заговорил Альп Арслан.

“Эй, пес! Спрошу и ответь. Хорошо ли видны тебе эти шесты? Знаешь ли, что Эблис уготовил тебе в геенне ада? Мыслимо ли иудею корону примерять? Неужто жизнь не сладка? Что лучше – лекеем жить иль на колу умереть?”

“Великодушный Альп Арслан! Пытки мало добавят мук терзаемому мыслью о проигрыше тебе. Иди до конца, толпа не любит, когда жертву щадят.”

“Бородой клянусь, он глумится надо мной! Эй, уберите руки от порфиры! Я буду говорить с ним! Вы зорки, как сокол с колпаком на голове. Ведь он колдун! Он знает заклинания, от нас он улетит на небо иль провалится сквозь землю. Он посрамит и нас, и пытки, что уготованы ему.” Монарх направился к Алрою, за ним хвостом последовали муллы, судьи, сановники.

“Наглый колдун! Пес незаконнорожденный, сын матери безродной! Невозмутимостью злобишь меня! В небо улетишь, в землю зароешься? Так или нет? Говори, Эблиса отродье!” Альп Арслан задыхался от ярости, топтал ногами, рвал рыжую бороду.

“Царь, ты проницательней твоих советников. Я насмехаюсь над ними и над тобой. Я презираю пытки, муки, кары. Я не улечу на небо и не уйду под землю. Не Эблис мой хозяин, Бог мне господин! Доволен ли ответами, царь?”

“Бородой клянусь, вполне!” – выкрикнул Альп Арслан. Царь Хорезма слыл лучшим в Азии рубакой. Он выхватил из ножен саблю и молниеносным ударом обезглавил иудея. Голова Давида Алроя глухо ударилась о помост, и мертвые уста смеялись победителю в лицо.

